Изданіе для студен.

5 дек. 1898 г.

ЛЕКЦІИ

ПО

ЭКОНОМІИ

СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА,

ЧИТАННЫЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ $189^{5}/_{6}$ Г.

пр.-доцентомъ **Н. А. Каблуковымъ.**

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1897.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР
314
39

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Значеніе сельскохозяйственной экономіи 1
II Значеніе международнаго рынка для сельскаго хозяйства 21
III Вліяніе природныхъ условій на строй экономическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ 49
IV Землевладѣніе.
1 Значеніе размѣровъ землевладѣнія 78
2 Формы землевладѣнія 86
3 Распредѣленіе поземельной собственности въ Европейской Россіи 115
V. Земленользованіе 135
Общія замѣчанія по поводу двухъ предшествующихъ отдѣловъ . 155
VI. Распредѣленіе земли по угодьямъ 162
VII. Системы земледѣлія 171
VIII. Мертвый и живой инвентарь 180
IX Сельскохозяйственные рабочіе 188
X Условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ и задолженность землевладѣнія 198
XI. Товарищества въ сельскомъ хозяйствѣ 211
XII. Заключеніе 218

I. Значеніе сельскохозяйственной экономіи и мѣсто, занимаемое ею среди другихъ наукъ юридическаго факультета.

Въ экономіи сельскаго хозяйства, какъ показываетъ самое названіе, рѣчь должна итти главнымъ образомъ о явленіяхъ сельскохозяйственной жизни. Говорить о *значеніи* этихъ явленій въ примѣненіи къ Россіи врядъ ли есть надобность. Оно понятно каждому безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, въ особенности въ настоящее время, когда, начиная съ злополучнаго 1891 г., рѣчь о сельскохозяйственномъ кризисѣ, о кризисѣ крестьянскаго хозяйства, не сходитъ со столбцовъ газетъ и страницъ журналовъ. Въ послѣднее время къ этому присоединяются еще толки о тѣхъ явленіяхъ, которыя вызываются низкими цѣнами на хлѣбъ—обстоятельствѣ, которое одни разсматриваютъ какъ разрушительное по отношенію къ сельскому хозяйству, другіе придаютъ ему иное значеніе. Наконецъ, мы всѣ привыкли постоянно слышать, что Россія—страна земледѣльческая, а слѣдовательно, и независимо отъ временныхъ условій, изученіе явленій изъ области сельскаго хозяйства должно представлять для насъ важный интересъ и значеніе. При такихъ условіяхъ, казалось бы, можно было, ограничившись сдѣланными вступительными замѣчаніями, прямо приступить къ изученію предмета. Но дѣло въ томъ, что каждое явленіе можетъ быть изучаемо съ различныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Для уясненія всего послѣдующаго важно теперь же, въ началѣ, знать не только предметъ изученія, но и то, въ какомъ отношеніи этотъ предметъ будетъ изучаться, въ какой связи стоитъ это изу-

ченіе съ другими свѣдѣніями, усвоиваемыми на юридическомъ факультетѣ, и, наконецъ, къ чему можетъ послужить это изученіе въ дѣйствительной жизни. Вотъ почему настоящую первую лекцію я считаю нужнымъ посвятить краткимъ указаніямъ на задачи прикладной экономіи, или той части ея, которой посвященъ мой курсъ—экономіи сельскаго хозяйства, а также на отношеніе ея къ нѣкоторымъ другимъ предметамъ юридическаго факультета.

Изъ курса теоретической политической экономіи вы уже знакомы съ общими началами этой науки. Изъ того же курса, а равно и изъ исторіи политической экономіи, вамъ извѣстно, 1) что начала эти въ томъ видѣ, какъ они излагаются теперь, выработались не сразу, а постепенно, и 2) что ихъ можно подраздѣлить на двѣ категоріи: а) начала, обнимающія дѣятельность человѣка, направленную на удовлетвореніе своихъ потребностей,—общія всѣмъ стадіямъ экономическаго развитія, и б) начала, регулирующія эту дѣятельность при данной общественной структурѣ экономическихъ отношеній.

Вамъ извѣстно, что нашъ, такъ сказать, первоучитель—Ад. Смитъ, писавшій свою книгу въ тотъ моментъ развитія европейскихъ обществъ, когда складывалось современное капиталистическое хозяйство, придавалъ открытымъ имъ началамъ всеобщее значеніе. Еще сильнѣе это сказывалось у мыслителя, который началамъ Ад. Смита придалъ болѣе стройную и законченную форму—у Рикардо. Каждый изъ читавшихъ его могъ видѣть, что, говоря о капиталѣ въ его современномъ значеніи, Рикардо почти постоянно для поясненія роли капитала прибѣгаетъ къ примѣру *„дикаря, изобрѣтшаго лукъ и стрѣлы“* и противопоставляетъ его дикарю, не имѣющему такого *„капитала“*. Съ дальнѣйшимъ однако развитіемъ нашей науки, съ увеличеніемъ запаса ея наблюденій, съ точнымъ выясненіемъ тѣхъ хозяйственныхъ условій, которыя имѣлъ въ виду Рикардо, и на основѣ установленныхъ имъ же положеній выработалось представленіе о томъ, что условія для дѣятельности человѣка, направленной на удовлетвореніе его матеріальныхъ потребностей, не

представляютъ чего-либо постояннаго, а подлежатъ непрерывному измѣненію, соотвѣтственно съ чѣмъ измѣняется и способъ удовлетворенія потребностей и самое отношеніе человѣка къ продуктамъ своего производства и къ условіямъ для приложенія своего труда. Стало ясно, наприм., что если даже дикарь не обходится безъ какихъ-либо орудій для удовлетворенія своихъ потребностей, хотя бы этимъ орудіемъ былъ грубо обточенный кремень или рыбья кость, то тѣмъ не менѣе эти орудія первоначально играютъ, такъ сказать, подчиненную роль по отношенію къ труду, пока не становятся *капиталомъ*, подчиняющимъ себѣ не только трудъ, но и многія условія жизни человѣка. Еще болѣе выяснилось, что нельзя тѣ общественныя и производственныя отношенія, которыя имѣютъ мѣсто при натуральномъ хозяйствѣ, прилагать къ условіямъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе труда и товарное хозяйство. Намѣтился цѣлый рядъ ступеней, по которымъ совершается переходъ отъ чисто-натуральнаго хозяйства къ чисто-капиталистическому, наблюдателями котораго являемся мы въ данный моментъ, и которое въ свою очередь мы должны разсматривать только какъ ступень въ экономической эволюціи, не представляющей собою чего-либо законченнаго и вѣчнаго.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ стали обращать больше и больше вниманія на исторію экономическихъ явленій, стали изучать бытъ различныхъ народовъ и господствующія у каждаго народа экономическія отношенія, стало уже невозможнымъ таковыя отношенія одного народа безъ дальнѣйшей провѣрки распространять на отношенія въ другомъ народѣ. Стало ясно, что экономическія явленія и отношенія, какъ и все въ жизни, подлежатъ измѣненію и развитію. Нельзя говорить о народномъ хозяйствѣ, какъ о чемъ-то одинаковомъ для всѣхъ временъ; необходимо имѣть въ виду *данную* ступень развитія экономическихъ отношеній; въ смѣнѣ же этихъ ступеней происходитъ извѣстная послѣдовательность и каждая ступень характеризуется своими чертами, отличающими ее какъ отъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ ступеней развитія.

Правда, мы находимъ и у Ад. Смита нѣсколько главъ, посвященныхъ краткому изображенію развитія и установленія тѣхъ отношеній, которыя онъ наблюдалъ въ современной ему Европѣ. Но затѣмъ, дойдя до этихъ послѣднихъ отношеній, онъ останавливается на нихъ, какъ на чемъ-то незыблемомъ и постоянномъ, и тѣ законы и отношенія, которыя имѣютъ примѣненіе къ нимъ, обобщаетъ и распространяетъ на всѣ времена и народы. Кромѣ того, у него замѣтно какъ бы отсутствіе нѣкоторой исторической перспективы, т.-е. онъ разсматриваетъ предшествующую эпоху такъ, какъ бы въ ней существовали тѣ же отношенія, но въ менѣе развитомъ видѣ: разсуждая о естественномъ развитіи благосостоянія, онъ говоритъ все время и о прибыли и о рентѣ, т.-е. имѣетъ передъ собой тѣ же условія распредѣленія, тѣ же мѣновыя отношенія, которыя характеризуютъ и его время; онъ какъ бы упускаетъ изъ виду періодъ отсутствія мѣновыхъ отношеній, отсутствія частной собственности, когда существуетъ лишь родовая и общинная собственность. Дальнѣйшее изученіе, какъ вамъ извѣстно, выяснило, что съ теченіемъ времени измѣняются формы производства, взаимное отношеніе участниковъ его, орудія производства, измѣняется отношеніе человѣка къ послѣднимъ и вообще къ условіямъ производства. И измѣняется все это въ такой степени, что уже не орудія производства становятся орудіемъ человѣка въ его борьбѣ съ природой, а онъ самъ становится какъ бы орудіемъ ихъ (въ машинномъ производствѣ), становится рабомъ созданнаго имъ же капитала, такъ какъ внѣ послѣдняго онъ не можетъ уже достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей. Такимъ образомъ, освобождая себя все болѣе и болѣе отъ подчиненія природѣ, человѣкъ становитъ себя въ зависимость отъ созданныхъ имъ же условій. И трудъ, и орудія производства, и силы природы, и взаимное отношеніе всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для созданія продукта труда, существовали всегда, но *общественное* значеніе каждаго изъ нихъ, положеніе человѣка среди нихъ, его отношеніе къ орудіямъ и продуктамъ труда видоизмѣняются подъ вли

яшемъ постоянныхъ измѣненій въ характерѣ самого производства, вызываемыхъ естественнымъ ростомъ населенія и его потребностей. По мѣрѣ углубленія въ изученіе условій экономической дѣятельности человѣка, при чемъ кругъ наблюдаемыхъ явленій расширялся во времени и пространствѣ, стали намѣчаться различные типы хозяйствъ, отличающіеся между собою по всему складу существующихъ въ нихъ отношеній. Оказалось немыслимымъ начала, установленныя для одного типа хозяйствъ, распространять на другія. Явилось, наприм., какъ я уже указалъ, представленіе о рѣзкомъ, коренномъ различіи между натуральнымъ и денежнымъ хозяйствомъ. Но теоретическое построеніе относительно этихъ различій не таково, чтобы его безъ всякихъ поправокъ можно было непосредственно прилагать къ тому или иному типу хозяйствъ. Дѣйствительность не даетъ намъ ни одного типа въ чистомъ видѣ. Изучая явленія въ пространствѣ и во времени, мы безпрестанно встрѣчаемся съ различными по степени смѣшеніями различныхъ хозяйственныхъ типовъ. Даже въ такой ультракапиталистической странѣ, какъ Англія, служащей преимущественнымъ объектомъ для изученія законовъ капиталистическаго хозяйства, мы встрѣчаемъ, наприм., въ заработной платѣ земледѣльческихъ рабочихъ элементы вознагражденія натурой, въ видѣ извѣстнаго, крайне ограниченнаго клочка земли „allotmen"—для огорода и избы (коттеджа), а это, привязывая рабочаго, до извѣстной степени, къ мѣсту его занятій, нарушаетъ то представленіе о свободѣ передвиженія рабочаго, на которомъ построены извѣстныя положенія объ условіяхъ, регулирующихъ заработную плату. Тамъ же мы еще встрѣчаемъ, правда, уже вымирающихъ, но все еще существующихъ теперь ручныхъ ткачей. Обращаясь къ другой изъ старѣйшихъ по культурѣ странѣ—Франціи, мы найдемъ здѣсь, при полномъ и рѣзко выраженномъ господствѣ капиталистическаго строя, еще болѣе отступленій отъ типа его. Мы встрѣчаемъ здѣсь массу типичнаго крестьянскаго населенія, строй хозяйства котораго характеризуетъ другую, докапиталистическую эпоху, гдѣ въ одномъ лицѣ со-

единяется расчлененное теперь представленіе о землевладѣльцѣ, капиталистѣ и работникѣ, и гдѣ, слѣдовательно, ученіе о заработной платѣ, о прибыли, о рентѣ получаетъ совершенно иное строеніе. Здѣсь, такимъ образомъ, мы помимо классовъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ-предпринимателей и рабочихъ, встрѣчаемъ своеобразный классъ—крестьянство, не накладывающій, однако, своего преобладающаго отпечатка на строй экономическихъ отношеній въ странѣ. Обращаясь къ Германіи, мы опять найдемъ въ одной и той же странѣ на общемъ фонѣ преобладанія капиталистическихъ началъ двѣ несходныя части: одну—съ преобладаніемъ крестьянства, другую—крупнаго землевладѣнія. Въ Австріи и Италіи такое смѣшеніе еще сильнѣе. Но вытекающія отсюда осложненія еще значительнѣе, если имѣть въ виду, что то же самое крестьянство является въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ роли предпринимателя, имѣющаго своихъ наемныхъ рабочихъ.

Мы подошли, такимъ образомъ, къ границамъ Россіи и я не знаю, говорить ли о томъ, еще болѣе сложномъ и неподдающемся безъ ближайшаго анализа подведенію подъ общеустановленныя теоретическія начала, характерѣ русскихъ экономическихъ отношеній, которыя мы наблюдаемъ.

Вамъ не безъизвѣстно, конечно, что въ русской экономической литературѣ до сихъ поръ не рѣшеннымъ считается споръ „о судьбахъ капитализма въ Россіи“. И основанія и затрудненія для рѣшенія этого вопроса вполнѣ естественны и понятны. Съ одной стороны, каждому очевидно, что капитализмъ у насъ развивается; съ другой стороны, несомнѣнно, что та масса крестьянства, которая рѣшительнымъ образомъ преобладаетъ въ Россіи надъ всѣмъ, являясь объектомъ для капиталистическихъ воздѣйствій, въ то же время составляетъ рѣшительное противорѣчіе съ тѣми основами, на которыхъ происходитъ развитіе капиталистическаго строя. Но этого мало. Послѣдній для своего развитія требуетъ наличности цѣлой массы условій, которыя или не существуютъ въ настоящее время, или же находятъ весьма ограниченное примѣненіе по отношенію къ Россіи, и при-

томъ не въ силу какихъ-либо особенностей ея экономическаго строя, а въ силу ея позднѣйшаго вступленія на ту историческую арену, гдѣ уже дѣйствовали и дѣйствуютъ ея собратья, пришедшіе туда раньше ея. При этомъ нужно отмѣтить, что въ этомъ спорѣ играетъ не маловажную роль еще одно обстоятельство. Многіе разсматриваютъ тѣ начала, которымъ далъ окончательное опредѣленіе К. Марксъ, какъ нѣчто всеобщее и приложимое *безъ всякихъ поправокъ* ко всѣмъ странамъ, вступившимъ въ стадію капиталистическаго развитія. Между тѣмъ самъ К. Марксъ никогда не смотрѣлъ такимъ образомъ. Несмотря на отвлеченность въ построеніи его теоріи цѣнности, все выясненіе законовъ капиталистическаго строя у него основано на строгомъ изученіи фактовъ и данныхъ исторіи. Внимательному читателю не трудно усмотрѣть, что К. Марксъ никоимъ образомъ не допускаетъ возможности *тожественнаго* повторенія въ экономическомъ развитіи другихъ странъ и рисуетъ дальнѣйшее развитіе лишь схематически, исходя изъ началъ, установленныхъ имъ для капиталистическаго строя. Кромѣ того, каждому извѣстно, что въ исторіи нѣтъ повторенія явленій въ томъ же самомъ видѣ. Допускать возможность такого повторенія значило бы отрицать исторію, не признавать воздѣйствія на дальнѣйшій ходъ развитія тѣхъ измѣненій, которыя производятся историческими явленіями, и предполагать, что въ каждой странѣ измѣненія, происходящія подъ вліяніемъ другихъ странъ, не имѣютъ своихъ послѣдствій, и въ ней должно произойти все такъ же, какъ будто бы этихъ вліяній совсѣмъ не было. Въ дѣйствительности же каждое историческое явленіе представляетъ собой результатъ такой сложной комбинаціи фактовъ, что вторичное повтореніе ихъ въ тѣхъ же соотношеніяхъ немыслимо. Разъ произошло извѣстное явленіе, то оно уже имѣетъ свое вліяніе на послѣдующее и, слѣдовательно, это послѣдующее, если даже допустить тожество всѣхъ остальныхъ условій, имѣетъ въ предшествующемъ еще и такое условіе, какого не имѣло предыдущее. Въ особенности это должно имѣть значеніе теперь, когда

страны живутъ настолько *неизолированно*, что, какъ мы увидимъ ниже, приходится говорить о всемірномъ хозяйствѣ. А эта неизолированность подчиняетъ каждую страну дѣйствію такихъ вліяній сосѣдней страны, какихъ не было для странъ, развившихся до извѣстныхъ отношеній еще при отсутствіи тѣхъ живыхъ сношеній между ними, какія существуютъ въ настоящее время. Эти то вліянія и составляютъ для странъ запоздавшихъ въ своемъ развитіи новое условіе, не существовавшее раньше для другихъ странъ.

Если отъ этихъ отвлеченныхъ соображеній мы обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что, наприм., начало и толчокъ развитію капиталистическаго строя въ Англіи дали не тѣ обстоятельства, что въ Германіи, и что внутренній строй отношеній въ Англіи былъ въ то время не таковъ, каковъ онъ былъ въ соотвѣтствующее время въ Германіи, а это должно было предопредѣлить уже иное сложеніе и иное отношеніе силъ въ той и другой странѣ. Наблюдая развитіе отношеній, которое совершается въ Западной Европѣ, и происходящее тамъ отдѣленіе рабочаго отъ орудій производства, которое въ результатѣ ведетъ лишь къ обращенію производства изъ частнаго, индивидуальнаго въ общественное, нерѣдко заключаютъ отсюда, что только и существуетъ одинъ путь, который приводитъ къ такому развитію экономическихъ отношеній. Но утверждать это— значитъ прямо закрывать глаза на дѣйствительность, на факты.

Наблюдая отношенія различныхъ классовъ Европы, мы дѣйствительно замѣчаемъ сокращеніе въ числѣ крестьянскаго населенія. Отсюда какъ будто неоспоримымъ является выводъ, что то отдѣленіе человѣка отъ условій приложенія его труда, которое наблюдается въ капиталистическомъ строѣ, совершается все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ и обѣщаетъ, превративъ все населеніе въ одинъ классъ рабочихъ, за исключеніемъ небольшого класса капиталистовъ, привести затѣмъ къ уничтоженію дѣленія общества на классы и превращенію производства изъ частнаго въ общественное. Таковъ путь, которымъ идетъ капиталистиче-

ское производство въ Западной Европѣ, и притомъ въ примѣненіи ко всѣмъ отраслямъ обработывающей промышленности. Но и тамъ мы наблюдаемъ уже, что по мѣрѣ примѣненія машиннаго производства, ведущаго за собой потребность въ меньшемъ числѣ рабочихъ, подъ вліяніемъ различныхъ другихъ обстоятельствъ и особенностей сельскаго хозяйства, о чемъ придется говорить позднѣе, въ послѣднемъ происходитъ также уменьшеніе количества рабочихъ рукъ, не возмѣщаемое, однако, усиленіемъ требованія ихъ на фабрики. То тяжелое положеніе, которое создается этимъ путемъ, находитъ пока себѣ выходъ въ эмиграціи, но и послѣдняя встрѣчаетъ все болѣе и болѣе ограниченій. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ, не поведетъ ли указанное стеченіе обстоятельствъ, вмѣстѣ съ ростомъ сознанія массъ, къ измѣненію созданныхъ самимъ же человѣкомъ условій труда, но уже инымъ путемъ, нежели путь, выработанный предшествующимъ развитіемъ капитализма?

Но если мы имѣемъ основанія поставить такой вопросъ по отношенію къ Западной Европѣ, не умѣя, правда, отвѣтить на него, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы можемъ поставить его по отношенію къ Россіи, или вѣрнѣе говоря, мы не можемъ не поставить его по отношенію къ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ это твердо установлено, ростъ числа рабочихъ въ Западной Европѣ отстаетъ отъ роста производства, т.-е. увеличеніе послѣдняго не сопровождается *такимъ же* увеличеніемъ количества первыхъ; если, такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства *замедляется* превращеніе остального населенія въ классъ рабочихъ; если затѣмъ, какъ это также твердо установлено, такая капиталистическая страна, какъ Англія, теряетъ свое прежнее значеніе при развитіи всемірнаго хозяйства; если доля ея участія въ торговлѣ всего міра падаетъ и она уже сбываетъ на международномъ рынкѣ относительно менѣе продуктовъ своего производства, чѣмъ прежде,—то въ какомъ видѣ все это представляется по отношенію къ Россіи?

Въ послѣдней капиталистическое производство и до сихъ

поръ не можетъ обойтись безъ сильнаго покровительства, и предѣлы его сбыта ограничены почти одними предѣлами нашей страны. Слѣдовательно, при указанномъ выше положеніи даже Англіи и при необходимости защиты нашего капитализма отъ иностраннаго соперничества, онъ не можетъ разсчитывать на такое распространеніе, чтобы занять во всемірномъ хозяйствѣ мѣсто сколько-нибудь близкое къ занимаемому Англіей. А въ такомъ случаѣ онъ не въ состояніи превратить въ классъ рабочихъ, и только рабочихъ, такую часть населенія, какую удалось, наприм., Англіи, имѣющей въ этомъ отношеніи и право первородства, и долгій опытъ, и широкую практику. Съ другой стороны, тѣ условія, которыя вызываютъ повсюду для капитализма необходимость примѣненія техническихъ усовершенствованій, сокращающихъ число рабочихъ, существуютъ и для нашего капитализма и влекутъ за собой не столько ростъ, сколько сокращеніе числа рабочихъ относительно всего населенія.

Сводя результатъ всего сказаннаго до сихъ поръ, можно отмѣтить слѣдующее. Теоретическія начала политической экономіи, выработавшись въ періодъ сложенія капиталистическихъ отношеній и характеризуя послѣднія, не могутъ имѣть прямого, непосредственнаго приложенія къ такимъ стадіямъ экономическаго развитія, *когда еще не сложилось капиталистическое производство* и обусловленное имъ распредѣленіе дохода.

Въ отношеніи къ странамъ, *гдѣ уже господствуетъ капитализмъ*, общія теоретическія начала не могутъ быть прилагаемы безъ значительныхъ поправокъ, вызываемыхъ условіями дѣйствительности. Такъ, теорія имѣетъ въ виду обыкновенно распредѣленіе дохода на ренту, прибыль и заработную плату, изслѣдуетъ законы, опредѣляющіе каждую изъ этихъ долей дохода, и если допускаетъ соединеніе ихъ, то опять таки и въ этомъ соединеніи исходитъ изъ существованія какъ бы отдѣльныхъ долей дохода; при этомъ соединеніе ихъ является какъ бы обстоятельствомъ случайнымъ. Между тѣмъ почти во всѣхъ странахъ, помимо трехъ

классовъ: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, существуетъ особый классъ—крестьянство, гдѣ упомянутыя доли дохода не выдѣляются одна за другой. Доходъ крестьянина не является суммой трехъ видовъ дохода, а наоборотъ, изъ одного цѣльнаго дохода, выражаемаго въ продуктѣ труда, приходится искусственно выдѣлять упомянутые виды дохода, до такой степени искусственно, что приходится говорить, наприм., о капиталѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, тогда какъ крестьянинъ не имѣетъ такого представленія. Для него основа его дохода—трудъ; земля составляетъ необходимое условіе для приложенія труда; орудія труда также мало разсматриваются имъ, какъ капиталъ, какъ никто изъ насъ не станетъ называть капиталомъ ручку для пера, или перо, при помощи котораго мы пишемъ. И это по той простой причинѣ, что орудія труда у крестьянина-землепашца не составляютъ особаго вида имущества, которое само по себѣ, безъ приложенія его труда, даетъ ему особый видъ дохода. Отсюда понятно, что здѣсь существуетъ особый родъ отношеній и иныя основанія для опредѣленія дохода. Поэтому можно сказать, что крестьянское хозяйство представляетъ собою рѣшительное противорѣчіе съ капиталистическимъ строемъ. И такъ какъ въ моемъ курсѣ почти исключительное вниманіе будетъ отведено *явленіямъ русской дѣйствительности,* а въ ней видное мѣсто занимаетъ *крестьянство*, въ благосостояніи котораго и заключаются основы всего нашего экономическаго развитія, то я и считаю нужнымъ здѣсь же нѣсколько подробнѣе остановиться на условіяхъ нашего экономическаго развитія, тѣмъ болѣе, что это всего яснѣе дастъ понятіе о томъ, какое отношеніе имѣетъ прикладная политическая экономія къ общимъ теоретическимъ началамъ нашей науки.

Крестьянское хозяйство въ томъ видѣ, какъ я только-что говорилъ о немъ, представляетъ собою *натуральное* хозяйство; въ настоящее время въ этомъ чистомъ видѣ оно уже не существуетъ и подъ вліяніемъ различныхъ условій превращается въ *товарное* хозяйство. На основѣ товарнаго хозяйства, какъ показываетъ исторія другихъ странъ, разви-

лось капиталистическое, но послѣднее получило свое полное развитіе, главнымъ образомъ, въ обработывающей промышленности; въ земледѣліи, по условіямъ, на которыя я укажу въ одной изъ слѣдующихъ лекцій, капитализмъ не получилъ такого широкаго развитія. Исходя изъ этого, мы должны заключить, что въ Россіи, гдѣ земледѣліе составляетъ занятіе преобладающей массы населенія, гдѣ въ то же время, въ силу техническихъ усовершенствованій въ фабричномъ производствѣ, прилагаемыхъ въ настоящее время, не можетъ быть занято этимъ производствомъ такое количество рукъ, какое отвлекалось въ свое время въ Западной Европѣ, въ которой переходу къ капитализму съ машиннымъ производствомъ предшествовалъ довольно длинный періодъ мануфактурнаго производства, — въ Россіи, повторяю, капитализмъ не въ силахъ поглотить такую массу населенія, какъ тамъ, иначе говоря—не въ состояніи дать занятіе такой массѣ населенія, совершенно отклонивъ его отъ земледѣлія, чтобы создать такое же отношеніе между классомъ фабричныхъ рабочихъ и земледѣльческимъ, какъ на западѣ Европы.

И дѣйствительно, если мы возьмемъ моментъ послѣ отмѣны крѣпостнаго права, которая была вызвана требованіями развивающагося товарнаго хозяйства и развязала руки послѣднему, то увидимъ, что ростъ нашего фабричнаго производства былъ таковъ:

По фабрикамъ съ производствомъ на сумму не менѣ 1.000 р.

Годы	Число фабрикъ.		Число рабочихъ.		Цѣнность производства.	
1865	14,257 (кромѣ горн. зав.)	100%	392,718	100%	296 мил.	100%
1880	16,564 „	116%	616,925	157%	731 „	247%
1890	17,542 „	122%	716,792	182%	903 „	305%
или въ общей сложности:						
		23% (1+16+6)		83%		206%

На фабрикахъ, занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ, произошли слѣдующія измѣненія:

	Число фабрикъ уменьшалось на	Число рабоч. на нихъ увеличилось на	Производ. возрасло на
къ 80 г.	8%	39,8%	119,7%
„ 90 „	4%	21,%	51,%

Рабочіе къ 65 г. составляли 829.573 чел. (безъ горнораб.), ко всему населенію (61,42 мил.) составляли 1,35%.

Къ 90 г. составляли 875.764 чел. (безъ горнораб.), ко всему населенію (91 мил.)—0,96%.

Или къ тому же 90 г. составляли 1.203.714 чел. вмѣстѣ съ горнораб., ко всему населенію—1,32%.

Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ ясно видно, что ростъ числа фабричныхъ рабочихъ у насъ отстаетъ отъ роста цѣнности производимыхъ продуктовъ, т.-е. отъ роста капитализма, и съ ростомъ послѣдняго происходитъ относительное уменьшеніе числа фабричныхъ рабочихъ, а отсюда прямо напрашивается заключеніе, что въ Россіи при посредствѣ капиталистическаго развитія не можетъ быть достигнуто то обобществленіе, какое совершается путемъ сосредоточенія все большей и большей массы населенія на фабрикахъ. Если оно и можетъ имѣть мѣсто, то, какъ видимъ, относительно очень небольшой части населенія.

При этомъ надо имѣть въ виду общее положеніе фабричнаго рабочаго на Западѣ и у насъ въ Россіи. Тогда какъ на Западѣ трудъ на фабрикахъ составляетъ для рабочаго единственный источникъ существованія, у насъ, за сравнительно небольшими исключеніями, рабочій считаетъ трудъ на фабрикѣ побочнымъ занятіемъ, его болѣе тянетъ къ землѣ, и при неблагопріятныхъ условіяхъ онъ уходитъ съ фабрики. Онъ менѣе, чѣмъ западный фабричный рабочій, заинтересованъ, въ силу своей привязанности къ землѣ, въ томъ, чтобы поставить свой трудъ на фабрикѣ въ болѣе выгодныя условія; онъ потому болѣе подчиняется давленію фабрикантовъ и такимъ образомъ понижаетъ плату того изъ своихъ

собратьевъ, для котораго она служитъ единственнымъ источникомъ существованія. У нашего рабочаго, независимо отъ другихъ причинъ, уже въ силу указаннаго обстоятельства, нѣтъ такого стремленія къ организаціи, какъ на Западѣ.

Всѣ эти условія, понижая заработную плату, способствуютъ капитализаціи, крупному росту фабрикъ, но не увеличенію количества рабочихъ. Положеніе это создаетъ неудобства и для фабриканта: ему необходимо приспособлять производство къ сокращающемуся числу рабочихъ, какъ это бываетъ у насъ лѣтомъ, когда значительная часть фабричныхъ рабочихъ уходитъ домой, въ деревню, на полевыя работы. Это послѣднее обстоятельство не дѣлаетъ рабочаго привязаннымъ къ фабрикѣ; онъ при первой возможности спѣшитъ уйти, и положеніе извѣстной части рабочихъ не является вполнѣ необезпеченнымъ при сокращеніи фабричнаго производства.

Такъ, данныя текущей статистики относительно Клинскаго уѣзда, Московской губ., свидѣтельствовали, что при заминкѣ въ фабричной промышленности многіе рабочіе съ фабрикъ вернулись къ землѣ. Перепись 1892 г. вполнѣ подтвердила это: въ 1878 году процентъ хозяевъ, не обработывавшихъ своихъ надѣловъ, составлялъ 24,7%, а въ 92 г.— 14,5%, т.-е. процентъ значительно понизился; очевидно, 10,2% вернулись съ фабрики и начали заниматься земледѣліемъ.

Такимъ образомъ, примѣръ Россіи показываетъ, что теоретическія начала не могутъ быть прилагаемы цѣликомъ къ русской дѣйствительности. Онъ указываетъ, что тутъ имѣетъ значеніе различіе условій и историческаго момента. Мы видѣли, какой процентъ составляютъ фабричные рабочіе въ Россіи. На Западѣ же количество рабочихъ, занятыхъ въ обработывающей промышленности, составляетъ совсѣмъ иное отношеніе ко всему населенію:

52,7% . . . . . въ Англіи.
31,5 . . . . . „ Германіи.
27,5 . . . . . „ Австріи.
26,7 . . . . . „ Италіи.

24,0 . . . . . въ Венгріи.
22,9 . . . . . „ Франціи.

Не трудно видѣть, что разница въ отношеніи класса фабричныхъ рабочихъ тамъ и у насъ такъ велика, что не можетъ быть и рѣчи объ отожествленіи хода нашего развитія съ западно-европейскимъ.

У насъ нѣтъ данныхъ, которыя позволяли бы утверждать, что измѣненіе экономическихъ отношеній, несомнѣнно происходящее въ Россіи, какъ во всякой прогрессирующей странѣ, происходитъ и будетъ происходитъ именно тѣмъ путемъ, какимъ оно происходило на Западѣ. Намъ поэтому недостаточно останавливаться на тѣхъ путяхъ рѣшенія экономическихъ вопросовъ, на какихъ останавливаются тамъ. Мы видимъ, что экономическая и общественная обстановка наша—иная, и притомъ, въ силу того историческаго момента, который переживаемъ мы, не можетъ сдѣлаться такой же, какъ западно-европейская, такъ какъ, съ одной стороны, внѣшнія историческія условія, которыя зависятъ не отъ насъ, а произведены предшествующими поколѣніями, съ другой—развитіе техники, высокая степень которой захватила насъ еще въ періодъ, можно сказать, варварства,—представляютъ собой нѣчто такое, чего нельзя поворотить назадъ. Намъ предстоитъ поэтому, пользуясь успѣхами знаній и на основѣ выработанныхъ ими пріемовъ изученія дѣйствительности, показавшихъ свою силу и значеніе, самостоятельно изучить и опредѣлить условія нашего экономическаго развитія. Только тогда мы въ состояніи будемъ правильно прилагать къ явленіямъ русской дѣйствительности положенія теоретической политической экономіи. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, такое явленіе, какъ низкія цѣны на хлѣбъ, составляющія теперь злобу дня. Для производителя, естественно, выгодны высокія цѣны, и потому отовсюду слышатся жалобы, что низкія цѣны подрываютъ сельское хозяйство. Казалось бы, это вполнѣ справедливо и безусловно приложимо къ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія. Но анализъ условій дѣйствительности, показывающій, что большинство русскаго земледѣльческаго класса (крестьянъ) вынуждено

покупать значительную долю своего хлѣбнаго продовольствія, ограничиваетъ въ значительной мѣрѣ это положеніе и дѣлаетъ его неприложимымъ къ массѣ хозяйствъ.

Возьмемъ въ связи съ этимъ другой вопросъ. Извѣстно, что высота заработной платы опредѣляется уровнемъ потребностй рабочаго и не можетъ надолго падать ниже его. Если, слѣдовательно, главный продуктъ потребленія—хлѣбъ дешевъ, заработная плата должна понизиться. И однако замѣчается, что въ Россіи она выше въ годы низкихъ цѣнъ хлѣба и наоборотъ въ годы хлѣбной дороговизны очень низка. Если мы возьмемъ въ разсчетъ только что указанное обстоятельство, что большинство крестьянскаго населенія прикупаетъ хлѣбъ, то намъ станетъ понятнымъ это явленіе. Часть продуктовъ крестьянинъ имѣетъ отъ своего хозяйства, часть ихъ долженъ купить. Чѣмъ выше урожай, сопровождаемый обыкновенно низкими цѣнами, тѣмъ меньшую часть хлѣба надо купить и тѣмъ меньшая часть крестьянъ нуждается въ его покупкѣ. Предложеніе рабочихъ рукъ уменьшается, да и нужда у ищущихъ заработка не такъ велика, и потому они не такъ склонны продавать свой трудъ за ничтожную плату. Спросъ же на рабочія руки въ такіе годы растетъ, ибо когда крестьянинъ съ хлѣбомъ, то онъ стремится къ удовлетворенію другихъ потребностей и предъявляетъ большій спросъ на продукты обработывающей промышленности. Все это и ведетъ къ увеличенію заработной платы. Такимъ образомъ, исходя изъ положеній теоріи же, мы объясняемъ это явленіе удовлетворительно, но при томъ условіи, что взяли въ разсчетъ ту среду, въ которой, такъ сказать, преломляется данное теоретическое положеніе, выведенное также изъ наблюденія явленій дѣйствительности и ихъ объясняющее, но явленій, происходящихъ въ другой средѣ, при другихъ условіяхъ; а еслибы мы не обратили вниманія на нашу дѣйствительность, то, исходя лишь изъ теоретическаго положенія, сдѣлали бы невѣрный выводъ, что съ удешевленіемъ продуктовъ потребленія въ Россіи должна понижаться денежная заработная плата.

Такимъ образомъ, изучая явленія дѣйствительности, мы

производимъ двойную плодотворную работу. Съ одной стороны, собирая и обобщая факты русской дѣйствительности, наблюдаемые при такой исторической обстановкѣ, при которой они не существовали въ другихъ странахъ, да и при ихъ исторической обстановкѣ не были наблюдаемы такъ, какъ они наблюдаются у насъ, мы обогащаемъ тѣмъ наблюденія ученыхъ всего міра и даемъ матеріалъ для дальнѣйшаго развитія и установленія законовъ нашей науки. Съ другой стороны, провѣряемъ положенія этой науки и опредѣляемъ ихъ относительное значеніе, т.-е. получаемъ матеріалъ для выясненія, насколько и какія положенія экономической науки имѣютъ общее приложеніе и какія относятся къ данному складу экономическихъ отношеній, къ извѣстной сферѣ развитія ихъ. Только этимъ путемъ изученіе русской дѣйствительности можетъ служить наукѣ и въ то же время уяснять намъ, какое приложеніе имѣютъ положенія, выработанныя теоретической политической экономіей при различныхъ хозяйственныхъ условіяхъ и въ частности къ условіямъ русской дѣйствительности. Только этимъ путемъ, только знакомясь съ дѣйствительностью въ всѣхъ ея подробностяхъ и частностяхъ, мы въ сосостояніи выяснить, что въ ней составляетъ проявленіе *общихъ началъ*, *установленныхъ путемъ отвлеченія отъ нея*, и что представляетъ собою временное, *мѣстное значеніе*, и какъ эти послѣднія стороны, т.-е. условія, имѣющія временное и мѣстное значеніе, видоизмѣняютъ и ограничиваютъ приложеніе общихъ началъ.

Таково, стало быть, значеніе и задачи прикладной политической экономіи. Внѣ ея, *внѣ изученія дѣйствительности*, не можетъ быть и теоретической политической экономіи, какъ равно и обратно, *внѣ послѣдней*, не можетъ быть правильнаго и толковаго изученія дѣйствительныхъ экономическихъ отношеній, такъ какъ тогда мы рискуемъ безъ нея, какъ безъ путеводной нити, запутаться въ томъ разнообразіи явленій, которое представляетъ дѣйствительность. Но въ то же время не трудно видѣть, что то изученіе дѣйствительности, которое имѣетъ своимъ предметомъ прикладная политическая экономія, и въ частности экономія сельс

Библиотека

отличается отъ простого наблюденія и систематизированія. Послѣднее выполняетъ *статистика*. Въ экономіи сельскаго хозяйства мы, имѣя, съ одной стороны, матеріалъ уже собранный и систематизированный статистикой.—съ другой, начала теоретической экономіи, сводимъ ихъ, такъ сказать, на очную ставку, повѣряемъ одно другимъ и, уясняя себѣ при помощи теоретическихъ началъ характеръ и значеніе явленій дѣйствительности, повѣряемъ послѣднею теоретическія начала и отыскиваемъ ихъ для тѣхъ явленій, которыя еще не освѣщены теоріей.

Памятный всѣмъ намъ 1891 неурожайный годъ показалъ, какъ мало мы знаемъ условія нашей дѣйствительности и какъ мало мы умѣемъ пользоваться наукой, чтобы быстро и правильно устранять порождаемыя такими годами бѣдствія, и это при тѣхъ условіяхъ снабженія хлѣбомъ всемірнаго рынка, которыя существуютъ въ настоящее время и о которыхъ придется говорить въ слѣдующей лекціи. Во-вторыхъ, нужно ли говорить о томъ, какое значеніе должно имѣть наибольшее распространеніе знаній по экономіи сельскаго хозяйства для такой страны, какъ Россія, гдѣ до $^4/_5$ ея населенія имѣютъ въ основѣ своего существованія земледѣліе и связанныя съ нимъ занятія? Этого, кажется, достаточно, чтобъ имѣть полное основаніе сказать, что экономія русскаго сельскаго хозяйства и, по скольку для уясненія ея нужно, знакомство съ экономіей сельскаго хозяйства другихъ странъ имѣютъ значеніе не только для юриста, но и для каждаго общественнаго дѣятеля. Какъ можетъ обойтись безъ знанія ея *законодатель*, коль скоро предначертанія его имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ дѣйствительности и могутъ повліять на нее такъ, что самыя благодѣтельныя намѣренія обратятся въ зло, если не приняты во вниманіе какія-либо особенности экономическихъ отношеній, если изданный законъ затруднитъ развитіе и, слѣдовательно, нарушитъ правильный ходъ его въ томъ, что по складу экономическихъ отношеній подлежитъ развитію и, наоборотъ, затормозитъ вымираніе того, что въ измѣнившихся уловіяхъ потеряло право на даль-

нѣйшее существованіе. Какъ можетъ обойтись безъ нея *администраторъ*, которому надлежитъ приводить въ исполненіе законъ, соображаясь въ примѣненіи его съ условіями дѣйствительности? Какъ обойдется безъ нея *финансистъ*, которому надо опредѣлить и податныя силы, и условія собиранія налоговъ, и предметы ихъ обложенія, если онъ не знаетъ экономическихъ отношеній нашей дѣйствительности? Правильно ли истолкуетъ договоръ *судья*, коль скоро ему не ясны тѣ экономическія отношенія и ихъ общественное значеніе, изъ которыхъ возникъ договоръ? Ему остается тогда поступить лишь по правилу: summum jus—summa injuria (наприм., аграрныя преступленія, преступленія противъ лѣсныхъ уставовъ и т. п.)! Возможно ли рѣшить правильно вопросъ о *всеобщемъ*, *профессіональномъ* и всякомъ иномъ обученіи для массы населенія, не зная склада ея экономическихъ отношеній? Нужно ли говорить о томъ, что *врачу*, особенно *земскому*, приходится на каждомъ шагу считаться съ экономическимъ положеніемъ массъ, которое обусловливаетъ и самую организацію земской медицины и санитарныя мѣропріятія, и что, такимъ образомъ, знаніе прикладной экономіи необходимо для него, если онъ желаетъ, чтобъ его работа отвѣчала задачамъ его дѣятельности. Наконецъ, русскіе *естествоиспытатели*, только при знакомствѣ съ экономическими условіями нашего сельскаго хозяйства, могутъ приходить на помощь послѣднему указаніями на то, что изъ успѣховъ знанія можетъ быть съ большею пользой утилизировано въ данныхъ условіяхъ.

Не напрасно ли, однако, я дѣлалъ все это перечисленіе? Выше я указалъ, что отъ знакомства съ нашею дѣйствительностью и отъ выясненія того, что изъ теоретическихъ началъ приложимо къ ней, отъ пониманія того, какія имѣются въ ней положительныя условія для дальнѣйшаго развитія, отъ всего этого зависитъ и правильное отношеніе къ ней, проведеніе именно тѣхъ началъ, которыя нужно проводить. Но развѣ экономическое развитіе совершается при помощи спеціально для того назначенныхъ лицъ? Развѣ оно не зависитъ отъ пониманія условій дѣйствительности

самими дѣятелями этихъ отношеній? Развѣ направленіе его хода не слагается изъ суммы усилій самихъ дѣятелей этихъ отношеній? Развѣ оно совершается не всѣми классами общества, не всей массой населенія, и развѣ въ этомъ не заинтересованы всѣ? А въ такомъ случаѣ можетъ ли быть кто-либо изъ членовъ общества избавленъ отъ необходимости знать условія нашей экономической дѣйствительности? Можетъ ли кто-либо помимо самого населенія создать нужныя для него условія существованія? Слѣдовательно, ясно, насколько знаніе и пониманіе этихъ отношеній необходимо для каждаго, а оно, это знаніе и пониманіе, стоитъ въ тѣсной и непосредственной связи съ распространеніемъ народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Значительный матеріалъ для выясненія условій развитія русскаго сельскаго хозяйства въ настоящее время можно найти въ книгѣ **Николая—она**: „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства". СПБ. 1893 г.—Данныя, характеризующія современное положеніе русскаго сельскаго хозяйства, сгруппированы въ изд. Деп. Землед. и Сельск. Пром.: „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи". СПБ. 1893 г. и въ книгѣ **А. Ф. Фортунатова**: „Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи". М. 1893 г.

См. также Юридическій Вѣстникъ 1893 г. № 5 ст. **Н. Каблукова**: „Экономическая хроника".

Какъ пособіе см. „Землевладѣніе и сельское хозяйство", статьи изъ „Handworterbuch der staatswissenschaften". М. 1896 г.

II. Значеніе международнаго рынка для сельскаго хозяйства.

Согласно наблюденіямъ надъ развитіемъ экономическихъ отношеній можно сказать, что общее направленіе въ развитіи ихъ состоитъ въ томъ, что *раздѣленіе занятій* есть то необходимое условіе, черезъ которое проходитъ производство, мало по малу обобществляясь въ своемъ процессѣ. Это развитіе привело въ Англіи къ капитализму, который вырабатываетъ формы общественнаго производства. Но такъ было при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ; при другихъ можетъ быть иначе. Путь, который проходитъ та или иная нація къ извѣстному складу экономическихъ отношеній, опредѣляется той *исторической обстановкой*, при которой онъ проходится, и тутъ нельзя для уясненія его прилагать шаблонъ, взятый отъ другой націи, а небходимо изучить условія и историческую обстановку каждой націи.

Посмотримъ же на ту историческую обстановку, при которой совершается развитіе сельскохозяйственныхъ отношеній въ настоящее время.

Ад. Смитъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи „О природѣ и причинахъ богатства народовъ“, какъ извѣстно, первыя же главы посвящаетъ значенію раздѣленія труда. Оно для него является тѣмъ факторомъ, который обусловливаетъ успѣшность и быстроту производства, оно же вызываетъ раздѣленіе занятій въ обществѣ и, слѣдовательно, дѣленіе послѣдняго на классы, оно же обусловливаетъ возможность и необходимость мѣновыхъ торговыхъ сношеній. Но, отмѣчая все это, Ад. Смитъ былъ далекъ еще отъ того,

чтобъ указать на послѣдствія раздѣленія труда въ томъ обширномъ и всемірномъ значеніи ихъ, которое приходится наблюдать въ современномъ хозяйствѣ. И это понятно. Въ политической экономіи, какъ и во всякой наукѣ, можно выяснять и обобщать только тѣ явленія, которыя подлежатъ нашему наблюденію, и лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они доступны ему, будетъ ли это наблюденіе производиться при посредствѣ опыта, какъ въ другихъ наукахъ, или путемъ простого констатированія фактовъ, проявляющихся внѣ сознательнаго воздѣйствія изслѣдователя. Между тѣмъ, во времена Ад. Смита, то общеніе между людьми, та обширность и постоянство сношеній между ними, которыя составляютъ основное условіе широкаго раздѣленія занятій, не только не были развиты въ такой мѣрѣ, какъ теперь, но отсутствовали даже данныя для того, чтобы составить сколько-нибудь приблизительное представленіе о томъ, до какой степени можетъ развиться всемірное раздѣленіе труда. Достаточно напомнить о томъ, что Ад. Смитъ наблюдалъ раздѣленіе труда по преимуществу въ мануфактурѣ, и всѣ тѣ изобрѣтенія, которыя повели къ образованію крупнаго машиннаго производства, въ его время частію не существовали, частію не имѣли еще такого широкаго приложенія, какого достигли въ послѣдующее время. Уже одного этого достаточно было бы, чтобы значительно дополнить и расширить многое изъ установленнаго Ад. Смитомъ по поводу раздѣленія труда. Но текущее столѣтіеи, главнымъ образомъ, вторая половина его создали такія усовершенствованія, которыя вызвали международное раздѣленіе занятій въ такихъ размѣрахъ, что какой бы области экономическихъ явленій мы ни коснулись, мы не можемъ упустить изъ виду *всемірнаго хозяйства*. Усовершенствованія, о которыхъ я только что упомянулъ, состоятъ въ приложеніи пара къ передвиженію на сушѣ и на водѣ. Чтобы судить о томъ, въ какой мѣрѣ примѣненіе пара къ передвиженію способствовало сближенію людей и ихъ произведеній, приведу сдѣдующія цифры:

кил. жел. дор.

въ 1830 г. на всемъ земномъ шарѣ было проложено 332

(километръ = 0,93 версты)

и притомъ лишь въ Англіи, Франціи и Сѣверо.-Америк. Штатахъ;

кил. жел. дор.

въ 1845 г. въ Европѣ и Америкѣ существовало уже 16.690

„ 1855 г. во всѣхъ пяти частяхъ свѣта было 66.277

„ 1865 г. 145.023

„ 1875 г. 296.009

„ 1885 г. 484.458

а въ настоящее время—до 620000 километровъ или около 580.000 верстъ. Изъ этого количества на Европу приходится свыше одной трети — болѣе 220 т. килом. и болѣе половины на Америку – 338 т. килом.

Подобный же, если не болѣе сильный ростъ наблюдается въ *числѣ* и *вмѣстимости* паровыхъ судовъ. Укажу для примѣра, что въ Великобританіи и Ирландіи вмѣстѣ числилось:

	паров. судовъ	вмѣстимостью
въ 1860 году . . .	2.000.	454 тыс. тоннъ.
„ 1870 „ . . .	3.178.	1.113 „ „
„ 1891 „ . . .	7.720.	5.307 „ „

Объ огромномъ значеніи измѣненій, произведенныхъ развитіемъ парового передвиженія, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1889 году въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ перевезено по желѣзнымъ дорогамъ—495.124.764 пассажир. и 619.135.237 тоннъ товар.; а въ 1893 году — 531 милл. пассажир., т.-е. почти въ 9 разъ больше всего населенія Союза, и свыше 700 милл. тоннъ товаровъ, или болѣе 42.000.000 000 пудовъ (тонна = 60 пуд). Укажу, между прочимъ, что весь служебный персоналъ дорогъ Соединен. Штатовъ составляетъ 3 милл. лицъ, или $^1/_{21}$ часть населенія штатовъ.

Желѣзныя дороги Европы въ 1875 году перевезли 1.371

милл. пассажир., т.-е число почти равное числу населенія всего земного шара, и 715 милл. тоннъ товаровъ; чрезъ 10 лѣтъ, т.-е. въ 1885 г.—7.810 тыс. тоннъ и болѣе 1.500 милл. пассаж. По желѣзнымъ же дорогамъ всего земного шара въ 1875 г. въ среднемъ передвигалось *ежедневно* 4 милл. пассаж. и 2,2 милл. тоннъ тов., а чрезъ 10 л. въ 1885 г. въ теченіе года уже—1.262 милл. тоннъ тов. и 2.030 милл. пасс., что̀ составляетъ ежедневно 3,6 милл. тоннъ товар. и 6 милл. пассажировъ.

Если мы припомнимъ, какое великое значеніе имѣло *переселеніе народовъ*, измѣнившее лицо Европы и положившее начало совершенно иному порядку вещей, то намъ станетъ ясно, насколько сильныя измѣненія должно вести за собой такое ежедневное, *постоянное передвиженіе людей и ихъ произведеній*,—измѣненія тѣмъ болѣе глубокія и рѣзкія, что они, производясь ежедневно, такъ сказать, мало-по-малу, не бросаются сразу въ глаза, а становятся замѣтными лишь тогда, когда приходится имѣть дѣло съ результатами ихъ, являющимися продуктами цѣлаго ряда накопившихся перемѣнъ, повлекшихъ за собою и дальнѣйшія.

Если близкое сосѣдство людей и извѣстная плотность населенія составляютъ одно изъ основныхъ условій для появленія раздѣленія труда, то сближеніе между странами, которое производится паровыми средствами передвиженія и какъ бы уничтожаетъ разстояніе между ними, должно вести за собою дальнѣйшее и болѣе широкое раздѣленіе занятій и, какъ послѣдствіе его, измѣненіе хозяйственныхъ и экономическихъ отношеній. И ни въ какой отрасли хозяйства развитіе путей сообщенія не повело къ такимъ глубокимъ измѣненіямъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Послѣднее, представлявшее собою тотъ родъ занятій, который прикрѣпилъ человѣка къ опредѣленному мѣсту, служило первоначально для удовлетворенія всевозможныхъ хозяйственныхъ потребностей человѣка. Съ теченіемъ времени изъ него выдѣлились въ особую вѣтвь различные виды обработывающей промышленности, которыя и распредѣлились въ различныхъ мѣстностяхъ, смотря по тѣмъ или

другимъ условіямъ, благопріятствовавшимъ ихъ развитію. Земледѣліе же, предназначенное спеціально для производства пищевыхъ продуктовъ, продолжало вестись повсемѣстно, гдѣ селились люди, и не допускало рѣзкаго распредѣленія его по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Съ одной стороны потребность въ пищѣ представляется настолько настоятельной, что человѣкъ опасается не имѣть подъ руками продуктовъ и средствъ для удовлетворенія ея, а съ другой стороны боится поставить удовлетвореніе этой потребности въ зависимость отъ чего-либо стоящаго внѣ его. Даже въ настоящее время, когда страны, ввозящія хлѣбъ извнѣ, поставлены относительно снабженія хлѣбомъ въ условія болѣе благопріятныя, чѣмъ вывозящія, въ ученыхъ трактатахъ и произведеніяхъ, какъ на основной мотивъ для поддержанія земледѣлія, указывается на то, что оно производитъ такого рода продукты, что невозможно ставить присутствіе или отсутствіе ихъ въ зависимость отъ случайностей ввоза, хотя, какъ увидимъ ниже, ввозъ составляетъ теперь не случайность, а нѣчто такое, что повторяется съ гораздо большею правильностью, нежели урожаи. Другое обстоятельство, обусловливавшее повсемѣстное производство пищевыхъ продуктовъ — это *громоздкость* ихъ, не допускавшая перевозки на дальнія разстоянія.

Съ развитіемъ же парового движенія и вообще съ перемѣнами въ средствахъ и путяхъ сообщенія, какъ бы уничтожившихъ *дальность* разстоянія, препятствія къ перемѣщенію продуктовъ сельскаго хозяйства изъ дальнихъ странъ уничтожились, и пищевые продукты явились *всемірными* въ томъ смыслѣ, что отдаленность потребителя отъ мѣста производства хлѣба перестала имѣть какое-либо существенное значеніе. Вслѣдствіе этого лондонскій житель, напримѣръ, получилъ такую же возможность, а иногда даже и большую, питаться австралійской или индійскою пшеницей, какъ и мѣстный житель. Хлѣбъ для каждой страны сталъ продуктомъ не ея хозяйства, а всемірнаго. Распредѣленіе его по странамъ, доля участія каждой страны въ потребленіи его и въ его производствѣ, стали опредѣляться все-

мірнымъ рынкомъ. Цѣна хлѣба стала опредѣляться также не стоимостью его производства въ той или другой странѣ, а условіями международнаго рынка, внѣ зависимости ея отъ стоимости производства хлѣба въ отдѣльной странѣ, тѣмъ менѣе въ отдѣльномъ хозяйствѣ. Во время Адама Смита можно было говорить о народномъ или *національномъ* хозяйствѣ въ смыслѣ опредѣленнаго отношенія различныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, тѣсно связанныхъ и соединенныхъ между собою раздѣленіемъ труда. Въ настоящее же время, когда пути сообщенія связали весь міръ и ведутъ къ распредѣленію по немъ различныхъ производствъ, соотвѣтственно наиболѣе благопріятствующимъ условіямъ для каждаго изъ нихъ, тѣмъ самымъ создаются опредѣленныя хозяйственныя отношенія между всѣми странами міра; послѣднія соединяются какъ бы въ одно цѣлое, и мы можемъ уже говорить о всемірномъ хозяйствѣ въ этомъ смыслѣ и изучать тѣ общія условія, которыя оно создаетъ для хозяйства каждой отдѣльной страны и для ея отдѣльныхъ хозяйствъ или группъ ихъ, связанныхъ еще какими либо общими условіями болѣе частнаго характера. И если для Ад. Смита исходнымъ фактомъ для выясненія существовавшихъ экономическихъ отношеній служило раздѣленіе труда, то въ настоящее время не только для выясненія явленій въ области сельскаго хозяйства, но и во всякой другой отрасли экономической дѣятельности человѣка, необходимо исходить изъ условій всемірнаго хозяйства, международнаго рынка, такъ какъ онъ представляетъ то общее явленіе, съ которымъ должно считаться каждое хозяйство страны, принимающей участіе въ международномъ обмѣнѣ.

По отношенію же къ сельскому хозяйству считаться съ условіями международнаго рынка тѣмъ болѣе необходимо, что существованіе всемірнаго рынка образовало для него совершенно иныя условія, отличныя отъ прежнихъ, создало почти не существовавшую прежде для него возможность развиваться и совершенствоваться сообразно условіямъ почвы и климата. Зависимость сельскохозяйств. производства отъ мѣстныхъ, почвенныхъ и климатическихъ условій

гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой отрасли производства. Но безусловно слѣдовать этой зависимости, т.-е. ограничиваться производствомъ продуктовъ, которымъ наиболѣе благопріятствовали мѣстныя условія, при неразвитыхъ путяхъ сообщенія не было возможности, ибо это значило бы производить то, что не могло найти сбыта, и въ то же время лишить себя необходимаго. Международный обмѣнъ, создавшій широкій сбытъ для всѣхъ сельскохозяйственныхъ произведеній и обезпечившій снабженіе хлѣбомъ странъ, не производящихъ его, тѣмъ самымъ уничтожилъ прежнюю зависимость, вызывавшуюся отсутствіемъ сношеній, и поставилъ производителя лицомъ къ лицу съ тѣми мѣстными природными условіями, отъ наличности которыхъ зависитъ успѣшность того или другого производства. Но въ то же время это создало для потребителя возможность пріобрѣтать продукты не по цѣнѣ, въ которую они обходятся при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ ихъ производства, а, наоборотъ, по цѣнѣ ихъ при наиболѣе благопріятныхъ для того условіяхъ.

Международный рынокъ, такимъ образомъ, долженъ былъ вызвать въ каждой странѣ развитіе сельскаго хозяйства въ направленіи наиболѣе отвѣчающемъ ея условіямъ, и, слѣдовательно, расширить производство многихъ такихъ продуктовъ, которые производились и въ другихъ странахъ, но при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, а затѣмъ повести и къ сбыту ихъ въ этихъ странахъ. Развитіе путей сообщенія повело за собой обращеніе подъ сельскохозяйственную культуру пустовавшихъ дотолѣ земель Америки, Остъ-Индіи, Австраліи, Африки и вызвало кризисъ, переломъ въ сельскомъ хозяйствѣ не только тѣхъ государствъ Европы, которыя производили недостаточное количество хлѣба для внутренняго потребленія и прибѣгали къ ввозу его извнѣ, но и въ тѣхъ, которыя имѣли возможность вывозить хлѣбъ и встрѣтили на міровомъ рынкѣ новыхъ конкурентовъ, производящихъ хлѣбъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и готовыхъ сбыть его по болѣе дешевой цѣнѣ.

Такъ, открытіе Суэзскаго канала, облегчивъ доставку

изъ Остъ-Индіи, вызвало усиленный привозъ оттуда риса и имѣло слѣдствіемъ тяжелый сельскохозяйственный кризисъ для Италіи, производившей его при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Точно такое же дѣйствіе вызвало во всѣхъ европейскихъ странахъ усиленіе ввоза американскаго хлѣба. О размѣрахъ дѣйствія, которое онъ произвелъ, можно судить по тому, что вывозъ пшеницы изъ Америки съ 52½ милл. бушелей въ 1870 г. дошелъ къ 1880 г. до 183 м. б.; весь вывозъ продуктовъ сельскаго хозяйства съ цѣнности въ 124 м. дол. въ 1850 г. достигъ въ 1880 г. 748½ м. д.; число акровъ подъ пшеницею съ 13 м. въ 1863 году достигло въ 1880 г. 32 милл. акровъ, что дало вмѣсто 173 м. буш. пшеницы сборъ въ 420 м. буш. Число акровъ подъ кукурузой за то же время возросло съ 15 мил. до 51 м. акр., или за 20-лѣтіе 1860—1880 гг.:

населеніе возросло на	58%
производство пшеницы на . . .	154,2%
вывозъ пшеницы на	4.111,8%
производство маиса на	72,9%
вывозъ его на	2.917,3% и т. д.

Вывозъ пшеницы изъ Остъ-Индіи за время 1872—1880 гг. также возросъ на 1.609% и т. д.

Съ 1880 г., который представляетъ высокую точку развитія сельскохозяйственнаго вывоза изъ С. Штатовъ, онъ къ концу прошлаго десятилѣтія вдвое понизился противъ его начала, но за то же время значительно возросъ вывозъ изъ Остъ-Индіи, Австраліи, Канады, Египта, Южной Америки и Австро-Венгріи. Вывозъ одной только пшеницы изъ Британской Индіи возросъ съ 1 073.000 центнеровъ въ 1874—75 г. до 22.264.000 цент. въ 1886—87 г.

Таковы результаты развитія путей сообщенія для сельскохозяйственныхъ странъ, отдаленныхъ отъ Европы, для странъ *новой культуры*. Какъ должно было это обстоятельство отразиться на сельскомъ хозяйствѣ европейскихъ странъ, странъ старой культуры, не трудно предвидѣть. Достаточно указать, что, по вычисленіямъ Неймана-Спал-

ларта, въ 1852—59 гг. еще 73.5% потребности въ пшеницѣ покрывалось въ Великобританіи внутреннимъ производствомъ ея, въ 1860—67 гг. уже лишь 59,7%, въ 1868—75 гг. внутреннее производство пшеницы покрывало лишь 51,9% потребности въ ней, въ 1876—78 гг. уже 42,6%, а въ началѣ 1880 г. уже до ¾ потребности въ ней покрывалось ввозомъ. Такое быстрое сокращеніе потребленія пшеницы внутренняго производства, очевидно, могло быть лишь результатомъ сокращенія внутренняго производства, что и подтверждаютъ данныя англійской сельскохозяйственной статистики. А такое быстрое сокращеніе производства опредѣленнаго продукта въ сельскомъ хозяйствѣ и характеризуется, какъ крутой переломъ въ немъ, представляющій то, что и именуется совершенно справедливо *кризисомъ*. Первое и неизбѣжное послѣдствіе его состоитъ въ томъ, что *цѣнность* земель падаетъ и представитель цѣннаго имѣнія превращается въ лицо, получающее очень небольшую ренту съ него, если еще приходится ее получать. Въ то же время это вызываетъ нарушеніе цѣлаго ряда денежныхъ обязательствъ со стороны землевладѣльцевъ и вынужденную продажу имѣній; затѣмъ уменьшеніе *аренды* земель и количественно и въ цѣнѣ ея, забрасываніе многихъ хозяйствъ и, наконецъ, ростъ задолженности имѣній, вызываемый необходимостью получить въ ссуду оборотный капиталъ на дальнѣйшее веденіе дѣла, такъ какъ упадокъ сбыта или обезцѣненіе продукта не даетъ получавшихся прежде средствъ. Разумѣется, съ теченіемъ времени послѣдствія кризиса сглаживаются путемъ различныхъ мѣръ. И все то, что рекомендуется какъ средство для его поправленія, имѣетъ въ виду именно лишь смягченіе этого остраго состоянія дѣлъ. Обыкновенно указываютъ, съ одной стороны, на необходимость развитія внутреннихъ путей сообщенія и вообще средствъ, имѣющихъ цѣлью уменьшить издержки на доставку хлѣба на рынокъ. Несомнѣнно, это средство имѣетъ большое значеніе, такъ какъ, при равенствѣ прочихъ условій, въ лучшемъ положеніи стоитъ тотъ, кто ближе къ рынку, и въ этомъ смыслѣ законъ ренты, установленный

Рикардо и Тюненомъ, сохраняетъ вполнѣ свою силу. Второй рядъ мѣръ относится къ производству, къ необходимости поставить его соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ, иначе говоря — распредѣлить его соотвѣтственно характеру почвы, климата и другимъ условіямъ, благопріятствующимъ производству опредѣленныхъ продуктовъ. Примѣненіе этого средства требуетъ уже сельскохозяйственныхъ знаній, ведетъ къ примѣненію раціональнаго земледѣлія,—словомъ, ставитъ его на прочный базисъ науки и вызываетъ распредѣленіе сельскохозяйственныхъ культуръ по странѣ и по странамъ міра соотвѣтственно условіямъ, наиболѣе благопріятствующимъ производству тѣхъ или другихъ продуктовъ.

Таковы первыя послѣдствія образованія всемірнаго хозяйства въ земледѣліи. Но ими не ограничиваются они, и указанныя мѣры, сами по себѣ необходимыя и существенныя, не ведутъ еще къ устраненію того положенія сельскаго хозяйства, которое въ настоящее время переживается почти повсюду и которое нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ кризисомъ, нельзя назвать и depression—угнетеннымъ состояніемъ, какъ его характеризуютъ англичане. Вѣрнѣе всего его опредѣлить какъ *неустойчивое состояніе* сельскаго хозяйства.

Состояніе это вытекаетъ изъ всего строя тѣхъ отношеній, которыя на основѣ стараго, прежняго способа веденія сельскаго хозяйства, путемъ самостоятельной частной предпріимчивости, создали всемірное распредѣленіе его продуктовъ и выработали для нихъ одну цѣну, установленную международнымъ рынкомъ. Это обстоятельство уже само по себѣ создаетъ совершенно иное положеніе сравнительно съ прежнимъ. Какъ извѣстно, цѣны на сельскохозяйственные продукты колебались и ранѣе и въ очень сильныхъ предѣлахъ. Неурожаи постигали также всѣ страны и притомъ съ послѣдствіями болѣе тяжелыми, чѣмъ въ настоящее время; обильные урожаи также роняли цѣну продукта нерѣдко ниже стоимости его производства, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ хозяйства могли разсчитывать на

подъемъ ихъ въ такое время года, когда запасы хлѣба истощались и цѣна на него росла. Въ настоящее время не можетъ быть разсчета на это.

Именно въ такомъ положеніи оказались въ началѣ 70 хъ годовъ германскіе хозяева, которые разсчитывали на подъемъ цѣнъ къ зимѣ, когда обыкновенно привоза хлѣба не бываетъ, какъ появившійся остъ-индскій хлѣбъ нарушилъ всѣ ихъ разсчеты.

Въ настоящее же время такихъ разсчетовъ даже и не можетъ быть, ибо на международномъ рынкѣ нѣтъ такого мѣсяца въ теченіе года, когда бы не производилась жатва. Въ самомъ дѣлѣ, въ январѣ производится жатва въ Австраліи, Новой Зеландіи, Чили и Аргентинѣ.

Въ февралѣ и мартѣ—въ Остъ-Индіи и верхнемъ Египтѣ.

Въ апрѣлѣ—на Кипрѣ, въ Сиріи, М. Азіи, Персіи, Индіи, Мексикѣ и Кубѣ.

Въ маѣ—въ Алжирѣ, Средн. Азіи, Средн. Китаѣ, Японіи, Техасѣ и Флоридѣ.

Въ іюнѣ—въ Турціи, Греціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, южн. Франціи, Калифорніи, южн. и зап. штатахъ Сѣв. Америки.

Въ іюлѣ—въ Дунайскихъ княжествахъ, Австро-Венгріи, южной Россіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи, южн. Англіи, сѣверо-вост. штатахъ Сѣв. Америки и Канадѣ.

Въ августѣ—въ Бельгіи, Голландіи, Великобританіи, Даніи, Польшѣ, сѣв. Россіи, нижней Канадѣ и Колумбіи.

Въ сентябрѣ и октябрѣ—въ Шотландіи, Швеціи и Норвегіи.

Въ ноябрѣ—въ Перу и Южной Америкѣ.

Въ декабрѣ—въ Бирмѣ.

Правда, не во всѣ эти мѣсяцы жатва приходится на страны, играющія крупную роль въ международной хлѣбной торговлѣ, но все же въ первой четверти года даютъ жатву Австралія, Остъ-Индія, Аргентина, занимающія уже теперь крупную роль въ международной торговлѣ, при чемъ доля участія ихъ постепенно растетъ и опредѣленіе предѣла этого участія еще преждевременно, тѣмъ болѣе, что въ

настоящее время потокъ европейскихъ переселенцевъ направляется въ Аргентину, вызывая въ ней усиленіе производства. Во второй четверти года жатву даютъ Алжиръ, Сѣв. Америка, въ третьей—Сѣв. Америка, Дунайскія княжества, Австрія и Россія. Придерживаясь господствующихъ среднихъ вычисленій сбора пшеницы въ главныхъ странахъ, получимъ, что

	Гектолитровъ
въ 1-ю четверть года сбирается.	127 мил.
„ 2-ю „ „ „	227 „
„ 3-ю „ „ „	424 „

Такое распредѣленіе сбора пшеницы, конечно, какъ нельзя болѣе благопріятно для потребителей, приравнивая производство хлѣба къ фабричному: оно обезпечиваетъ возможность постояннаго полученія этого продукта, предупреждаетъ возможность голода и недостачи хлѣба, дѣлаетъ излишнимъ скопленіе большихъ запасовъ и затрату на это средствъ и, слѣдовательно, способствуетъ и этимъ путемъ пониженію цѣны продукта. Но на производителѣ все это отзывается иначе. Конечно, еслибы мы представили себѣ, что одинъ производитель получилъ возможность не пріурочивать производство всего нужнаго хлѣба къ одному моменту времени, а можетъ производить его ежемѣсячно, постепенно въ теченіе года, то тогда бы всѣ трудности, сопряженныя теперь съ веденіемъ сельскаго хозяйства, сами собой уничтожились бы. Но вѣдь производитель-то этотъ является въ видѣ множества отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, различныхъ по національности, по размѣрамъ землевладѣнія и по цѣлому ряду другихъ обстоятельствъ, и только продуктъ ихъ заботъ или труда попадаетъ на одинъ и тотъ же международный рынокъ, который устанавливаетъ на него цѣну для даннаго момента, отражающуюся на цѣнѣ продукта и на спросѣ его также и на внутреннемъ рынкѣ.

Какъ, наприм., и какая нормальная цѣна можетъ быть установлена для тѣхъ гектолитровъ пшеницы, которые появляются въ первую четверть года, когда ожидается боль-

шее количество ея во вторую четверть и еще большее въ третью? Какъ, въ свою очередь, сообразоваться съ цѣною для этой 3-й четверти, когда уже начинаетъ поступать на рынокъ продуктъ слѣдующихъ мѣсяцевъ?

Такъ, наприм., Австралія и Остъ Индія, появившись не особенно давно на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, сразу понизили цѣну хлѣба на ту часть ея, которая падала на сохраненіе его въ запасахъ, ибо ихъ урожай какъ разъ пришелся въ серединѣ европейской безхлѣбицы — въ январѣ, февралѣ и мартѣ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются низкія цѣны на хлѣбъ, наприм., въ Германіи въ періодъ 1879—81 гг., несмотря на то, что въ эти годы Германію постигли неурожаи. Этимъ же объясняется и то, что у насъ на югѣ, при урожаѣ отъ 6—7 четвертей съ десятины, получалось раньше 70—84 руб., а теперь, при урожаѣ отъ 10—12 четв. выручаютъ 40—45 руб.

Итакъ, соотвѣтственно постоянному потребленію пшеницы является постоянное же снабженіе ею. Такимъ образомъ, тѣ климатическія условія, которыя дѣлаютъ для человѣка немыслимымъ постоянный сборъ жатвы, и пріурочиваютъ ее къ опредѣленному моменту года,—чѣмъ земледѣліе рѣзко отличается отъ фабричнаго производства—на международномъ рынкѣ побѣждаются, и хлѣбъ становится предметомъ такого же правильнаго снабженія, какъ и продукты фабричнаго производства. При этихъ условіяхъ, беря, такъ сказать, отвлеченнаго потребителя, мы можемъ сказать, что для него не должно быть опасеній о плохомъ урожаѣ, о недостаткѣ хлѣба, о голодѣ. Въ одной странѣ, въ особенности при малыхъ размѣрахъ ея, можетъ быть повсемѣстный неурожай; во всѣхъ странахъ земного шара одновременный неурожай немыслимъ. При такихъ условіяхъ потребителю, являющемуся въ то же время и производителемъ, нѣтъ надобности заботиться о производствѣ именно хлѣба, если условія его мѣстности болѣе благопріятствуютъ производству чего-либо другого. Задача его будетъ заключаться въ томъ, чтобъ изучить эти мѣстныя условія, опредѣлить ихъ пригодность для производства тѣхъ

или другихъ продуктовъ и построить свое производство соотвѣтственно этому.

Прежде производитель былъ поставленъ въ необходимость производить то или другое ради удовлетворенія собственныхъ потребностей. Если онъ и сознавалъ, что производство какого-либо другого продукта дастъ большій результатъ, то не производилъ этого продукта по невозможности сбыть его, обмѣнить на необходимое, и такимъ образомъ, находясь въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, долженъ былъ подчинить имъ свое хозяйство. Теперь же именно возможность сбыта и даже необходимость его, развязывая производителю руки въ одномъ отношеніи, ставятъ его въ такую зависимость отъ сбыта, что онъ, не имѣя возможности освободиться отъ нея, лишается въ то же время устойчивой почвы для опредѣленія того, въ какомъ направленіи вести свое хозяйство, на производство какихъ продуктовъ направить свои производительныя силы.

Существованіе мірового рынка и участіе, такимъ образомъ, всѣхъ странъ въ производствѣ всѣхъ нужныхъ для человѣчества продуктовъ создаютъ такое положеніе для производителя, при которомъ онъ можетъ обратиться къ производству продуктовъ, наиболѣе отвѣчающему условіямъ данной страны, не рискуя остаться безъ необходимыхъ для пропитанія продуктовъ. Но современныя условія, строй хозяйственныхъ отношеній въ каждой странѣ, не даютъ возможности осуществиться на практикѣ тому, въ чемъ состоитъ тенденція развитія всемірнаго хозяйства Само собой разумѣется, что какъ будто выгоднѣе воздѣлывать тѣ хлѣба, культурѣ которыхъ способствуютъ мѣстныя условія: такое производство должно обойтись дешевле, и потому на рынкѣ побѣдить легче. Но такой продуктъ (теперь, наприм., пшеница) можетъ производиться одновременно во многихъ странахъ, и возможно его чрезмѣрное удешевленіе. Надо, стало-быть, присматриваться къ тому, что происходитъ на рынкѣ и, сообразуясь съ нимъ, производить то, на что теперь можетъ быть спросъ, хотя бы это и представлялось не тѣмъ продуктомъ, котораго тре-

буетъ рацiональная постановка земледѣлiя. Такимъ образомъ, если международный рынокъ, съ одной стороны, ведетъ къ возможности осуществленiя рацiональнаго земледѣлiя, то, съ другой стороны, его же требованiя, при данномъ строѣ экономическихъ отношенiй внутри каждой страны, мѣшаютъ осуществленiю такого земледѣлiя.

Въ самомъ дѣлѣ, мiровой рынокъ опредѣляетъ спросъ на продукты и цѣны на нихъ. Конечно, не все количество произведенныхъ продуктовъ поступаетъ на него, но отъ запроса мiрового рынка зависитъ и то, какiя отношенiя предложенiя и спроса, а также и цѣны на продукты установятся на внутреннемъ рынкѣ. Такимъ образомъ, мiровой рынокъ является опредѣлителемъ того, что должно производиться, въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ будетъ продаваться. Слѣдовательно, каждый производитель сельскохозяйственнаго продукта (я имѣю въ виду здѣсь только его) долженъ прислушиваться къ тому, что происходитъ на этомъ рынкѣ. Если цѣна на извѣстный продуктъ очень низка вслѣдствiе избытка въ производствѣ его, производитель правильно умозаключаетъ, что надо приступить къ производству другого продукта, цѣна котораго такова, что покрываетъ издержки производства и доставляетъ прибыль. И вотъ производитель, вооруженный знанiемъ, капиталомъ, достаточнымъ количествомъ земли анализируя условiя своего хозяйства, выбираетъ изъ продуктовъ, приносящихъ прибыль, тотъ, къ производству котораго наиболѣе приспособлены всѣ условiя его хозяйства, и является торжествующимъ на мiровой рынокъ, получается полная удача. Эта удача даетъ возможность расширить дѣло еще болѣе въ томъ же направленiи, что и дѣлается. *Результатъ* оказывается однако совершенно *обратный*. Дѣло въ томъ, что въ положенiи нашего производителя стоитъ, какъ въ той же, такъ и въ другихъ странахъ, масса другихъ производителей, которымъ ничто не мѣшаетъ умозаключать и поступать совершенно такъ же, на которыхъ можетъ быть повлiялъ его же прошлогодiй примѣръ; и вотъ они явились на рынокъ съ тѣмъ же продуктомъ и сбили на него цѣну.

Подобные примѣры не рѣдки. Такъ, когда стало невыгоднымъ производство пшеницы въ нашей центральной земледѣльческой полосѣ, перешли къ производству картофеля, но результатомъ такого перехода явилось его перепроизводство. На югѣ у насъ наблюдалось перепроизводство многихъ растеній.

Упадокъ цѣнъ и уменьшеніе доходности вызвали въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ изслѣдованіе, и данныя, полученныя отъ 25.000 сельскихъ хозяевъ, показываютъ, что издержки не окупаются производствомъ. Это показываетъ слѣдующій приблизительный разсчетъ:

На 1 акръ земли подъ пшеницу затрачивается:

на поземельную ренту	2,81	доллара.
„ удобреніе.	2,16	„
„ обработку почвы.	1,87	„
„ посѣвъ	0,96	„
„ уборку и молотьбу.	2,76	„
„ храненіе.	0,17	„
„ расходы по продажѣ.	0,76	„
Всего	11,49	доллара.
Выручка же отъ акра.	11,13	доллара.

Слѣдовательно, не только не окупаются издержки производства, но еще недовыручается 36 центовъ. Вслѣдствіе этого площадь посѣва въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ сократилась съ 40 мил. акровъ до 34,6 мил. акровъ. Все это потому, что явилась возможность производить пшеницу съ меньшими издержками въ Аргентинѣ и Остъ-Индіи. Между тѣмъ подъ вліяніемъ американской конкурренціи цѣны въ Англіи падали слѣдующимъ образомъ:

1871—75гг.	въ Лондонѣ	цѣна пшеницы	54 ш. 8 пен.
76—80гг.	„ „	„ „	47 ш. 6 пен.
93 г.	„ „	„ „	26 ш. 4 пен.

Въ періодъ съ 91 по 93 г. цѣна пшеницы понизилась на 10 ш. 8 пенс., а въ 94 г. дошла даже до 18 ш.

Если каждый изъ производителей лишь въ небольшой

мѣрѣ примется за производство того или другого прибыльнаго продукта, то скоро уже и явится избытокъ снабженія рынка, а съ нимъ и упадокъ цѣны. Допустимъ, что въ томъ или другомъ случаѣ хозяева были не особенно дальновидны. Каждый изъ нихъ могъ предусмотрѣть, что разъ на извѣстный продуктъ цѣны стоятъ высокія, то очевидно, многіе найдутъ для себя выгоднымъ производить его, и потому не слѣдуетъ безусловно разсчитывать на него. Такъ обыкновенно и поступаютъ, если даже не по разсчету, то въ силу необходимости, такъ какъ по условіямъ сельскаго хозяйства требуется существованіе плодосмѣна и, слѣдовательно, одновременное производство различныхъ продуктовъ; поэтому разсчетъ ведется на производство нѣсколькихъ продуктовъ. Однако и здѣсь можетъ быть и обыкновенно бываетъ такъ, что является перепроизводство и упадокъ цѣны на продукты, сбытъ которыхъ годъ тому назадъ былъ выгоденъ, и наоборотъ, можетъ случиться, что тотъ хозяинъ, который, слѣдуя рутинѣ, продолжалъ производить то, что и ранѣе производилъ, можетъ выгадать вслѣдствіе того, что наиболѣе предпріимчивые сосѣди обратились къ производству другихъ продуктовъ, тогда какъ въ первомъ оказался недостатокъ

Съ перваго взгляда все только-что сказанное мной представляется невѣроятнымъ, такъ какъ при современномъ развитіи статистики можно имѣть точныя свѣдѣнія какъ о размѣрахъ посѣва тѣхъ или иныхъ растеній въ той или другой сторонѣ, такъ и сбора ихъ. Но дѣло въ томъ, что свѣдѣнія эти получаются обыкновенно и могутъ быть получены лишь послѣ того, какъ посѣвы произведены. Впрочемъ, если бы даже имѣлись предварительно свѣдѣнія о размѣрахъ посѣва, то они еще не даютъ полнаго основанія для разсчетовъ, такъ какъ нельзя наперед предусмотрѣть сборъ жатвы, а слѣдовательно и размѣръ предложенія того или другого продукта. Нельзя также предусмотрѣть стоимость уборки, которая находится въ зависимости не только отъ состоянія погоды, а слѣдовательно, отъ той поспѣшности, съ которой уборка должна быть произведена,

но и отъ спроса на трудъ въ другихъ отрасляхъ производства.

Дѣло въ томъ, что каждый хозяинъ ведетъ разсчетъ отдѣльно, соображаясь съ условіями своего индивидуальнаго хозяйства, и не имѣетъ возможности войти въ разсчеты даже своего сосѣда, не говоря уже о разсчетахъ хозяина иной части свѣта; онъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ совершенно такія же условія, какъ и въ томъ случаѣ, если бы неожиданно для него сосѣдъ изобрѣлъ и примѣнилъ какое-либо усовершенствованіе, понизившее вдвое стоимость уборки, вслѣдствіе чего поставилъ бы и его въ необходимость продать продукты своего производства по этой пониженной стоимости. Между тѣмъ при такой индивидуализаціи производства и всѣхъ разсчетовъ его, которая вполнѣ отвѣчала условіямъ того времени, когда каждый стремился произвести въ своемъ хозяйствѣ все необходимое только для себя,—въ настоящее время міровой рынокъ создаетъ иное распредѣленіе продукта. На міровомъ рынкѣ подводится итогъ всему производству и опредѣляется потребность въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ и цѣна ихъ. Общественный характеръ сбыта продуктовъ и частный способъ производства ихъ стоятъ въ коренномъ противорѣчіи между собою. Это ведетъ къ тому, что то, что первоначально проявлялось какъ кризисъ, отъ времени до времени, впослѣдствіи, съ бо̀льшимъ развитіемъ общественнаго характера сбыта продуктовъ, но при сохраненіи индивидуальнаго строя всего хозяйства, распространяетъ это противорѣчіе на все большее и большее число хозяйствъ и, обостряя его, создаетъ для сельскихъ хозяевъ уже *постоянное колебаніе* производства и сбыта.

Таковы тѣ общія условія, которыя создаетъ міровой рынокъ и съ которыми приходится считаться современному сельскому хозяину. Ориентироваться среди нихъ и справиться съ ними было бы, можетъ быть, не такъ затруднительно, еслибъ эти условія, разъ данныя, оставались постоянными, или измѣнялись бы въ одномъ и томъ же опредѣленномъ направленіи. Тогда бы могла быть рѣчь о воз-

можности приспособиться къ этимъ условіямъ путемъ измѣненія системы хозяйства соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ транспорта и, слѣдовательно, соотвѣтственно установленной этими условіями близости или отдаленности той или другой страны отъ опредѣленнаго рынка, соотвѣтственно установившейся стоимости провоза и т. д. Но дѣло въ томъ, что современное міровое хозяйство представляетъ собою зрѣлище постоянныхъ перемѣнъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ: измѣняются мѣста спроса, мѣста предложенія въ связи, какъ съ условіями измѣненія транспорта, такъ и со многими другими, зависящими уже отъ внутреннихъ условій каждой данной страны. Въ 1891 г. Россію, какъ извѣстно, постигъ огромный неурожай, вызвавшій голодъ. Цѣны на хлѣбъ поднялись до невѣроятной высоты. Это обстоятельство служило, повидимому, указаніемъ, что Россія, вывозящая обыкновенно хлѣбъ, не стоитъ однако въ такихъ условіяхъ, чтобъ ей самой не грозилъ недостатокъ въ хлѣбѣ, а потому расширеніе производства его казалось естественнымъ при такихъ условіяхъ. Въ результатѣ получилось, что въ 1894 году, при урожаѣ, не представлявшемъ ничего выдающагося по своей высотѣ, при не особенно высокомъ урожаѣ въ Европѣ и Америкѣ, что должно было вызвать большой спросъ на хлѣбъ,—цѣна его упала до 20 коп. за пудъ ржи, такъ что многіе хозяева предпочли скармливаніе посѣвовъ скоту, или вовсе не снимали ихъ, ибо стоимость уборки не покрывалась упомянутою цѣной, такъ что выгоднѣе представлялось потерять стоимость обработки и посѣва, чѣмъ присоединять сюда стоимость уборки. Такимъ образомъ, явилось перепроизводство хлѣба. Но это не единственная причина, вызвавшая такое паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Къ этому присоединяется упадокъ спроса на него въ предшествовавшемъ году, явившійся результатомъ того, что исключеніе Россіи изъ мірового рынка въ 1891 г. повело за собой для странъ, ввозившихъ до сихъ поръ хлѣбъ изъ Россіи, отысканіе новыхъ рынковъ, сдѣлавшихъ русскій рынокъ уже не столь существеннымъ. Въ самой Россіи 1891 г. повелъ къ созда-

нію новыхъ рынковъ для внутренняго потребленія и, слѣдовательно, понизилъ роль прежнихъ, а въ то же время и слѣдующій за 1891-мъ годъ заставилъ расширить запашки въ ожиданіи большаго спроса, вслѣдствіе истощенія запасовъ предшествующаго года; но такъ какъ такого спроса не послѣдовало, то накопленіе запасовъ и вызвало пониженіе цѣнъ въ слѣдующемъ году. Отсюда, между прочимъ, мы видимъ, что сельскому хозяину приходится считаться и съ условіями внутренняго рынка, снабженіе котораго зависитъ отъ условій, въ которыя поставлено производство внутри страны.

Все сказанное до сихъ поръ установляетъ лишь общее направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ международный рынокъ и вліяетъ на производство страны вообще и на сельскохозяйственное въ частности. Но сельское хозяйство не есть что-либо однородное. Я только что говорилъ о противоположности общественнаго характера сбыта и индивидуальнаго характера производства, и это основано на томъ, что̀ даетъ намъ дѣйствительность, въ которой имѣются отдѣльныя индивидуальныя хозяйства. А въ такомъ случаѣ неизбѣженъ вопросъ: проявляется ли эта тенденція въ воздѣйствіи международнаго рынка, ведущая къ постояннымъ перемѣнамъ и отсутствію устойчивости въ положеніи отдѣльнаго хозяйства, на всѣхъ хозяйствахъ въ одинаковой мѣрѣ, въ чемъ заключается различіе этого воздѣйствія и чѣмъ это различіе обусловливается?

Мы все время исходили изъ положенія, что вліяніе международнаго рынка опредѣляется тѣмъ, что это—рынокъ, т.-е. мѣсто сбыта товаровъ, и, слѣдовательно, тѣмъ, какъ именно отражается сбытъ на производствѣ. Отсюда само собой слѣдуетъ заключеніе, что вліяніе его должно отражаться прямо и непосредственно на тѣхъ хозяйствахъ, которыя работаютъ только на сбытъ, а затѣмъ, если и должно отражаться на другихъ, то лишь косвенно. Но какія хозяйства поставлены въ исключительную зависимость отъ сбыта, т.-е. вынуждены работать почти исключительно на сбытъ? Здѣсь, въ противоположность обрабатывающей

промышленности, гдѣ какъ крупная, такъ и мелкая хозяйственная единица работаютъ на сбытъ, хотя и стоятъ не въ одинаковыхъ условіяхъ по отношенію къ нему, приходится различать такія, которыя работаютъ всецѣло на сбытъ, и такія, которыя лишь частію имѣютъ его въ виду. Первыя — это, разумѣется, крупныя хозяйства. Даже во времена крѣпостного права, когда въ такихъ хозяйствахъ производились не только сырые продукты, но были и свои мастера, хозяйства эти не могли существовать безъ отчужденія на сторону извѣстной доли своихъ продуктовъ съ цѣлію пріобрѣсти то, что не производилось внутри хозяйства. Съ отмѣной крѣпостного права (я говорю о Россіи) положеніе такихъ хозяйствъ измѣнилось въ томъ направленіи, что они поставлены были въ необходимость производить бо́льшую часть продуктовъ своего хозяйства для сбыта, какъ потому, что лишились дворовыхъ людей, бывшихъ различнаго рода мастерами, такъ и потому, что отчуждать продукты своего хозяйства нужно было уже не только для пріобрѣтенія предметовъ, не производившихся въ своемъ хозяйствѣ, но и для найма рабочихъ. Правда, они получили оборотныя средства въ формѣ выкупныхъ свидѣтельствъ или оброка временно-обязанныхъ крестьянъ, но допустимъ, что эти средства были затрачены на пріобрѣтеніе инвентаря, такъ какъ въ большинствѣ хозяйствъ до тѣхъ поръ обработка производилась барщиннымъ путемъ, т.-е. инвентаремъ крестьянъ, и теперь надо было пріобрѣсти его. А въ такомъ случаѣ нужны были оборотныя средства. Такъ или иначе, но въ концѣ концовъ всѣ некрестьянскія хозяйства поставлены въ необходимость считаться съ условіями сбыта и, слѣдовательно, ходъ ихъ производства, его направленіе, находится въ прямой зависимости отъ рынка и диктуемыхъ имъ предписаній, сила которыхъ состоитъ въ томъ, что каждый не исполнившій та, кого предписанія подлежитъ неминуемой отвѣтственности. а между тѣмъ предписаніе это приходитъ внезапно, не оставляя почти времени на приготовленіе для исполненія его.

Но величина хозяйства, часто совпадающая съ разме-

рами землевладѣнія, не дающая возможности производить предметы лишь для своего потребленія, а обязывающая вести производство для сбыта, создаетъ и другія условія, затрудняющія возможность приспособленія къ требованіямъ рынка. Крупное хозяйство требуетъ значительнаго инвентаря, крупныхъ оборотныхъ средствъ, и всякая перемѣна въ строѣ его, вызываемая недостаткомъ сбыта или сбытомъ по цѣнѣ, не покрывающей издержекъ производства, не даетъ средствъ на переходъ къ новой системѣ хозяйства и къ посѣву новыхъ растеній. Слѣдовательно, если нѣтъ запасныхъ оборотныхъ средствъ, нуженъ кредитъ, и притомъ достаточно льготный и долгосрочный, чтобы изъ произведенныхъ за счетъ его затратъ выручить необходимую въ данномъ году уплату процентовъ и погашенія. Но, съ одной стороны, крупные сельскіе хозяева и ранѣе были уже обременены долгами, а съ другой—при показанныхъ выше условіяхъ рынокъ не всегда оправдываетъ произведенныя затраты, да и не всякій хозяинъ рѣшится на нихъ именно въ виду тѣхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть продиктованы рынкомъ: можетъ случиться, что произведенныя затраты не будутъ возмѣщены, и тогда задолжавшій хозяинъ попадаетъ въ еще худшее положеніе.

Но и на этомъ не кончается та сложность условій, которыя дѣлаютъ для крупнаго хозяина вопросомъ жизни и смерти то или иное, подчасъ ничтожное, колебаніе рыночныхъ отношеній. Крупный хозяинъ имѣетъ землю; сдача этой земли въ наемъ можетъ давать ему тѣ оборотныя средства, отъ обходимости которыхъ я говорилъ выше; а такъ какъ арендная цѣна этой земли находится также въ зависимости отъ условій сбыта и также не избѣгаетъ вліянія колебаній рыночныхъ отношеній, то даже и такой хозяинъ, который не имѣетъ надобности въ кредитѣ для полученія оборотныхъ средствъ, не можетъ быть обезпеченъ въ притокѣ къ нему оборотныхъ средствъ въ опредѣленномъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что условія сбыта не только вліяютъ на величину арендныхъ цѣнъ, но

и на количество сдаваемыхъ въ аренду земель, на составъ ихъ и, наконецъ, вслѣдствіе вліянія того же рынка на арендаторовъ, на исправность уплатъ съ ихъ стороны. Конечно, въ обезпеченіе этихъ уплатъ землевладѣльцу могутъ быть предоставлены продукты этихъ земель, но вѣдь они то именно и не имѣютъ въ такое время выгоднаго сбыта, а потому и не могутъ быть превращены въ оборотный капиталъ.

Но если даже такого тяжелаго положенія не случится, то крупному хозяину приходится еще постоянно считаться съ однимъ условіемъ: *ему надо имѣть рабочія руки.* И въ этомъ отношеніи положеніе его совершенно иное, нежели положеніе предпринимателей фабричнаго производства. Эта разница въ положеніи зависитъ отъ такихъ условій, устраненіе которыхъ также не въ его силахъ. Сельскія работы, какъ извѣстно, не могутъ производиться въ теченіе всего года. У насъ, въ Россіи, наприм., число дней съ температурой свыше 6° тепла, т.-е. такихъ, когда возможенъ ростъ злаковъ, составляетъ по мѣстностямъ отъ 125—330 дней въ теченіе года, причемъ послѣднее число дней падаетъ лишь на Баку, Ялту и Поти; для всѣхъ остальныхъ мѣстностей Россіи оно поднимается не выше 225 дней (для Московской губ лишь 165 дней, т.-е. менѣе полугода). Число же дней съ температурой выше 0°, т.-е. когда возможны полевыя работы обнимаетъ лишь для отмѣченныхъ уже 3-хъ пунктовъ полный годъ; для остальныхъ же мѣстностей оно колеблется отъ 185—285 дней въ теченіе года (для Московской губ. 220 дней, т.-е. менѣе $^2/_3$ года). Этими условіями сельскій хозяинъ поставленъ въ такое положеніе, что, за исключеніемъ нѣкоторой части рабочихъ, нужныхъ для ухода за скотомъ и потому необходимыхъ въ теченіе всего года, онъ долженъ остальныхъ рабочихъ имѣть лишь на лѣтнее время, при чемъ въ теченіе этого послѣдняго онъ также не всегда имѣетъ надобность въ одномъ и томъ же количествѣ рабочихъ рукъ. А это создаетъ такое положеніе, что или онъ долженъ имѣть ихъ постоянно болѣе, чѣмъ нужно въ извѣстные періоды лѣта, или рискуетъ не имѣть

ихъ, сколько нужно, или по выгодной цѣнѣ въ такой моментъ, когда каждый часъ работы дорогъ, а такіе моменты всегда неизбѣжны въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ работы не могутъ быть распредѣлены равномѣрно не только въ теченіе года, но даже и лѣтняго времени. Все это создаетъ постоянную необезпеченность рабочими не только въ смыслѣ количества, но и качества ихъ. Если нельзя имѣть постоянныхъ рабочихъ, а только временныхъ, то это обусловливаетъ слишкомъ мѣняющійся составъ рабочихъ, что болѣе невыгодно въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ производствѣ, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ очень много зависитъ отъ знакомства рабочихъ съ мѣстными условіями; рабочій въ сельскомъ хозяйствѣ всегда играетъ въ производствѣ болѣе самостоятельную роль, чѣмъ на фабрикѣ при машинахъ. Кромѣ того, та необезпеченность въ занятіяхъ, которая создается, въ свою очередь, для рабочаго тѣмъ, что онъ не можетъ имѣть въ сельскомъ хозяйствѣ постояннаго заработка, въ связи съ наименьшей оплатой труда въ земледѣліи, ведетъ къ тому, что изъ послѣдняго отливаютъ лучшія рабочія силы и въ то же время число земледѣльческихъ рабочихъ убываетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ то допускаютъ потребности земледѣлія. Сельскому хозяину, такимъ образомъ, въ строѣ своего хозяйства приходится считаться не только съ условіями рынка, но и съ возможностью имѣть необходимое количество соотвѣтствующихъ рабочихъ силъ, а это затрудняетъ и безъ того не легкіе счеты съ состояніемъ рынка. Между тѣмъ положеніе повсюду таково. Укажу для примѣра на Швецію, экономическія условія которой по сравненію съ другими государствами Европы наиболѣе приближаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ нашимъ. Послѣ аграрныхъ реформъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1807 г. и повед-шихъ за собой переходъ къ болѣе интенсивному земледѣлію, число сельскихъ рабочихъ росло до 1850 г.: составляя въ 1810 г.—290 тыс., не считая поденщиковъ, оно достигло въ 1850 г. уже 458 т. Съ тѣхъ поръ оно пошло на убыль и въ 1860 г. выражалось уже въ числѣ 407 т., въ

1870 г.—374 т., 1880 г.—355 т. и по переписи 1890 г. еще менѣе, хотя точно цифра ихъ еще не опредѣлена. Проф. Фальбекъ, изъ реферата котораго я заимствую эти свѣдѣнія, говоритъ по поводу этого, что *короткое лѣто и длинная зима дѣлаютъ* въ Швеціи болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, *земледѣліе сезоннымъ производствомъ*, при чемъ, со времени перехода къ раціональному хозяйству съ большими затратами капитала и примѣненіемъ машинъ, этотъ характеръ земледѣлія выступаетъ еще сильнѣе, *слѣдствіемъ чего является сокращеніе постоянныхъ рабочихъ и замѣна ихъ поденщиками.* И теперь уже въ Швеціи существуетъ для хозяевъ вопросъ о рабочихъ въ формѣ жалобъ на недостатокъ соотвѣтствующихъ рабочихъ силъ.

Всѣ эти условія дѣлаютъ существованіе кризиса наиболѣе чувствительнымъ для крупныхъ сельскихъ хозяевъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что вліяніе международнаго рынка ограничивается крупнымъ землевладѣніемъ и крупными хозяйствами. Всѣ указанныя условія существуютъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, и по отношенію къ мелкимъ хозяйствамъ. Разница, однако, получается здѣсь весьма существенная. Такъ, вопроса о рабочихъ для мелкихъ хозяйствъ почти не существуетъ, т. е. 1) онъ существуетъ далеко не для всѣхъ такихъ хозяйствъ и 2) даже и для тѣхъ, для которыхъ существуетъ, далеко не въ такой мѣрѣ, такъ какъ въ каждомъ такомъ хозяйствѣ есть свои рабочія силы, на которыхъ основано такое хозяйство и сообразно которымъ складывается и величина его и размѣръ землепользованія. Въ особенности это справедливо по отношенію къ такой формѣ землевладѣнія, при которой земля распредѣляется по рабочимъ силамъ семьи, т.-е. при общинной. Но въ силу тѣхъ же обстоятельствъ при этой формѣ землевладѣнія въ меньшей мѣрѣ существуетъ и другое условіе — необходимость производить исключительно на сбытъ. Независимо отъ этого мелкое хозяйство, разсчитанное на рабочія силы, положенныя въ основу его, допускаетъ извѣстное расширеніе и увеличеніе приложенія рабочихъ силъ внѣ притока ихъ извнѣ; допускаетъ даже

возможность съ тѣмъ же инвентаремъ, т.-е. безъ увеличенія этой части капитала, расширить производство до извѣстныхъ предѣловъ и, слѣдовательно, легче справиться съ тѣми перемѣнами, которыя вызываются требованіями рынка.

Изъ всего этого, однако, не слѣдуетъ, что при господствѣ рыночныхъ отношеній и при развитіи международнаго рынка мелкія хозяйства не втягиваются въ сферу его вліянія. Съ одной стороны, вызываемое имъ усиленіе спроса на извѣстные продукты и подъемъ цѣнъ на нихъ порождаютъ естественное стремленіе усилить производство ихъ въ такомъ хозяйствѣ, которое не является исключительно натуральнымъ и уже затронуто товарнымъ обращеніемъ. А это послѣднее примѣнимо въ настоящее время ко всѣмъ хозяйствамъ, не исключая и находящихся въ самыхъ малоизвѣстныхъ частяхъ Африки. Необходимость сбыта для каждаго хозяйства обусловливается уже тѣмъ, что при раздѣленіи труда ни одно хозяйство не въ состояніи внутри себя производить всѣ роды предметовъ потребленія и, слѣдовательно, что-либо да должно производить для сбыта. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ раздѣленія труда такое положеніе становится все болѣе необходимымъ и вызываетъ въ каждомъ хозяйствѣ все болѣе и болѣе глубокое раздѣленіе труда. Слѣдствіемъ этого является то, что все меньшая и меньшая часть продуктовъ, снимаемыхъ съ своего поля, подвергается переработкѣ въ своемъ хозяйствѣ, соотвѣтственно съ чѣмъ сокращается посѣвъ такого рода продуктовъ, которые подвергаются этой переработкѣ, наприм., льна въ мѣстностяхъ, гдѣ прежде существовала выработка домашняго холста, сокращеніе овцеводства тамъ, гдѣ существовала выработка домашняго сукна. Сокращеніе же обработки льна, наприм., вызываетъ необходимость занять площадь изъ-подъ него какимъ-либо другимъ растеніемъ, сбытъ котораго можетъ возмѣстить тотъ расходъ, который нуженъ на пріобрѣтеніе изготовлявшагося прежде дома холста. Хорошо еще, если при этомъ освобожденное отъ выработки холста время можетъ быть экономически производительно примѣнено къ чему-либо; въ противномъ случаѣ

убытокъ, получаемый вслѣдствіе невозможности приложенія къ чему-либо труда во время зимы, долженъ быть также покрытъ усиленіемъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, а въ такомъ случаѣ упадокъ цѣны на эти продукты, не позволяющій выручить за нихъ то, что необходимо для поддержанія и дальнѣйшаго веденія хозяйства, можетъ вести къ полнѣйшему разоренію.

Тѣмъ не менѣе, насколько въ этомъ случаѣ благопріятнѣе условія мелкаго землевладѣнія, свидѣтельствуетъ, напр., недавнее сообщеніе сельско-хозяйств. общества рейнскихъ провинцій, заявляющее, что продолжать земледѣліе при теперешнихъ цѣнахъ можетъ только мелкій крестьянинъ, имѣющій достаточно рабочихъ силъ въ своей семьѣ. Конечно, работа такого крестьянина, если не считать даже, чтобы получалась рента, оплачивается хуже, нежели фабричнаго рабочаго, что̀ ясно изъ того, что образъ жизни горнозаводскихъ и Фабричныхъ рабочихъ, не имѣющихъ никакого владѣнія, все же лучше, нежели такихъ мелкихъ крестьянъ. Только когда такой крестьянинъ при избыткѣ рабочихъ силъ имѣетъ еще внѣземледѣльческій заработокъ, его образъ жизни начинаетъ приближаться къ образу жизни фабричнаго рабочаго.

Уже изъ этого можно видѣть, что и мелкое хозяйство не при всѣхъ условіяхъ стоитъ въ болѣе благопріятномъ положеніи относительно вліянія на него тѣхъ колебаній, которыя создаются условіями всемірнаго хозяйства. При этомъ не трудно замѣтить, что если въ крупномъ хозяйствѣ неблагопріятное условіе состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что, при невозможности занять нужныя лѣтомъ рабочія силы въ теченіе всего года, послѣднія уплываютъ отъ него, то и въ мелкомъ значеніе этого обстоятельства проявляется съ неменьшею силой, но *въ другой формѣ*, а именно — при невозможности занять рабочія силы въ теченіе всего года создается рискъ, что силы эти зимой останутся праздными, отчего и мелкое сельское хозяйство становится въ не менѣе рискованное положеніе. Слѣдовательно, если выше пришлось отмѣтить несоотвѣтствіе общественнаго характера

сбыта индивидуальному строю хозяйства, то здѣсь приходится отмѣтить и другое несоотвѣтствіе существующей экономической организаціи хозяйства тѣмъ отношеніямъ, которыя вырабатываются складывающейся организацией всемірнаго хозяйства.

Отсюда слѣдуетъ, что если положеніе дѣлъ, создающееся отношеніями всемірнаго хозяйства, держитъ крупныя сельскохозяйственныя предпріятія въ постоянно колеблющемся и непрочномъ положеніи, то и мелкія далеко не являются *неуязвимыми*, и при томъ въ весьма сильной степени и во многихъ отношеніяхъ.

Вотъ тѣ элементы каждаго хозяйства, которые стоятъ въ такомъ соотношеніи со всемірнымъ, что послѣднее вліяетъ на отдѣльное хозяйство при посредствѣ каждаго изъ нихъ. Но элементы эти въ каждомъ хозяйствѣ играютъ не одинаковую роль, въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій: отъ системы хозяйства, отъ того, является ли оно экстенсивнымъ или интенсивнымъ, въ какомъ взаимномъ отношеніи стоятъ въ каждомъ изъ нихъ затраты труда и капитала, насколько устойчиво доставляетъ хозяйство тѣ продукты, для производства которыхъ оно существуетъ, что въ свою очередь зависитъ отъ многихъ условій.

Такимъ образомъ, вліяніе всемірнаго хозяйства на каждое индивидуальное сельскохозяйственное предпріятіе различно по формѣ и характеру его, въ зависимости отъ особыхъ условій индивидуальнаго хозяйства. Здѣсь имѣетъ значеніе и величина землевладѣнія, и форма его, и способъ пользованія землей (аренда), и величина хозяйства, родъ его, система, ходъ хозяйства, отношеніе въ немъ рабочихъ силъ, капитала и цѣлый рядъ другихъ условій. Все это и составляетъ тѣ явленія и отношенія, ознакомленіе съ которыми и входитъ въ прямую задачу экономіи сельскаго хозяйства.

III. Вліяніе природныхъ условій на строй экономическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ.

Предыдущія лекціи имѣли цѣлью намѣтить тѣ явленія, которыя подлежатъ изученію въ экономіи сельскаго хозяйства, и опредѣлить значеніе послѣдней для Россіи. Было указано, между прочимъ, что знаніе условій нашей дѣйствительности необходимо для того, чтобъ имѣть возможность выяснить тотъ процессъ эволюціи экономическихъ отношеній, который совершается у насъ, и соотвѣтственно тому выработать правильное отношеніе къ различнымъ экономическимъ явленіямъ нашей жизни, безъ чего не можетъ быть правильной экономической политики. Но послѣдняя имѣетъ одинаковое отношеніе какъ къ экономіи сельскаго хозяйства, такъ и промышленности вообще. А такъ какъ предметомъ моего курса является экономія сельскаго хозяйства, то необходимо предварительно отмѣтить особенности послѣдняго, т.-е. отличіе его отъ другихъ отраслей производства и экономическое значеніе этихъ особенностей. Это имѣетъ спеціальное значеніе еще при томъ условіи, что мы сосредоточимъ главное наше вниманіе на экономіи *русскаго* сельскаго хозяйства. Въ Россіи, вслѣдствіе того, что земледѣліе составляетъ основное занятіе рѣзко преобладающей части ея населенія, эти особенности накладываютъ свой отпечатокъ на весь ходъ ея экономическаго развитія, а въ частности и на фабричную промышленность. Для уясненія послѣдняго укажу на то, что нашей фабричной промышленности приходится считаться съ такимъ фактомъ, какъ уходъ значительнаго числа рабочихъ

съ фабрики на лѣтнее время, что совершенно не встрѣчается въ такихъ западно-европейскихъ государствахъ, какъ Англія, Германія, Франція, хотя еще существуетъ въ Австро-Венгріи, многія мѣстности которой по нѣкоторымъ чертамъ своего экономическаго строя напоминаютъ наши условія. Эта особенность нашего положенія не есть, такимъ образомъ, какая-либо черта, свойственная исключительно особымъ условіямъ землевладѣнія или національнаго характера. Нѣтъ, она вытекаетъ прямо изъ особенностей сельскаго хозяйства вообще, стоящихъ въ связи въ данномъ случаѣ съ нѣкоторыми особенностями экономическаго строя и даже, какъ увидимъ впослѣдствіи, извѣстнаго момента въ экономическомъ развитіи.

Въ самомъ дѣлѣ, поставимъ вопросъ такъ: что представляетъ собою сельское хозяйство? Когда мы говоримъ: горнозаводская промышленность или фабричное производство,— то у насъ создается довольно отчетливое представленіе о томъ, какого рода это производство, какіе опредѣленные предметы являются продуктомъ его, какія опредѣленныя отношенія могутъ тамъ существовать и т. д. Не то по отношенію къ сельскому хозяйству. Мы даже затруднимся провести рѣзкую границу между нимъ и другими отраслями производства. Что, въ самомъ дѣлѣ, сыроваренie составляетъ ли отрасль сельскаго хозяйства или обработывающей промышленности? Положимъ, мы отнесли бы его къ послѣдней. Но тогда возникаетъ вопросъ: а маслодѣлie? Послѣднее уже врядъ ли кто отнесъ бы къ обработывающей промышленности, а вѣдь между первымъ и вторымъ существенной разницы нѣтъ. Положимъ, въ этомъ случаѣ является и обратное—трудность опредѣлить границу для обработывающей промышленности, но этого не будетъ для крайнихъ ступеней ея, наприм., для бумагопрядильныхъ фабрикъ, въ которыхъ никто уже не найдетъ чего-либо общаго съ земледѣліемъ. Но возьмемъ крайнія ступени земледѣлія и получимъ не то: тамъ всегда найдемъ элементъ *обработки* продукта Когда говорятъ о земледѣліи, то обыкновенно имѣютъ въ виду такой родъ занятій, который имѣ-

етъ назначеніемъ изготовленіе пищевыхъ продуктовъ (такое представленіе обыкновенно въ умѣ говорящаго), но каждый тотчасъ же согласится, что имѣется въ виду нѣчто болѣе широкое, а именно *добыча сырья при помощи обработки земли*. Это послѣднее условіе — при помощи именно обработки земли—отличаетъ добычу сырья въ земледѣліи отъ добычи его въ горнозаводской, наприм., промышленности, гдѣ *обработки* земли, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не происходитъ. Но занимался ли когда-либо человѣкъ въ земледѣліи только добычей сырья, не подвергаетъ ли онъ послѣдняго или части его даже и теперь, въ странахъ съ самымъ сильнымъ раздѣленіемъ труда, извѣстной переработкѣ? И если это такъ теперь, то какъ было при переходѣ людей къ земледѣлію?

Земледѣліе или—болѣе широкое понятіе, если хотите—сельское хозяйство явилось для человѣчества въ свое время тѣмъ занятіемъ, которое первоначально прикрѣпило человѣка къ землѣ и имѣло то преимущество предъ рыболовствомъ и охотой, что дало человѣку возможность полнѣе и равномѣрнѣе удовлетворять *всѣмъ* своимъ потребностямъ, а не въ одной только пищѣ, какъ полагаютъ обыкновенно. Тогда не было раздѣленія занятій между различными хозяйствами и существовало оно лишь въ предѣлахъ семьи или рода, въ зависимости отъ пола и возраста. Но каждое хозяйство, было ли оно родовое, или общинное, или семейное, представляло собой одно цѣлое—своего рода *микрокосмъ*, въ которомъ не было мѣновыхъ отношеній. Добыча сырья, производившаяся въ благопріятное для того по климатическимъ условіямъ время года, смѣнялась въ остальную часть года обработкой его; ленъ обрабатывался на пряжу и шелъ на приготовленіе холста въ томъ же хозяйствѣ его же членами для своихъ собственныхъ потребностей. То же дѣлалось, наприм., съ овечьей шерстью. Ранняя весна, поздняя осень и зима обыкновенно и посвящались приготовленію одежды, обуви и многихъ другихъ предметовъ, доставляемыхъ теперь спеціализированной обрабатывающею промышленностью.

Такимъ образомъ, когда говорятъ о переходѣ къ земледѣлію, то включаютъ въ это понятіе всѣ роды перечисленныхъ занятій. Но затѣмъ, когда говорятъ о земледѣліи въ *настоящее* время, о прелестяхъ и достоинствахъ занятія имъ, о важности сохраненія крестьянства, то совершенно забываютъ, что то идиллическое представленіе о немъ, которое создалось подъ вліяніемъ изображенія состоянія земледѣлія въ его прежнемъ видѣ, нисколько не соотвѣтствуетъ той дѣйствительности, которую оно представляетъ въ настоящее время. Силою разныхъ обстоятельствъ, а главнымъ образомъ путемъ наростанія населенія, увеличившейся плотности его, поставившей людей въ иныя взаимныя отношенія, земледѣліе, удовлетворявшее раньше всѣ нужды даннаго хозяйства, постепенно стало превращаться *исключительно* въ земледѣліе, которое доставляетъ сельскому хозяину уже одни сырые необработанные продукты. Изъ него мало-по-малу начали выдѣляться различныя отрасли труда въ особый видъ занятій, изъ которыхъ и создались ремесла, затѣмъ мануфактурная и, наконецъ, фабричная промышленность. Но если эти отрасли занятій были для земледѣльца такими, которымъ онъ удѣлялъ зимнее время, то только потому, что лѣтнее время по необходимости должно было удѣляться на обработку земли; по существу же самыхъ этихъ занятій они могли бы съ такимъ же, а подчасъ и бо́льшимъ удобствомъ производиться и въ лѣтнее время, отчего лицами избравшими ихъ своею профессіей они и стали производиться круглый годъ. Пока обмѣнъ и раздѣленіе занятій не развились еще значительно, до тѣхъ поръ земледѣлецъ продолжалъ еще по зимамъ предаваться своимъ прежнимъ занятіямъ. Затѣмъ, когда послѣднія спеціализировались еще болѣе, да и потребности самого земледѣльца приняли такой видъ, что многія изъ нихъ онъ уже не могъ удовлетворять продуктами собственнаго хозяйства, тогда онъ, помимо занятія земледѣліемъ, въ зимнее время тоже спеціализировался на изготовленіи опредѣленныхъ продуктовъ, которые служили ему для сбыта и пріобрѣтенія нужныхъ ему предметовъ потребленія, не производившихся

въ его собственномъ хозяйствѣ. Такъ, еще въ настоящее столѣтіе, при значительномъ развитіи фабричнаго бумажнаго ткачества, въ Англіи продолжало существовать ручное ткачество, которымъ занимались зимою сельскіе рабочіе, имѣвшіе свои земельные участки. Такую же роль играютъ наши кустарные промыслы у сельскаго населенія. Распространеніе ихъ ставятъ обыкновенно въ зависимость отъ недостатка продуктовъ земледѣлія для существованія ими въ теченіе всего года. И подтвержденіе этому какъ будто бы находится въ томъ, что кустарные промыслы распространены именно въ средней и сѣверной Россіи, гдѣ дѣйствительно земледѣліе не приноситъ такихъ щедрыхъ даровъ, какъ на югѣ. Это объясненіе имѣетъ, конечно, свое значеніе. Но нельзя упускать изъ виду и того, что въ сѣверной и средней Россіи лѣто и вообще время, которое можно удѣлить полевымъ работамъ, значительно короче, чѣмъ на югѣ. Вотъ метеорологическія данныя нѣкоторыхъ станцій, опредѣляющія число дней въ году съ средней температурой выше 0°, т.-е. приблизительное число дней, когда возможны полевыя работы (1), и число дней съ средней температурой выше 6°, когда возможенъ ростъ злаковъ (2), какъ, напримѣръ, ржи и ячменя:

	(1)	(2)
Архангельскъ	185	125
Вологда	200	150
Вятка	200	150
С.-Петербургъ	215	155
Уфа	205	160
Москва	220	165
Симбирскъ	210	165
Оренбургъ	210	170
Могилевская губернія	225	170
Митава	245	180
Воронежъ	225	180
Саратовъ	220	180
Варшава	255	195
Кіевъ	240	200
Екатеринославская губ.	245	200
Астрахань	260	210
Ставрополь	280	210
Каменецъ-Подольскъ	265	215
Кишиневъ	285	225
Одесса	285	225
Баку	365	285
Ялта	365	285
Поти	365	330

Здѣсь мѣстности расположены по увеличивающемуся числу дней, когда возможенъ ростъ злаковъ. И мы видимъ, что это число дней, которое въ дѣйствительности нѣсколько

меньше, повышается по направленію къ югу и западу и падаетъ по направленію, главнымъ образомъ, къ сѣверу, и въ то же время, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, занятіе кустарными промыслами распространено, главнымъ образомъ, въ сѣверо-восточной и центральной части Россіи. По направленію же къ югу, гдѣ число дней доступныхъ для занятія земледѣліемъ составляетъ полгода и болѣе, распредѣлены тѣ губерніи, которыя считаются земледѣльческими, и гдѣ населеніе еще до настоящаго времени подвергаетъ переработкѣ въ собственномъ хозяйствѣ значительную часть продуктовъ земледѣлія, гдѣ вообще еще продолжаетъ существовать выдѣлка суконъ, домашней пряжи и тканья для собственнаго потребленія даже изъ покупного сырья. Это и даетъ основаніе предполагать, что переходъ къ кустарнымъ промысламъ, т.-е. къ издѣлію предметовъ изъ матеріаловъ, не всегда добываемыхъ при помощи собственнаго земледѣлія, вызванъ былъ именно невозможностью приложить весь свой трудъ къ землѣ и обработкѣ продуктовъ собственнаго земледѣлія тамъ, гдѣ періодъ земледѣльческихъ работъ въ теченіе года слишкомъ кратокъ. Тамъ же, гдѣ онъ длиннѣе, гдѣ, стало-быть, на обработку земли можно было потратить болѣе времени и добыть изъ нея болѣе разнообразные продукты, зимнее время могло быть занято обработкой этихъ продуктовъ и, такимъ образомъ, потребности земледѣльца могли удовлетворяться соединеніемъ земледѣлія и промысловъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ для своихъ собственныхъ нуждъ, что̀ и даетъ работу въ теченіе всего года. Исключительное же занятіе земледѣліемъ въ такой, наприм., центральной мѣстности, какъ Московская губ., можетъ совершаться въ году въ теченіе менѣе полугодичнаго времени. Но при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ прилагается трудъ, человѣкъ не въ состояніи полугодичною работой окупить все свое годичное содержаніе, если только на него не работаютъ другіе; тѣмъ болѣе это немыслимо для наемнаго рабочаго, относительно котораго мы знаемъ, что вознагражденіе его бываетъ не свыше того, что̀ необходимо для удовлетворенія

минимальныхъ въ данномъ обществѣ потребностей. Слѣдовательно, исключительное выдѣленіе земледѣлія въ особую отрасль занятія, является само по себѣ ненормальнымъ, неосуществимымъ уже въ силу климатическихъ условій, т.-е. такихъ силъ природы, относительно которыхъ до настоящаго времени ничто не даетъ основанія предполагать, чтобы человѣкъ въ состояніи былъ воспользоваться ими въ такой формѣ, чтобы вести земледѣльческое занятіе круглый годъ. По отношенію же къ другимъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности человѣка климатъ такой роли не играетъ.

Но вѣдь это значеніе климата вліяетъ на возможность приложенія не только *труда*, но и *капитала*. Въ современномъ строѣ, потому именно и называемомъ капиталистическимъ, что въ немъ созданіе человѣка—капиталъ управляетъ трудомъ, а не наоборотъ,—климатъ является не только сильнѣе труда, но и капитала. Въ томъ первобытномъ земледѣліи, которое не было имъ исключительно, орудія земледѣльческаго производства были такъ несложны и просты, что человѣкъ нисколько не затруднялся оставить ихъ на зиму безъ приложенія къ дѣлу; не затруднялся главнымъ образомъ и потому, что созданія его же собственной изобрѣтательности не подавляли его; онъ управлялъ орудіями труда, а не они имъ; они были ему нужны каждое для удовлетворенія опредѣленной потребности и по удовлетвореніи ея оставались въ покоѣ впредь до надобности въ нихъ, нисколько не смущая тѣмъ человѣка. Тогда для человѣка ясно было представленіе, что орудія его труда служатъ только для удовлетворенія его же потребностей при производствѣ и другого назначенія не имѣютъ. Не сокрушается и теперь кустарь, что орудія его несложнаго производства остаются лѣтомъ безъ дѣла. Не смущается владѣлецъ экипажа, предназначеннаго для собственнаго пользованія, если экипажъ его нѣкоторое время остается безъ употребленія и т. д. Словомъ, вездѣ такъ стоитъ дѣло—и это кажется совершенно естественнымъ,—гдѣ рѣчь не идетъ о капиталѣ въ его специфическомъ значеніи, т.-е. какъ средствѣ извлеченія прибыли. Какъ

только орудія труда получили это значеніе, всякій моментъ ихъ покоя, моментъ, когда они не исполняютъ своего провиденціальнаго назначенія—извлекать прибыль, является прямымъ убыткомъ.

И вотъ въ то время, какъ въ обработывающей промышленности капиталъ—и постоянный, и перемѣнный—не только можетъ прилагаться къ дѣлу въ теченіе всего года, но и цѣлыхъ сутокъ, въ земледѣліи онъ долженъ оставаться въ покоѣ не только ночью вообще, но и значительную часть года, захватывающую собой даже до $^2/_3$ всего годичнаго періода.

Такимъ образомъ, если для *рабочаго* земледѣліе не можетъ быть исключительнымъ средствомъ существованія (за немногими исключеніями), то и для *капиталиста* оно не можетъ быть исключительнымъ средствомъ извлеченія прибыли. Но этимъ не ограничивается то значеніе климата, которое создаетъ рѣзкія особенности для земледѣлія, въ отличіе отъ другихъ отраслей труда. Послѣднія не только могутъ вестись въ теченіе всего года, но при томъ занятіе ими можетъ распредѣляться въ теченіе всего года равномѣрно, соотвѣтственно чему и требуется въ продолженіе всего года одинаковое количество труда и средствъ для его приложенія, а это создаетъ правильныя точныя основанія для всякихъ разсчетовъ по производству, если только они не будутъ нарушены условіями сбыта. Въ земледѣліи же, какъ извѣстно, по характеру полевыхъ работъ, рабочія силы не могутъ распредѣляться равномѣрно въ теченіе всего сезона ихъ: время жатвы, уборки требуетъ много бо́льшаго количества силъ, чѣмъ обработка полей; оставляя на зиму необходимое число рабочихъ, нужно имѣть въ виду, что весной ихъ потребуется больше, а въ страду еще больше. Но такъ какъ это все такія обстоятельства и условія, которыя извѣстны напередъ, то допустимъ, что они могутъ быть приняты въ разсчетъ, и что жизнь путемъ разныхъ вліяній урегулируетъ такъ соотношеніе экономическихъ силъ, что онѣ распредѣлятся по времени сообразно требованіямъ земледѣлія, какъ это и существуетъ, наприм.,

у насъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, къ которому возвращаются на время страды плотники, наприм., извозчики и даже фабричные рабочіе. Кромѣ того, такъ какъ рабочій земледѣльческій годъ не одинаковъ въ разныхъ мѣстахъ, то отработавшіе свою страду въ одномъ мѣстѣ переходятъ въ другое; такъ, извѣстно у насъ ежегодное движеніе рабочихъ на югъ ко времени косовицы и жатвы. Но и при полной правильности такого движенія, еслибъ она существовала, очевидно, что положеніе предпринимателя-земледѣльца иное, чѣмъ фабриканта - предпринимателя. Первый долженъ имѣть въ разное время года не одинаковое количество капитала для оплаты труда рабочихъ; слѣдовательно, долженъ имѣть его опредѣленное время въ запасѣ, а въ то же время земледѣлецъ не можетъ выручать его въ продуктахъ своего производства постепенно, по мѣрѣ изготовленія, какъ это можетъ дѣлать фабрикантъ, который можетъ даже ежедневно отправлять на рынокъ товаръ, ибо тотъ находится *одновременно* во всѣхъ стадіяхъ своего производства и, слѣдовательно, ежедневно появляется въ готовомъ видѣ. Земледѣлецъ можетъ сбыть продуктъ только разъ въ году, изготовляя его въ теченіе всего рабочаго періода, такъ какъ здѣсь не можетъ быть того, что на фабрикѣ. Тамъ, въ хлопчатобумажномъ производствѣ, наприм., одна часть хлопка очищается, сортируется, другая, передъ тѣмъ только-что отсортированная, находится уже въ пряжѣ, третья переходитъ уже на ткацкій станокъ, четвертая складывается въ куски, пятая везется на рынокъ, шестая сбывается покупателю, а тѣмъ временемъ пятая поступила на ея мѣсто, и т. д. Здѣсь же нельзя въ одномъ мѣстѣ пахать, въ другомъ въ то же время сѣять рожь, въ третьемъ въ то же время жать ее и т. д. Если, такимъ образомъ, въ обрабатывающей промышленности человѣкъ съумѣлъ раздѣлить такъ трудъ, разложить производство на такіе отдѣльные моменты его, что для него является возможнымъ, благодаря сотрудничеству, производить одновременно всѣ операціи по изготовленію извѣстнаго продукта, то въ земледѣліи климатъ

и условія произрастанія злаковъ, т.-е. качества и свойства самого продукта не позволяютъ этого, и это составляетъ еще особенность, отличающую земледѣліе отъ обрабатывающей промышленности. Но, даже и въ указанныхъ предѣлахъ, въ земледѣліи немыслимы разсчеты для хозяина, такъ какъ въ указанномъ выше распредѣленіи работъ въ теченіе рабочаго сезона могутъ происходить и обыкновенно происходятъ, по климатическимъ же условіямъ, такія нарушенія, для которыхъ совсѣмъ нѣтъ мѣста въ обрабатывающей промышленности. Время жатвы, наприм., означаетъ извѣстный моментъ, когда хлѣбъ созрѣлъ и его надо снимать съ поля, и при этомъ одновременно, такъ какъ онъ весь поспѣваетъ къ опредѣленному моменту. Но этотъ моментъ при каждой данной величинѣ хозяйства можетъ быть и день и недѣля и болѣе, смотря по тому, благопріятствуетъ погода жатвѣ или нѣтъ, благопріятствуетъ она послѣдующей уборкѣ жатвы съ поля или нѣтъ. А тѣмъ временемъ рабочіе или уйдутъ, и затѣмъ настанетъ моментъ, когда ихъ добыть нельзя, что неблагопріятно для хозяина и не только нарушаетъ всѣ разсчеты, но подвергаетъ риску весь результатъ годового труда и затратъ,— или же, если рабочіе не уйдутъ, то должны проживать безъ дѣла, что уже неблагопріятно для нихъ.

Можетъ представиться не совсѣмъ послѣдовательнымъ, что я, посвящая настоящую лекцію особенностямъ земледѣлія, въ то же время, какъ бы отвлекаясь отъ этого предмета, говорю то о значеніи ихъ для предпринимателя, то для рабочаго, то для крестьянина-земледѣльца. Но для насъ важны эти особенности постольку, поскольку онѣ имѣютъ экономическое значеніе, по скольку, слѣдовательно, онѣ обусловливаютъ собою то или иное приложеніе труда и средствъ его и вліяютъ на нихъ, а приложеніе того и другого мы можемъ—и въ особенности по предмету моего курса прикладной политической экономіи — разсматривать не отвлеченно, а въ приложеніи къ фактически существующимъ условіямъ, при чемъ, такъ какъ эти особенности получаютъ свое *экономическое* значеніе и даже

выраженіе лишь при томъ условіи, что земледѣліе составляетъ особое спеціальное занятіе, выдѣленное изъ другихъ, а это выдѣленіе оно получаетъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ въ капиталистическомъ строѣ, гдѣ предъ нами являются и предприниматели и рабочіе,—то и приходится говорить, главнымъ образомъ, о значеніи этихъ особенностей при тѣхъ условіяхъ, при какихъ онѣ проявляются наиболѣе рельефно, т.-е. при выдѣленіи земледѣлія въ занятіе особаго класса лицъ.

Послѣ этого отступленія, необходимаго, однако, для яснаго представленія о значеніи указываемыхъ обстоятельствъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ особенностей земледѣлія и ихъ экономическаго значенія.

Въ силу того же основного значенія климата, урожай продуктовъ сельскаго хозяйства колеблется чрезвычайно значительно изъ года въ годъ, хотя съ теченіемъ времени путемъ улучшенной культуры колебанія эти и принимаютъ не столь рѣзкія уклоненія. Тѣмъ не менѣе они продолжаютъ существовать даже въ странѣ столь раціональной культуры, какъ Англія. Урожаи и тамъ случаются два-три года подъ-рядъ плохіе и при томъ настолько, что это обстоятельство, наприм., давало основаніе въ концѣ 70-хъ годовъ объяснять сельскохозяйственный кризисъ въ Англіи плохими урожаями, бывшими тамъ въ періодъ 70-хъ годовъ. Что же касается Россіи, то о размѣрахъ колебанія урожаевъ въ ней уже за послѣднія 49-ть лѣтъ, кончая 89-мъ годомъ, можно судить по прилагаемой здѣсь діаграммѣ урожаевъ ржи, составленной проф. А. Ф. Фортунатовымъ.

Какъ видите изъ нея, нѣтъ двухъ лѣтъ подъ-рядъ, когдабы сборъ ржи былъ сколько-нибудь одинаковъ. По отдѣльнымъ же годамъ онъ колеблется отъ 2,6 четв. до 9,2 четв. съ десятины, т.-е. послѣдняя величина слишкомъ въ $3^1/_2$ раза превышаетъ первую. Но что значитъ такое колебаніе урожаевъ?

Вѣдь урожай это, такъ сказать, выходъ продуктовъ, результатъ производства. Представьте же себѣ веденіе какого-либо промышленнаго предпріятія при такихъ условіяхъ, что

при одномъ и томъ же размѣрѣ помѣщеній, при однѣхъ и тѣхъ же машинахъ, при одной и той же затратѣ сырого матеріала, при одномъ и томъ же количествѣ рабочихъ,— словомъ, при одинаковости всѣхъ затратъ на производство, въ одномъ случаѣ получалось бы на каждый, скажемъ, ткацкій станокъ 260 арш. ткани, въ другомъ 920. Мыслимы ли были бы при этомъ какіе-либо правильные разсчеты, какія-либо регулярныя затраты для расширенія предпріятія, коль скоро неизвѣстно, дадутъ ли онѣ повышенное количество продукта, или меньшее сравнительно съ прежнимъ, производившимся при меньшихъ затратахъ. А между тѣмъ въ земледѣліи дѣло стоитъ именно такъ. При однѣхъ и тѣхъ же затратахъ, въ одномъ году десять десятинъ даютъ 26 четв. ржи, а въ другомъ—92 четв., въ одномъ году 130 р., а въ другомъ - 460 р., при условіи, конечно, что цѣна четверти останется та же, а между тѣмъ бываетъ и такое совпаденіе, что при меньшемъ урожаѣ цѣна бываетъ ниже, тогда какъ такой урожай можетъ получиться при наибольшихъ затратахъ, такъ какъ то же условіе — неблагопріятная погода, ухудшая урожай, требуетъ нерѣдко большаго числа дней на уборку его. Замѣчу при этомъ, что тѣ колебанія, которыя приведены въ діаграммѣ, представляются средними для массы хозяйствъ, тогда какъ въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ они являются еще болѣе рѣзкими, т.-е. результаты сбора еще болѣе уклоняются одинъ отъ другого и, слѣдовательно, правильные разсчеты еще менѣе возможны.

При такихъ условіяхъ само собой является то соображеніе, что разсчеты не могутъ быть основаны на урожаѣ одного года, и въ сельскомъ хозяйствѣ обыкновенно въ основаніе ихъ кладется средняя урожайность за 10 лѣтъ. Но вамъ извѣстно изъ статистики, что при выводѣ средней обыкновенно отбрасываются рѣзкія отклоненія отъ нея. Если же вы внимательно всмотрѣлись въ приведенную діаграмму, то, конечно, замѣтили, что здѣсь нѣтъ ни одного десятилѣтія, которое бы не отмѣчалось такими рѣзкими уклоненіями. А въ такомъ случаѣ насколько далека отъ дѣйствительности должна быть средняя, положенная въ осно-

ваніе разсчета? При этомъ самъ собою является вопросъ: какимъ же образомъ возможно при этихъ условіяхъ существованіе земледѣлія вообще? Тѣ колебанія урожаевъ, на которыхъ мы теперь останавливаемъ вниманіе, существуютъ одинаково, какъ въ отношеніи къ земледѣльческому предпріятію на капиталистической основѣ, такъ и ко всякой иной формѣ его; можно даже сказать, что при капиталистической основѣ, при болѣе раціональной постановкѣ земледѣлія, колебанія эти рѣже и не столь значительны, слѣдовательно, и условія для веденія земледѣлія болѣе благопріятны. Такъ повидимому стоитъ дѣло.

Въ дѣйствительности, однако, такое разсужденіе будетъ неправильно. Возьмемъ случай, когда *земледѣліе не отдѣлилось отъ другихъ занятій* и служитъ лишь первою ступенью ихъ, т.-е. составляетъ трудъ, прилагаемый къ добыванію матеріала для дальнѣйшей переработки, что̀ и дало физіократамъ основаніе говорить, что оно даетъ produits net, т.-е. чистый доходъ. При этомъ, однако, введемъ другое еще условіе, котораго мы до сихъ поръ не брали въ разсчетъ, но которое въ дѣйствительности всегда существуетъ. Если въ обрабатывающей промышленности существуетъ то раздѣленіе труда, которое позволяетъ вести производство *одного продукта одновременно во всѣхъ стадіяхъ его приготовленія*, то въ земледѣліи какъ бы соотвѣтствуетъ ему та организація, при которой въ немъ, въ силу самыхъ условій его, въ томъ числѣ климатическихъ, а главнымъ образомъ почвенныхъ, существуетъ извѣстный плодосмѣнъ, т.- е. *одновременное изготовленіе различныхъ продуктовъ*. Если мы возьмемъ довольно примитивную систему такого земледѣлія—трехпольную, то найдемъ въ ней 1) *рожь*, 2) *яровое поле*, въ которомъ можетъ быть рядомъ и овесъ, и ячмень, и картофель, и горохъ, и греча, даже яровая, пшеница и т. д., и, наконецъ, помимо 3) *пара*, на которомъ нѣтъ ничего, еще сборъ сѣна съ луговъ на кормъ какъ рабочему, такъ и продуктивному скоту, который тоже уже составляетъ продуктъ сельскаго хозяйства. Раньше не было надобности вводить это условіе, такъ какъ оно ничего не измѣняло въ тѣхъ выводахъ относительно экономическаго

значенія особенностей сельскаго хозяйства, на которыя мы указывали. Теперь же введеніе его необходимо не только для уясненія явленія, но и потому, что оно измѣняетъ нѣсколько приведенное выше заключеніе относительно колебанія выхода продукта. Дѣло въ томъ, что одни и тѣ же явленія погоды никогда не отражаются или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко отражаются на всѣхъ произрастаніяхъ одинаково, и плохой урожай ржи можетъ соединяться съ хорошимъ урожаемъ овса, или травъ, или какихъ-либо другихъ растеній. Соотвѣтственно же организаціи земледѣльческаго производства разсчетъ хозяина и строится не на урожаѣ какого-либо одного продукта, а всѣхъ высѣваемыхъ, при чемъ уже такого рѣзкаго колебанія не получается, хотя оно и не устраняется совершенно ни для одного года. Кромѣ того, не одно и то же—основывать ли разсчетъ на выходѣ одного продукта или нѣсколькихъ разнаго достоинства и цѣнностей, при чемъ выходъ каждаго изъ нихъ не вѣренъ и размѣръ его не можетъ быть предопредѣленъ заранѣе. Первое, конечно, гораздо проще и вѣрнѣе.

Такимъ образомъ, при натуральной формѣ хозяйства земледѣлецъ имѣлъ въ результатѣ своего годового труда нѣсколько продуктовъ, такъ что для зимняго занятія у него всегда что-либо да получалось. Въ случаѣ избытка какого-либо продукта онъ оставался съ запасомъ на слѣдующій годъ на случай неурожая. Бывало, конечно, и такъ, что неурожай повторялся два и три года подъ-рядъ и запасы истощались, являлся голодъ. На такіе-то случаи общественная власть и организовала мѣры для устройства общественныхъ продовольственныхъ запасовъ, которыя практикуются у насъ и до настоящаго времени. Кромѣ того, при свободномъ пользованіи землею, при избыткѣ ея, и на основаніи опыта, засвидѣтельствовавшаго, что при посѣвѣ, разсчитанномъ, наприм., на 20 четв. сбора, можетъ получиться только 10 и менѣе, земледѣлецъ могъ высѣвать столько, чтобы разсчитывать на бо́льшій сборъ—уже не 20, а 30 и 40 четвертей, такъ какъ этимъ путемъ онъ получалъ не менѣе 20 четвертей или около того, въ

случаѣ плохого сбора, при хорошемъ же сборѣ избытокъ не тяготилъ его и оставался запасомъ на случай неурожая. Устроить дѣло такъ или иначе—зависѣло лишь отъ обилія свободныхъ земель и количества рабочихъ силъ семьи. Всѣ разсчеты ограничивались этимъ. Затѣмъ, такъ какъ высота урожая зависитъ не только отъ климата, но и отъ качества почвы и обработки ея, то въ связи съ измѣняющимися обстоятельствами мѣнялись и пріемы обработки земли, что и породило различныя системы земледѣлія и извѣстную послѣдовательность въ замѣнѣ одной системы другою, причемъ каждая можетъ быть примѣнена только при наличности извѣстныхъ условій.

Иныя послѣдствія и иное положеніе создаетъ колебаніе урожаевъ при хозяйствѣ *исключительно земледѣльческомъ и разсчитанномъ только на сбытъ*. Тутъ уже играетъ существенную роль не столько *количество* продукта, сколько *цѣна*, по которой онъ будетъ проданъ, такъ какъ именно отношеніе ея ко всей суммѣ затратъ на производство и опредѣляетъ, будетъ ли получена прибыль и какъ она будетъ высока. Вамъ извѣстно, что цѣнность продукта опредѣляется общественно-необходимымъ временемъ, потребнымъ на производство его при данномъ уровнѣ техническихъ условій производства. На рынкѣ мѣновая цѣнность продукта выражается въ цѣнѣ, представляющей собою тѣ или иныя уклоненія отъ цѣнности. Если, какъ выяснено выше, въ другихъ отрасляхъ производства можно разсчитывать на опредѣленный выходъ продукта при приложеніи опредѣленнаго количества труда, то тамъ можно, зная установившуюся на рынкѣ цѣну продукта, наперед предопредѣлить, покроетъ ли эта цѣна необходимыя издержки производства и прибыль, т. е. оправдаются ли разсчеты предпринимателя. Въ сельскомъ же хозяйствѣ, при колебаніи урожаевъ, даже при разсчетѣ на опредѣленную цѣну (что, какъ мы видѣли, здѣсь гораздо труднѣе), нельзя предопредѣлить, покроетъ ли урожай расходы или нѣтъ, и нельзя именно потому, что результатъ даннаго труда и издержекъ можетъ быть очень различенъ: выше ихъ и ниже ихъ при установленной зара-

нѣе рыночной цѣнѣ продукта. Если я при затратѣ, скажемъ, 30 часовъ труда получилъ 30 четв., и цѣнность часа труда опредѣляется рублемъ, то я могу продать четверть по 1 р. и не быть въ убыткѣ; если у меня вышло 45 четвертей, то я уже могу продавать четверть по 75 к.; если же я собралъ лишь 15 четвертей, то долженъ уже продавать ее по 2 р. Но цѣнность опредѣляется общественно-необходимымъ временемъ, и, слѣдовательно, я долженъ продавать по той цѣнѣ, которая установилась на рынкѣ, приводящемъ, такъ сказать, къ среднему уровню представленіе объ этомъ общественно-необходимомъ времени и дающемъ ему выраженіе въ цѣнѣ. Если на рынкѣ цѣна опредѣлилась, наприм., въ 80 к. за четверть, то я не получу ни одной изъ приведенныхъ цѣнъ и въ одномъ случаѣ буду въ большомъ убыткѣ, въ другомъ—въ барышѣ.

Само собой разумѣется, здѣсь есть общее съ положеніемъ фабричнаго производства въ томъ отношеніи, что и тамъ цѣна опредѣляется не по стоимости производства для отдѣльнаго предпринимателя. Но дѣло въ томъ, что производство въ данной странѣ и при данной затратѣ средствъ на него даетъ результаты весьма близкіе и настолько сходные между собой, что стоимость производства аршина сукна извѣстнаго сорта на одной фабрикѣ, если не существуетъ какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ, будетъ та же, что и на другой. Въ сельскомъ же хозяйствѣ при тожествѣ остальныхъ условій можетъ получиться различный сборъ даже съ двухъ рядомъ лежащихъ участковъ, въ зависимости, въ данномъ случаѣ, если не отъ *климата*, то отъ *топографическаго* положенія ихъ, присутствія или отсутствія *склона*, обращенія послѣдняго на *югъ* или на *сѣверъ* и т. п. Насколько это замѣчаніе справедливо, можно судить по тому, что можно наблюдать въ гористыхъ мѣстностяхъ, какъ это мнѣ самому приходилось неоднократно наблюдать въ Германіи, гдѣ по южному склону горы расположены виноградники, а по сѣверному той же самой—лишь картофель. Если здѣсь существуетъ такая рѣзкая разница въ родѣ культуръ, то понятно, что при посѣвѣ одного и того же расте-

нія, хотя и при менѣе крутомъ склонѣ, должна быть большая разница въ урожаѣ его, что и подтвердитъ каждый наблюдательный хозяинъ и что въ концѣ концовъ сводится къ разницѣ климатическаго характера, такъ какъ тутъ все зависитъ отъ количества и направленія солнечныхъ лучей, падающихъ на данную поверхность. При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ условій сельскаго хозяйства нерѣдко приходится встрѣчаться съ указаніями крестьянъ одного и того же селенія, что на такомъ-то полѣ у нихъ хлѣбъ родится хуже въ сухой годъ, наприм., вслѣдствіе такихъ-то условій въ положеніи его. Понятно послѣ этого, насколько сильно можетъ быть различіе урожая въ двухъ рядомъ лежащихъ хозяйствахъ, а тѣмъ болѣе въ различныхъ хозяйствахъ одной губерніи и, наконецъ, страны. И дѣйствительно, въ Сѣверо-америк. Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія 10 лѣтъ колебанія въ сборѣ земледѣльческихъ продуктовъ по отдѣльнымъ штатамъ составляютъ:

для	ржи	отъ	2,1	чт	до	7,2	чт,	при среднемъ сборѣ въ	5,4	чт.	съ десят
„	овса	„	4,3	„	„	16,4	„	„ „ „	„	12,1	„	„
„	картоф.	„	2,5	„	„	53,2	„	„ „ „	„	34,6	„	„

И т. д.

Въ Россіи колебанія

для	ржи	отъ	2,9	чт	до	6,9	чт.,	при среднемъ сборѣ въ	4,1	чт.	съ десят.
„	овса	„	3,8	„	„	9,6	„	„ „ „	„	6,9	„	„
„	картоф.	„	17,9	„	„	62,2	„	„ „ „	„	34,2	„	„

Сказаннымъ достаточно опредѣляется, насколько независимо отъ всякихъ условій рынка являются невѣрными результаты годовой работы сельскаго хозяина. Въ силу этого, если онъ желаетъ обезпечить себя, онъ собственно долженъ организовать дѣло такъ, чтобы разсчитывать на сборъ не того количества четвертей, которое ему нужно при среднемъ уровнѣ, а бо́льшаго, т.-е. если ему нужно собрать, наприм., 20 чт., то необходимо засѣять столько, чтобы при среднемъ урожаѣ имѣть 25—30 чт., такъ какъ въ дѣйствительности можетъ получиться урожай ниже средняго, и при этомъ разсчетѣ онъ получитъ не болѣе 20 необходимыхъ ему четвертей. Такого собственно разсчета и дол-

женъ держаться каждый хозяинъ. Но если всѣ будутъ разсчитывать такъ и получится урожай только средній, не выше его, то получится громадное перепроизводство, не говоря уже о томъ, что въ этомъ случаѣ сельскій хозяинъ сравнительно съ фабрикантомъ имѣетъ ту невыгоду, что долженъ производить большія затраты, чтобы быть увѣреннымъ въ полученіи того количества продукта, какое ему безусловно необходимо, и при этомъ сознательно итти на то, что если продукта выйдетъ больше, то наступитъ перепроизводство, т.-е. при товарномъ хозяйствѣ время, затраченное на производство, оказалось выше общественно-необходимаго. По климатическимъ условіямъ даннаго года нужно было затратить то количество общественно-необходимаго времени, которое дало бы, скажемъ, 1.000 чт., по разсчету 20 чт. на долю нашего хозяина, а затрачено такое количество его, которое дало 1.500 чт., или для нашего хозяина 30 чт. Если на 1.000 чт. нужно было затратить 1.000 единицъ труда, скажемъ—рублей, то онѣ должны стоить 1.000 руб.; общество и располагаетъ отдать за нужный ему хлѣбъ 1.000 руб., и если хозяева истратили 1.250 руб. и получили 1.500 чт., то каждая четверть обошлась имъ не въ 1 руб., а лишь съ небольшимъ въ 83 коп. (1250:1500); но общество даетъ имъ всего только 1.000 рублей за всѣ 1.500 чт., т.-е. всего по 66 коп. за четверть или, если хотите, по 1 руб. за четверть, но беретъ только 1,000 чт., а 500 чт. остается на рукахъ у производителей, при чемъ имъ не возвращается 250 руб., излишне издержанныхъ на эти 500 чт. Возможенъ и обратный случай, когда наступаетъ неурожай и, слѣдовательно, цѣна четверти поднимется выше стоимости ея производства, т -е. тѣ же 1.000 руб. будутъ предлагаться за меньшее количество, т.-е. не за 1.000 чт., а за 750 или еще меньше. Разсчеты нисколько не измѣнятся въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что цѣна четверти и вообще общественно-необходимое время на производство ея опредѣляется по тому же разсчету, согласно которому, чтобы получить 20 чт., надо его затратить такъ, какъ будто бы разсчитывалось получить 25 чт.; только тогда

цѣна четверти, согласно общественно-необходимому времени на производство ея, будетъ не 1 руб., а 1 руб. 25 коп., и если вмѣсто 20 чт. получится 25, то цѣна понизится, т.-е. за все произведенное количество четвертей будутъ отданы тѣ же 1.250 руб; и обратно, при меньшемъ количествѣ ихъ будетъ отдана та же сумма денегъ — цѣна повысится. Въ этомъ находится объясненіе колебаніямъ цѣны на товаръ при неизмѣняющихся условіяхъ его производства, т.-е. затратъ на его производство.

Но то, что мы здѣсь приняли для одного хозяйства или для всѣхъ хозяйствъ одной страны, т.-е. урожай выше или ниже нормы, проявляется въ дѣйствительности для всѣхъ хозяйствъ вмѣстѣ взятыхъ въ различной мѣрѣ въ одномъ и томъ же году. Вы видѣли выше, каковы колебанія урожаевъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, а это означаетъ, что если для страны нужно 1.000 чт. и если въ ней 50 хозяйствъ и каждое можетъ произвести 20 чт., при чемъ четверть можетъ продаваться по 1 руб., то въ однихъ изъ этихъ хозяйствъ произведено будетъ по 15, въ другихъ по 10, въ третьихъ по 20, далѣе—по 25, по 40 и даже по 50 чт., а во всѣхъ вмѣстѣ можетъ выйти норма, т. е. 1.000 чт. И, слѣдовательно, въ то время, когда одно хозяйство, затративъ 20 руб. на производство 20 чт., получитъ всего 10 или 15 руб. за продуктъ своего производства, другія получатъ до 50 р. при затратѣ тѣхъ же 20 руб. Такъ именно и будетъ при томъ условіи, что цѣна четверти вездѣ будетъ по 1 р. Если же получится общій сборъ не 1.000, а болѣе четвертей, то положеніе получившихъ всего 10 или 15 чт. будетъ еще хуже; не выручатъ своего получившіе и 20 чт. А при капиталистическомъ хозяйствѣ, гдѣ все разсчитано на прибыль, такъ вести дѣло нельзя; нельзя его вести и тогда, когда, не заботясь о прибыли, необходимо всѣ затраты произвести въ деньгахъ, а эти послѣднія надо выручить въ цѣнѣ продукта. Такимъ образомъ, при чисто товарномъ хозяйствѣ въ земледѣліи, хорошій урожай въ странѣ можетъ быть разореніемъ для отдѣльныхъ хозяйствъ, и это при условіи неизмѣннаго состоянія рынка и въ силу лишь

того, что въ сельскомъ хозяйствѣ все подчинено такимъ условіямъ природы, регулировать которыя человѣкъ не въ силахъ непосредственнымъ путемъ.

При этомъ, однако, совершенно естественно является мысль, что мною какъ бы упущено вліяніе закона ренты, согласно которому цѣна хлѣба опредѣляется по стоимости его производства при наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Но вамъ извѣстно, что свободное дѣйствіе этого закона проявляется при такихъ условіяхъ, какъ ограниченность земель, свободное передвиженіе капитала, труда, т.-е. при условіяхъ, совмѣщеніе которыхъ въ дѣйствительности не бываетъ. Законъ ренты выражаетъ лишь тенденцію, направленіе, по которому должна складываться цѣна хлѣба, что̀ и отражается на ней. Для дѣйствія этого закона надо, чтобы хлѣба было произведено именно не болѣе того, что нужно, и чтобы въ обработку вошли уже такія земли, которыя дѣйствительно не могутъ дать больше извѣстнаго количества четвертей; вообще онъ предполагаетъ участки *разной* производительности, будетъ ли то зависѣть отъ свойства почвы, или отъ разстоянія, или отъ другихъ условій, опредѣляющихъ различное приложеніе труда и капитала для полученія одного количества продуктовъ. Я же въ своемъ примѣрѣ взялъ въ разсчетъ участки *одной* производительности, требующіе одинакового капитала и труда для полученія одинаковаго продукта, но количество послѣдняго получилось *разное* въ силу разнаго вліянія на нихъ климатическихъ явленій даннаго года, т.-е. на слѣдующій годъ можетъ при другихъ атмосферическихъ вліяніяхъ получиться обратный результатъ: гдѣ было худо теперь, будетъ лучше на будущій годъ и обратно, и въ десятилѣтній срокъ производительность и тѣхъ и другихъ окажется одинаковой. Иначе говоря, для устраненія осложненій при выясненіи интересующаго насъ вопроса, я ввелъ уже напередъ въ цѣну хлѣба вліяніе ренты. Кромѣ того, какъ увидимъ, это такъ и должно быть въ силу условій образованія ренты, что при развитіи торговли хлѣбомъ, вводящемъ въ кругъ ея все большее и большее число земель съ наиболѣе

благопріятными условіями для его производства, цѣна его опредѣляется по стоимости производства въ странѣ или странахъ, наиболѣе его производящихъ. При ввозѣ американскаго хлѣба, болѣе дешеваго, въ Англіи стало сокращаться производство его, ибо онъ сталъ продаваться ниже стоимости его производства въ ней, хотя урожайность его въ Англіи выше, нежели въ Америкѣ (на единицу пространства).

Итакъ, если зависимость отъ условій природы отражается невыгодно на производителяхъ, то, съ другой стороны, страдаютъ отъ этого интересы и потребителей, которые не могутъ разсчитать напередъ предстоящаго расхода на главную часть бюджета — пищу. Если при этихъ условіяхъ хозяйство, выдержавшее такое положеніе дѣлъ, можетъ разсчитывать поправиться въ послѣдующіе годы, когда измѣненіе произойдетъ въ обратномъ отношеніи, такъ что за 10 лѣтъ, наприм., уравняются прибыль и убытокъ въ такой мѣрѣ, что получится нормальная прибыль, то опасеніе недостачи хлѣба на потребителей дѣйствуетъ такимъ образомъ, что вызываетъ даже, при опасеніи только неурожая, уже опасность голода и ведетъ къ сильному подъему цѣнъ, чѣмъ однако успѣваютъ воспользоваться не столько хозяева, сколько торговцы хлѣбомъ. Въ силу всего этого является стремленіе измѣнить такую зависимость отъ вліянія климата. Измѣненіе ея для потребителя, какъ мы видѣли изъ прежнихъ лекцій, и совершается съ развитіемъ всемірной хлѣбной торговли, которая устраняетъ вліяніе климата на снабженіе хлѣбомъ отдѣльной страны тѣмъ путемъ, что создаются сношенія со странами, въ которыхъ, въ силу вліянія климата же, урожай и сборъ происходятъ не одновременно и, такимъ образомъ, создается ежемѣсячное снабженіе хлѣбомъ, т.-е. почти съ такою же правильностью, какъ и продуктами фабричнаго производства.

Само собою разумѣется, что потребители выигрываютъ отъ этого, такъ какъ снабженіе ихъ пищею не становится уже въ зависимость отъ каприза, такъ сказать, природы и является обезпеченнымъ, благодаря чему устраняется также

и колебаніе цѣнъ по времени года, такъ какъ опасеніе неурожая въ данномъ году въ данной странѣ, вліявшее прежде на непомѣрное повышеніе цѣны хлѣба, какъ бы парализуется до извѣстной степени представленіемъ о немыслимости повсемѣстнаго неурожая и возможности привоза хлѣба изъ странъ, гдѣ неурожая нѣтъ. Но то самое, что составляетъ здѣсь благопріятное условіе для потребителя, не является таковымъ для производителя, положеніе котораго чрезъ это, какъ я старался то показать, еще болѣе ухудшается. Прежде, если онъ могъ выждать время, то могъ разсчитывать поправить свои дѣла тѣмъ, что цѣна хлѣба поднимется; онъ зналъ, что годы урожая, когда хлѣбъ дешевъ, смѣняются годами неурожая, когда онъ дорогъ; зналъ, что дешевая осенью цѣна можетъ подняться сильно весною; могъ, такимъ образомъ, не измѣняя своего хозяйства, размѣровъ его и способовъ производства и, разсчитывая только на измѣненіе цѣнъ во времени, въ зависимости отъ измѣненія высоты урожая, продолжать вести дѣло. Теперь онъ не можетъ разсчитывать на это, такъ какъ неурожай въ данной странѣ можетъ сопровождаться такимъ урожаемъ въ сосѣдней ввозящей, что цѣна хлѣба можетъ быть ниже даже цѣны урожайнаго года, какъ тому уже и были примѣры, хотя и обратно—при хорошемъ урожаѣ случались высокія цѣны.

Такимъ образомъ, если по отношенію къ потребителю стихійныя условія климата могутъ считаться побѣжденными съ развитіемъ всемірной хлѣбной торговли, то для производителя они остаются въ силѣ и къ нимъ еще присоединяются условія рынка, принимающія также стихійный характеръ, поскольку они не могутъ быть приняты во вниманіе и введены въ разсчетъ.

Но съ развитіемъ всемірной хлѣбной торговли для потребителя явились и другія благопріятныя послѣдствія, понизившія для него вообще цѣну хлѣба. Это произошло также въ связи съ вліяніемъ климатическихъ условій.

Прежде, какъ я уже выяснялъ въ предыдущихъ лекціяхъ, пищевые продукты производились повсюду сообразно съ потребностью производителя и потребителя, независимо

отъ того, являлись ли эти продукты наиболѣе подходящими для данныхъ климатическихъ условій или нѣтъ. Съ развитіемъ всемірнаго рынка и съ необходимостью считаться съ болѣе усиленнымъ соперничествомъ, при чемъ стало усиливаться производство, если не исключительно, то по преимуществу для сбыта, производитель неминуемо былъ приведенъ къ тому, что сталъ для производства выбирать продукты, наиболѣе отвѣчающіе мѣстнымъ природнымъ условіямъ, т.-е. такіе, которые при наименьшихъ усиліяхъ давали бо́льшій результатъ, и, слѣдовательно, на рынокъ стали поступать въ бо́льшей массѣ продукты, произведенные при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, потому болѣе дешевые и, въ силу соперничества и преобладающаго количества ихъ, опредѣлявшіе цѣну на тѣ же продукты, произведенные при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Тотъ, кто производилъ при этихъ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, долженъ былъ также стремиться къ удешевленію издержекъ производства, а это не могло достигаться въ сельскомъ хозяйствѣ безъ выбора продуктовъ, наиболѣе отвѣчающихъ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ; слѣдовательно, удешевленіе однихъ продуктовъ должно было вести за собою удешевленіе и другихъ, распредѣляя сельскохозяйственное производство наиболѣе соотвѣтственно климатическимъ условіямъ каждой мѣстности.

При всемъ этомъ, однако, производитель можетъ терять, такъ какъ при распредѣленіи культуръ, сообразно климатическимъ условіямъ, выборъ производителя не свободенъ. Изъ всѣхъ родовъ культуръ онъ выбираетъ ту, которая оказывается наиболѣе производительной при данныхъ климатическихъ условіяхъ, скажемъ, рожь; но въ другой мѣстности другой производитель, руководствуясь тѣмъ же, выбираетъ также рожь, урожай которой однако въ этой послѣдней мѣстности не только выше урожаевъ всѣхъ другихъ хлѣбовъ, но и выше нежели урожай ея въ первой мѣстности; если при этомъ рожь являлась на рынкѣ въ избыткѣ, то, понятное дѣло, она будетъ продаваться по наименьшей цѣнѣ, какую можетъ взять производитель мѣст-

ности, гдѣ урожай выше, что для перваго будетъ убыточно, но выхода ему нѣтъ, если только онъ не доведетъ при помощи какихъ-либо усовершентвованій стоимость производства ея до меньшей цѣны, выгодами чего и воспользуется, пока усовершенствованія эти не получатъ всеобщаго примѣненія. Между тѣмъ климатическія условія создаютъ именно такое положеніе для многихъ мѣстностей, что тамъ не можетъ быть рѣчи о выборѣ той или иной культуры, а прямо доступной оказывается только культура опредѣленныхъ растеній, наприм., ячменя на сѣверѣ или риса въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Италіи и т. п.,—тогда уже и совсѣмъ нѣтъ выбора, а въ то же время оставить производство нельзя. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, оставить его? Оно связано съ землей, съ извѣстнымъ имуществомъ, имѣющимъ извѣстную цѣнность, составляющимъ собственность производителя, на пріобрѣтеніе которой затраченъ извѣстный капиталъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій, цѣнность земли сильно понизилась, да и по этой-то цѣнности нельзя найти покупателя, такъ какъ послѣдній станетъ въ такія же неблагопріятныя условія. Кромѣ того, оставить это дѣло значитъ приняться за другое, а для этого надо и знаніе его и умѣнье вести его. Наконецъ, это значитъ поставить себя въ зависимость отъ еще болѣе, можетъ быть, случайныхъ обстоятельствъ. Все это и является тормазомъ къ правильному, соотвѣтствующему природнымъ условіямъ, распредѣленію культуръ, и въ тоже время продолжаетъ удерживать земледѣліе на той ступени, которая мѣшаетъ ему стать въ положеніе производства, настолько же широко развивающагося, какъ и обрабатывающая промышленность.

Если, такимъ образомъ, вліяніе климатическихъ условій оказывается въ значительной степени побѣжденнымъ для потребителя, то нельзя того же сказать о производителѣ. И это понятно Потребитель имѣетъ дѣло непосредственно съ рынкомъ, на которомъ реализируются результаты производства. Послѣднее, чтобы вестись съ успѣхомъ, т.-е. съ наибольшимъ извлеченіемъ прибыли, должно было тотъ аппаратъ, черезъ посредство котораго оно входитъ въ общеніе

съ потребителемъ, приспособить къ тому, чтобы достигнуть наиболѣе успѣшнаго, при наличныхъ условіяхъ, сбыта товаровъ, а для этого и надо завербовать потребителя той степенью доступности для него товаровъ, которая только можетъ быть достигнута при современной организаціи производственныхъ отношеній. Но само производство, принявъ характеръ общественнаго въ томъ смыслѣ, что продукты производятся сообразно съ потребностями не производителя, а общества, остается еще на ступени частнаго, такъ какъ и размѣръ производства и родъ его опредѣляются частнымъ, отдѣльнымъ лицомъ по его индивидуальному усмотрѣнію и силамъ. Это противорѣчіе и производитъ тормозящее вліяніе.

Само собою разумѣется, это тормозящее вліяніе существуетъ и въ обработывающей промышленности, но тамъ нѣтъ той зависимости отъ климатическихъ условій, которая здѣсь связываетъ руки и мѣшаетъ земледѣлію стать на чисто-капиталистическую почву, какъ въ обработывающей промышленности. Вотъ это-то и надо постоянно имѣть въ виду при изученіи экономіи сельскаго хозяйства. Законы развитія капиталистическаго хозяйства обыкновенно прилагаются ко всему производству безъ различія, между тѣмъ какъ они выработаны изъ наблюденія явленій въ области обработывающей промышленности, что обусловливалось тѣмъ, что наибольшее проявленіе они получили въ этой послѣдней. Земледѣліе же, составляющее до сихъ поръ еще преобладающее занятіе для большинства населенія почти во всѣхъ странахъ, если и отражаетъ на себѣ тѣ измѣненія въ строѣ общества, которыя производятся капитализмомъ, то все же само, какъ производство, еще не охвачено производительнымъ капиталомъ въ такой мѣрѣ, какъ обработывающая промышленность, и ведется по преимуществу массой населенія въ формѣ, такъ сказать, полутоварнаго производства, а потому и отсутствуетъ достаточный матеріалъ для изученія законовъ капиталистическаго производства въ земледѣліи.

Отсюда, конечно, слѣдуетъ, что 1) нельзя прилагать *цѣли-*

комъ законы капиталистическаго развитія къ земледѣлію и, 2) изучая ихъ отраженія на немъ, надо постоянно имѣть въ виду то условіе, отражающееся на нихъ, котораго нѣтъ въ обрабатывающей промышленности, т.-е. *климатъ*. Но кромѣ климата въ земледѣліи играютъ большую роль и другія природныя условія. Такова *почва*. На значеніи и вліяніи ея я, однако, не буду останавливаться подробно, такъ какъ этотъ факторъ значительно поддается воздѣйствію человѣка. Когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію системъ земледѣлія, мы увидимъ, какъ человѣкъ постепенно овладѣваетъ все болѣе и болѣе почвой и, по мѣрѣ изученія ея, умѣетъ придавать ей тѣ свойства, которыя нужны для его цѣлей, даже, можно сказать, создавать ее, а въ послѣднее время съ примѣненіемъ искусственныхъ удобреній власть его въ этомъ отношеніи очень широка. Положимъ, и относительно устраненія вреднаго вліянія климата человѣкъ не совсѣмъ безсиленъ. Такъ, онъ можетъ устраивать и устраиваетъ искусственное орошеніе и даже съ очень давнихъ временъ, и благодаря этому получаетъ хорошіе урожаи тамъ, гдѣ бы иначе ихъ не было совсѣмъ; здѣсь появленіе дождя составляетъ даже явленіе нежелательное, ибо нарушаетъ ту регулярность въ ходѣ дѣла, которая введена уже съ примѣненіемъ искусственнаго орошенія. Но это почти и все, что можно сказать по поводу воздѣйствія на атмосферическія условія. Достигнуть обратнаго, т.-е. прекращенія дождей, когда ихъ не надо, человѣкъ не умѣетъ, не умѣетъ предохранить себя и отъ града, не можетъ вызвать искусственнаго дождя тамъ, гдѣ почему-либо искусственное орошеніе текучими водами не примѣнимо. Не можетъ, наконецъ, измѣнить температуру воздуха, если не брать такихъ случаевъ, которые не могутъ быть общимъ правиломъ, какъ тепличное выращиваніе овощей на продажу (наприм., въ Клинск. у. Московск. губ.), или тѣхъ климатическихъ измѣненій, которыя не преднамѣренно производятся уничтоженіемъ лѣсовъ, при чемъ и тутъ еще много спорнаго относительно того, при какихъ условіяхъ уничтоженіе лѣсовъ и какое производитъ вліяніе, спорно и обратное вліяніе

лѣсонасажденія на измѣненіе климатическихъ условій; при томъ все это во всякомъ случаѣ имѣетъ очень относительное значеніе и лишь въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ, не уничтожая того основного экономическаго значенія вліянія климата, которое отмѣчено раньше. Воздѣйствіе же на почву болѣе значительно, почему она и не кладетъ такихъ неустранимыхъ предѣловъ сельскому хозяйству, какъ климатъ. Но насколько все-таки особенности почвы имѣютъ значеніе въ экономіи сельскаго хозяйства, это ясно уже изъ того, что именно онѣ дали основаніе ученію о рентѣ въ политической экономіи, хотя сама рента, какъ особый видъ дохода, составляетъ, конечно, результатъ общественнаго отношенія къ землѣ. И если нѣсколько выше я указалъ на то, что почва не налагаетъ такихъ препятствій, какъ климатъ, то экономическое значеніе ея различій остается въ силѣ. Рѣзкое вліяніе климатическихъ условій сказывается въ томъ, что извѣстный климатъ совершенно не допускаетъ опредѣленныхъ видовъ растительности, а затѣмъ другіе виды растительности имѣютъ въ климатѣ болѣе или менѣе благопріятное условіе для своего произрастанія, соотвѣтственно чему, при одной и той же затратѣ труда, урожай, сборъ продуктовъ будетъ болѣе или менѣе значителенъ. Вліяніе почвы имѣетъ характеръ сходный съ этимъ послѣднимъ вліяніемъ климата, такъ какъ приведеніе ея въ то или иное состояніе требуетъ большей или меньшей затраты труда и средствъ. Если же имѣть въ виду, что то направленіе, въ которомъ вліяетъ почва, можетъ совпадать или не совпадать съ вліяніемъ климата, то сложность вліяній природы на сельскохозяйственное производство станетъ понятною, тѣмъ болѣе, что она проявляется на всемъ ходѣ его, начиная съ подготовки почвы и кончая сборомъ и уборкой продуктовъ.

Такимъ образомъ, и климатическія и почвенныя условія, въ концѣ концовъ, вліяютъ на отношеніе между количествомъ прилагаемаго труда и результатомъ его, т.-е. количествомъ и качествомъ полученнаго продукта; еслибъ эти условія сказывались повсемѣстно одинаково на сельскохозяйственномъ

производствѣ, то значеніе ихъ существовало бы въ той мѣрѣ, въ какой это отличаетъ земледѣліе отъ обработывающей промышленности, и обнаруживалось бы лишь въ необходимости затрачивать относительно больше труда на производство продуктовъ сельскаго хозяйства, сравнительно съ производствомъ продуктовъ обработывающей промышленности, и намъ пришлось бы говорить о нихъ лишь для того, чтобъ объяснить, почему годовая затрата труда въ сельскомъ хозяйствѣ даетъ хлѣба, скажемъ, на годъ, а производство продуктовъ обработывающей промышленности даетъ ихъ на большее время, подобно тому, какъ и въ этомъ послѣднемъ производствѣ, при равной затратѣ труда получается количество продуктовъ, не одинаковое время, удовлетворяющее потребности общества, т. е. извѣстное число часовъ, потраченное на изготовленіе предметовъ одѣянія, скажемъ, даетъ послѣднихъ на двухгодичное требованіе, а затраченное на производство жилища на десятилѣтнее и т. д. А это только и опредѣляло бы собою то количество рабочихъ силъ, которое должно быть удѣлено на удовлетвореніе различныхъ потребностей, —не больше. Но дѣло въ томъ, что всѣ указанныя природныя условія, при одинаковости ихъ вліянія въ цѣлой обширной мѣстности или въ различныхъ, оказываютъ тамъ же, въ тѣхъ же мѣстностяхъ различное, неоднородное вліяніе на производство предметовъ обработывающей промышленности и на производство продуктовъ сельскаго хозяйства. Тогда какъ первая, т. е. обработывающая промышленность, стоитъ въ этомъ отношеніи въ извѣстной степени независимости, сельское хозяйство находится въ самой тѣсной зависимости отъ природныхъ условій, это, а сводя на одномъ рынкѣ всѣхъ сельскохозяйственныхъ производителей, стоящихъ въ весьма разнообразныхъ условіяхъ, воздѣйствіе на которыя лежитъ внѣ ихъ предпріимчивости, внѣ различій въ техникѣ производства, ставитъ ихъ, при одинаковости рыночной цѣны для всѣхъ, въ весьма неравныя условія для конкуренціи, помимо тѣхъ причинъ неравенства, которыя здѣсь могутъ существовать въ такой же мѣрѣ, какъ и въ обрабо-

тывающей промышленности. Но все это ставитъ и капиталъ, направленный на земледѣльческое производство, въ неравныя условія съ капиталомъ, направленнымъ на производство предметовъ обработывающей промышленности. Поэтому, пока для капитала еще есть поле приложенія внѣ земледѣлія, онъ и не направляется на послѣднее. Въ земледѣліи, по указаннымъ выше причинамъ, для отдѣльныхъ предпринимателей не только не осуществляется тенденція капитала къ равенству въ прибыли, но наоборотъ, это равенство не только постоянно нарушается, но даже напередъ предусматривается неравенство, а потому естественно, что сельское хозяйство менѣе обращаетъ на себя вниманіе капиталистовъ, менѣе интересуетъ ихъ. Но въ то же время приразвитіи капитализма оно получаетъ иное значеніе, чѣмъ при другомъ строѣ отношеній.

Но все это есть только слѣдствіе того, что сельское хозяйство представляетъ менѣе благопріятную почву для капиталистическаго производства, чѣмъ другіе виды и отрасли промышленной дѣятельности человѣка. Происходитъ же это отъ природныхъ условій, какъ уже отмѣченныхъ, такъ и другихъ. Среди послѣднихъ не малое значеніе играетъ необходимость распредѣлить самое производство на значительномъ пространствѣ и невозможность сосредоточить его по произволу. Это обусловливается уже самымъ характеромъ того, съ чѣмъ необходимымъ образомъ имѣется дѣло въ земледѣліи и что частію служитъ въ немъ сырымъ матеріаломъ, частію играетъ роль орудія производства. Я говорю о роли земли въ сельскохозяйственномъ производствѣ. Самое понятіе о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ въ земледѣліи соединяется обычно съ размѣромъ той земельной площади, на которой оно ведется. Но размѣры хозяйства опредѣляются здѣсь, въ извѣстныхъ предѣлахъ, размѣрами и условіями землевладѣнія, къ разсмотрѣнію которыхъ я и перехожу теперь.

Примѣчаніе. Нѣкоторыя намѣченныя здѣсь положенія болѣе подробно развиты въ соч. **Н А. Каблукова**: «Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ». М 1884 г., въ гл VI: «Особенности сельскохозяйственнаго производства и ихъ экономическое значеніе».

IV. Землевладѣніе.

1. Значеніе размѣровъ землевладѣнія.

Земля, какъ я уже раньше упоминалъ, представляетъ собой въ сельскомъ хозяйствѣ, съ одной стороны, сырой матеріалъ, поскольку изъ нея извлекаются питательные элементы, входящіе въ составъ производительнаго продукта, съ другой стороны—она является и орудіемъ производства, переработывая въ свою очередь тотъ сырой матеріалъ, который попадаетъ въ нее, напр. въ видѣ сѣмянъ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ сравнить ее съ ретортой при химическихъ процессахъ. При этой двоякой роли земли понятно, насколько крупное значеніе должно имѣть не только по отношенію къ сельскому хозяйству, но и ко всему экономическому строю распредѣленіе земли между населеніемъ: какая часть послѣдняго владѣетъ землей и, слѣдовательно, можетъ непосредственно пользоваться ею въ отмѣченныхъ свойствахъ, имѣющихъ народохозяйственное значеніе; какъ распредѣлено это пользованіе, въ какой формѣ производится оно и т. д. Для выясненія всего этого и надо разсмотрѣть условія землевладѣнія, которыя, однако, какъ и все въ экономической области, развились исторически. Но по недостатку времени я не буду касаться исторіи землевладѣнія и образованія современныхъ формъ его. Укажу лишь, что на первоначальныхъ ступеняхъ человѣческаго быта (охотничій, кочевой) земля не являлась объектомъ частной собственности, что стояло въ связи со всѣми условіями того времени. При переходѣ къ земледѣ-

лію земля въ зависимости, между прочимъ, отъ затруднительности и непосильности обработки ея для отдѣльнаго лица оставалась предметомъ общаго и общиннаго владѣнія. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій и различной группировки общественныхъ силъ, образовались различные виды землевладѣнія. Не имѣя времени входить въ дальнѣйшія разъясненія того, какъ образовалось обладаніе землей отдѣльными лицами, замѣчу лишь, что въ настоящее время мы наблюдаемъ землю во владѣніи государства — *государственныя* земли, частныхъ лицъ и учрежденій — *частновладѣльческія*, и, наконецъ, во владѣніи общинъ — *общинныя* земли. При этомъ исторически же образовалось различное и далеко неравномѣрное, какъ по отдѣльнымъ странамъ, такъ и внутри одной страны распредѣленіе земли по пространству между отдѣльными владѣльцами, и выработалось понятіе о крупномъ, мелкомъ и среднемъ землевладѣніи. Понятіе это не слѣдуетъ смѣшивать съ мелкимъ, среднимъ или крупнымъ хозяйствомъ. Крупный землевладѣлецъ, напр., не ведетъ крупнаго хозяйства, а раздаетъ мелкіе участки своей земли арендаторамъ,—получается мелкое хозяйство. Если-же, имѣя небольшой участокъ земли, владѣлецъ для веденія своего хозяйства пріарендовываетъ значительное количество земли, то мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ хозяйствомъ.

Повидимому въ экономіи сельскаго хозяйства приходилось-бы говорить о мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ, а не о мелкомъ и крупномъ землевладѣніи. Но различіе въ послѣднемъ до извѣстной степени обусловливаетъ различіе и въ первомъ не только въ величинѣ хозяйства, но и во многомъ другомъ, такъ какъ не одно и то-же, имѣть-ли постоянное право на пользованіе землей или лишь временное и зависимое отъ усмотрѣнія другого. Кромѣ того, въ зависимости отъ преобладанія того или другого вида землевладѣнія находится и количество населенія, занятаго или могущаго заниматься земледѣліемъ.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія интересовъ массы населенія, то, принимая во вниманіе, что земля—сырой матеріалъ и ору-

діе производства, приходится заключить, что мелкое землевладѣніе представляется болѣе выгоднымъ, такъ какъ отъ крупнаго оно отличается тѣмъ, что распредѣляется между большею частью населенія, которому, такимъ образомъ, представляется возможность прилагать свой трудъ къ находящемуся у него подъ руками источнику производства. Необходимо, однако, предварительно замѣтить, что раздѣленіе на мелкое и крупное землевладѣніе носитъ условный характеръ: то, что при однихъ условіяхъ является мелкимъ землевладѣніемъ, при другихъ будетъ крупнымъ и наоборотъ. Отнесеніе даннаго участка къ той или другой категоріи будетъ зависѣть отъ той или иной культуры, интенсивности обработки почвы, величины прилагаемаго къ землѣ капитала и пр. Участокъ, который считается крупнымъ, наприм., въ Англіи, не можетъ при извѣстныхъ условіяхъ считаться крупнымъ въ Россіи; крупный въ земледѣльческомъ быту участокъ не будетъ таковымъ въ пастушескомъ; при залежной системѣ требуется для достиженія однихъ и тѣхъ же результатовъ гораздо больший участокъ, чѣмъ при трехпольной. Итакъ, говоря объ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи, мы подъ крупнымъ участкомъ будемъ разумѣть не одно и то же. Но даже и на пространствѣ одной Россіи однообразное подраздѣленіе участковъ по ихъ размѣрамъ на крупные и мелкіе было бы невѣрно: участокъ, который принято считать крупнымъ въ Крыму, будетъ мелкимъ въ Архангельской или Вологодской губ.

Отрѣшаясь, такимъ образомъ, отъ дѣленія участковъ на крупные и мелкіе по однимъ только размѣрамъ ихъ даже въ предѣлахъ одной страны, мы будемъ считать мелкимъ участкомъ такой, съ котораго собственникъ можетъ, прилагая свой трудъ и не прибѣгая къ постороннему труду, добыть необходимое количество средствъ для своего существованія. Это будетъ максимальный предѣлъ мелкаго участка. Крупнымъ участкомъ мы будемъ считать такой, на которомъ можно вести хозяйство на предпринимательскихъ началахъ съ наемнымъ трудомъ, безъ приложенія своего непосредственнаго труда и даже своего труда по управленію. Все же, что будетъ лежать между этими двумя пре-

дѣлами, мы будемъ считать средними участками. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи необходимо имѣть въ виду, что условія для опредѣленія мелкаго и крупнаго землевладѣнія—общія и неопредѣленныя.

Выше я уже замѣтилъ, что съ точки зрѣнія интересовъ массы населенія мелкое землевладѣніе представляется болѣе выгоднымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ большее количество лицъ получаетъ возможность непосредственно прилагать свой трудъ къ землѣ. Это и есть то основное положеніе, въ силу котораго мелкое землевладѣніе, т.-е. распредѣленіе земли между наибольшимъ числомъ населенія, слѣдуетъ признать имѣющимъ громадное преимущество передъ крупнымъ. Всѣ остальные доводы за или противъ крупнаго или мелкаго землевладѣнія скорѣе относятся къ крупному или мелкому хозяйству, но пріурочиваютъ ихъ къ тому или другому виду землевладѣнія въ силу того, что между размѣрами землевладѣнія и хозяйства нерѣдко существуетъ совпаденіе. Такъ, хотя мы и можемъ предположить соединеніе многихъ мелкихъ участковъ земли въ одно крупное хозяйство, но обыкновенно мелкому землевладѣнію въ настоящее время соотвѣтствуетъ такое же хозяйство. Нельзя сказать того же о крупномъ землевладѣніи: весьма часто оно раздробляется на много, если не мелкихъ, то среднихъ хозяйствъ, такъ что крупному землевладѣнію не всегда соотвѣтствуетъ крупное хозяйство. Но, съ другой стороны, съ крупнымъ хозяйствомъ мы имѣемъ дѣло большею частью при крупномъ землевладѣніи. Имѣя это въ виду, и говорятъ, что хотя при мелкомъ землевладѣніи валовой доходъ и выше, но та доля продукта, которая относится къ чистому доходу, значительнѣе при крупномъ землевладѣніи и, слѣдовательно, вся нація въ совокупности извлекаетъ въ этомъ случаѣ больше отъ сельскаго хозяйства. Но, во 1-хъ, это приложимо далеко не ко всѣмъ видамъ земледѣльческой культуры; во 2-хъ, это зависитъ не столько отъ размѣровъ землевладѣнія, сколько отъ соединеннаго нерѣдко съ нимъ обладанія капиталомъ, который можетъ прилагаться къ культурѣ земли; въ 3-хъ, чистый доходъ смѣшивается

здѣсь нерѣдко съ тѣмъ, что получаетъ собственникъ въ видѣ прибавочной стоимости, извлекаемой отъ приложенія большого количества рукъ и собираемой въ одинъ фокусъ, что при мелкомъ землевладѣніи распредѣляется по многимъ мелкимъ собственникамъ и не представляется столь замѣтнымъ; и наконецъ, въ 4-хъ, никто не оспариваетъ, что при мелкомъ землевладѣніи приложеніе труда носитъ болѣе интенсивный характеръ, въ результатѣ чего и получается болѣе валового продукта, т.-е. изъ земли извлекается гораздо больше.

Далѣе, въ пользу крупнаго сельскаго хозяйства указываютъ на то, что при немъ возможно болѣе широкое раздѣленіе труда, чѣмъ при мелкомъ. Но при сравненіи условій и обстановки, въ которыхъ производятся различныя операціи сельскохозяйственнаго производства и фабричнаго, оказывается, что въ первомъ раздѣленіе труда можетъ быть проведено далеко не въ такой степени, какъ въ послѣднемъ. Объясняется это тѣмъ, что продолжительность, а часто и размѣръ операцій сельскохозяйственнаго производства въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ времени года, климатическихъ и другихъ природныхъ условій, отъ которыхъ фабричное производство можетъ быть почти совсѣмъ изолировано подъ крышей фабричнаго зданія. Указанною сейчасъ разницей въ зависимости того и другого производства отъ природныхъ условій обусловливается то обстоятельство, что сельскохозяйственное производство не можетъ вестись съ такою планомѣрностью, а вслѣдствіе этого и раздѣленіе труда не можетъ здѣсь итти такъ далеко, какъ въ производствѣ фабричномъ, на что и указано уже раньше. При такихъ условіяхъ въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ не существуетъ преимуществъ въ отношеніи раздѣленія труда въ той мѣрѣ, въ какой они присущи крупному фабричному производству. Но кромѣ того необходимо имѣть въ виду, что этотъ доводъ относится не столько къ крупному землевладѣнію, сколько къ крупному по формѣ хозяйству, имѣющему, конечно, и въ земледѣліи свои преимущества, но не при тѣхъ условіяхъ, которыя отожест-

вляютъ его съ крупнымъ землевладѣніемъ, при которомъ все производство разсчитано исключительно на обмѣнъ, что, какъ показано раньше, въ земледѣліи, по крайней мѣрѣ до сего времени, не даетъ тѣхъ же преимуществъ, какъ въ обработывающей промышленности.

Далѣе, какъ на преимущество крупнаго землевладѣнія указываютъ на возможность приложенія здѣсь большаго капитала. Но это вовсе не связано непремѣнно съ крупнымъ землевладѣніемъ. Въ Англіи, наприм., странѣ крупнаго землевладѣнія, приложеніе капитала къ землѣ происходитъ со стороны фермеровъ, а не владѣльцевъ земли. Еслибъ былъ правильно и широко организованъ кредитъ, то выгода отъ приложенія капитала одинаково распространялась бы и на мелкое землевладѣніе. Въ Бельгіи, Италіи, гдѣ землевладѣніе мелкое, мелкіе землевладѣльцы вступаютъ въ союзы для соединенія своихъ капиталовъ съ цѣлью производства такихъ улучшеній, которыя требуютъ значительныхъ затратъ. То же замѣчается и у насъ въ Россіи, гдѣ крестьяне при общинномъ землевладѣніи производятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осушеніе и другія улучшенія, недоступныя единичнымъ силамъ. Вообще же, если сравнимъ цѣлый рядъ странъ въ отношеніи размѣровъ землевладѣнія и высоты культуры, то увидимъ, что въ странахъ съ мелкимъ землевладѣніемъ, какъ, напримѣръ, въ Бельгіи, Швейцаріи, земледѣльческая культура стоитъ выше, чѣмъ въ странахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ.

Указываютъ еще на сокращеніе издержекъ по управленію, какъ на выгоду крупнаго землевладѣнія, но это относится главнымъ образомъ къ крупному хозяйству, а не крупному землевладѣнію.

Переходя теперь къ условіямъ, при которыхъ существуетъ земледѣліе въ цивилизованныхъ странахъ, можно указать на спеціальныя выгоды мелкаго землевладѣнія. Въ настоящее время сельское хозяйство переживаетъ кризисъ, происходящій отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, что значительно уменьшаетъ доходы собственниковъ земли. Происходитъ это оттого, что все больше необработывавшихся

прежде земель поступаетъ въ обработку, что въ значительной степени замѣчается, напримѣръ, въ Америкѣ и Австраліи. Въ зависимости отъ поступленія новыхъ земель въ хозяйственный оборотъ, преобразовывается въ нѣкоторыхъ странахъ и самое земледѣльческое хозяйство, и невозможно предвидѣть, какую оно приметъ форму. Въ Англіи, наприм., земледѣліе принимаетъ теперь иной характеръ: земли забрасываются подъ пастбища для скота. Этотъ кризисъ на мелкихъ собственникахъ не отражается такъ сильно, какъ на крупныхъ, потому что мелкій собственникъ имѣетъ въ виду не рынокъ исключительно, а главнымъ образомъ собственное потребленіе. Если онъ владѣетъ землей и орудіями производства, то ему выгоднѣе вмѣсто того, чтобы продавать свой трудъ, прилагать его къ своей землѣ. Говорятъ, что если производство хлѣба въ данномъ мѣстѣ обходится дороже, нежели въ другомъ, то въ первомъ случаѣ его невыгодно производить, надо обратиться къ другому болѣе выгодному въ этомъ мѣстѣ производству, хлѣбъ же покупать. Но въ дѣйствительности это было бы справедливо только тогда, еслибы каждый владѣлецъ мелкаго участка могъ всегда найти выгодное приложеніе своего труда; на дѣлѣ же такая возможность далеко не всегда представляется. Всякому извѣстно, какія послѣдствія могли бы произойти, еслибы всѣ мелкіе собственники бросились на фабрики: не только огромное большинство изъ нихъ не получило бы возможности приложить свой трудъ, но чрезмѣрнымъ предложеніемъ они понизили бы плату уже занятыхъ въ производствѣ рабочихъ и, слѣдовательно, ухудшили бы ихъ положеніе. При такихъ условіяхъ существованіе мелкой земельной собственности имѣетъ то значеніе, что держитъ заработную плату фабричныхъ рабочихъ на извѣстной высотѣ. Послѣ сказаннаго не трудно предвидѣть послѣдствія, какія произошли бы, еслибы мелкіе участки сосредоточились въ рукахъ немногихъ собственниковъ. Масса бывшихъ мелкихъ собственниковъ, оторванныхъ отъ земли, не имѣя въ большинствѣ случаевъ возможности найти заработокъ на фабрикахъ, должна была бы снова обратиться

къ земледѣлію: либо въ качествѣ батраковъ у крупныхъ собственниковъ, либо въ качествѣ арендаторовъ своихъ прежнихъ участковъ, перешедшихъ въ руки новыхъ владѣльцевъ. Но крупные собственники, какъ видимъ, страдаютъ отъ кризисовъ болѣе мелкихъ и превращаютъ свои пашни въ пастбища; слѣдовательно, и у нихъ не было бы работы. Какія изъ всего этого проистекали бы послѣдствія, это уже трудно предвидѣть. Въ виду всего этого въ послѣднее время замѣчается переворотъ во взглядѣ экономистовъ, которые до недавняго времени видѣли за крупнымъ землевладѣніемъ большія преимущества и прославляли институтъ частной собственности на землю. Въ силу этого существовала тенденція превратить всѣ государственныя земли въ частныя. Въ послѣднее время и въ этомъ отношеніи наступили перемѣны: уже не считается задачей государственной политики наибольшее отчужденіе государственныхъ земель въ руки частныхъ собственниковъ, а наоборотъ, замѣчается тенденція разсматривать ихъ, какъ фондъ для надѣленія землей наростающаго населенія.

Замѣтимъ здѣсь, что, противопоставляя мелкое землевладѣніе крупному, мы подъ послѣднимъ разумѣли крупное частное землевладѣніе, а не общинное или государственное. Это и понятно. Выгоды мелкаго землевладѣнія, какъ я уже говорилъ, заключаются, между прочимъ, въ томъ, что оно предполагаетъ распредѣленіе земли между большимъ количествомъ лицъ, давая послѣднимъ возможность непосредственнаго приложенія труда Преимущество это достигается и въ томъ случаѣ, когда крупные участки земли находятся въ распоряженіи общины или государства, такъ какъ послѣднія имѣютъ возможность распредѣлять землю между бо̀льшимъ количествомъ лицъ. Съ другой стороны, подъ мелкимъ землевладѣніемъ мы разумѣемъ не то, которое въ Германіи носитъ названіе „карликоваго“, и на которомъ, вслѣдствіе его незначительныхъ размѣровъ, невозможно вести земледѣльческое хозяйство, которое могло бы обезпечивать существованіе земледѣльца. Такой клочокъ земли скорѣй служитъ добавочнымъ источникомъ существо-

ванія при наличности другихъ какихъ-либо занятій, а часто даже наоборотъ, прямо служитъ къ невыгодѣ населенія. Положимъ, напримѣръ, лицо работаетъ на фабрикѣ: клочокъ земли покрывалъ бы часть его расходовъ и этимъ понижалъ бы заработную плату. Такія условія создаетъ наше надѣльное землевладѣніе тамъ, гдѣ надѣлы слишкомъ малы. Не покрывая всѣхъ своихъ расходовъ доходами съ земли, крестьянинъ вынужденъ искать какихъ нибудь другихъ занятій. Если 3—4 мѣсяца онъ можетъ существовать на доходъ отъ земли, или же покрывать этимъ доходомъ часть своего ежемѣсячнаго содержанія, то, очевидно, на фабрикѣ ему достаточно будетъ получить заработокъ, который обезпечивалъ бы ему лишь недостающую на полное содержаніе часть. Если рядомъ съ нимъ работаетъ на фабрикѣ другой, который надѣльной земли совсѣмъ не имѣетъ и для котораго, слѣдовательно, фабрика служитъ источникомъ существованія въ теченіе цѣлаго года, то первый, сравнительно болѣе обезпеченный, можетъ удовлетвориться меньшимъ заработкомъ и, такимъ образомъ, понижаетъ заработную плату второго.

Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что и мелкое землевладѣніе можетъ имѣть различное значеніе, смотря по *размѣрамъ* его и по сочетанію съ тѣми или иными хозяйственными условіями. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что все, что здѣсь говорилось о преимуществахъ мелкаго землевладѣнія, относилось именно къ нему, а не къ мелкому хозяйству, которое, какъ увидимъ ниже, смотря по роду культуръ и по нѣкоторымъ другимъ условіямъ, имѣетъ и свои невыгодныя стороны, хотя и здѣсь это можетъ относиться къ мелкому хозяйству, переходящему при данныхъ условіяхъ почвы, климата и рода культуръ за извѣстный минимальный предѣлъ.

2. Формы землевладѣнія.

Помимо размѣровъ землевладѣнія, которые обусловливаютъ собою владѣніе землею немногими или массой насе-

ленія, важны еще и формы землевладѣнія, которыя такъ или иначе отражаются на сохраненіи земли въ рукахъ массы населенія и на условіяхъ, способахъ и доступности пользованія ею. Остановимся поэтому на различіи между частной и общинною собственностью на землю.

Юридически это различіе сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ отдѣльное лицо имѣетъ право полнаго и свободнаго распоряженія землею, а во второмъ — право это принадлежитъ цѣлой совокупности лицъ, и отдѣльное лицо только пользуется землею, не имѣя права продать или заложить ее, что и даетъ ему юридическую возможность всегда обратиться съ приложеніемъ своего труда къ землѣ, поскольку это приложеніе зависитъ отъ обладанія землею. Отсюда видно, что самое юридическое положеніе общинника опредѣляется тѣмъ, насколько такое право на землю является экономическою необходимостью; иначе говоря, пока для массы населенія существуетъ экономическая необходимость прилагать свой трудъ къ землѣ, до тѣхъ поръ существуютъ и основанія для такихъ юридическихъ нормъ. которыя давали бы возможность осуществленію этихъ экономическихъ требованій. Такимъ образомъ, здѣсь различіе юридическое, обусловливаясь экономическими причинами, въ то же время сливается съ экономическимъ различіемъ. Но послѣднее идетъ и далѣе, опредѣляя собою цѣлый рядъ различій въ хозяйственныхъ условіяхъ и послѣдствіяхъ при общинномъ и частномъ землевладѣніи.

Если мы представимъ себѣ группу въ 20 дворовъ, владѣющихъ вмѣстѣ 200 дес земли и имѣющихъ каждый по одному взрослому рабочему, то при общинномъ землевладѣніи земля между ними будетъ распредѣлена поровну по 10 дес., при частномъ же мы встрѣтимъ крайнее разнообразіе въ размѣрахъ. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ всѣ дворы будутъ въ одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, насколько послѣднія зависятъ отъ размѣровъ землевладѣнія. Но кромѣ того, при общинномъ землевладѣніи каждый будетъ одинаково надѣленъ землей и по качеству ея, ибо каждый получитъ по равному участку земли каждаго сорта,

качества и положенія, вслѣдствіе чего не будетъ и разницы въ плодородіи земли у каждаго двора, поскольку оно зависитъ отъ качества земли; слѣдовательно, не будетъ и обусловливаемой этимъ для каждаго отдѣльнаго землевладѣльца возможности получать ренту, тогда какъ при частномъ землевладѣніи (подворномъ) у одного будетъ земля лучшаго, у другого худшаго качества, вслѣдствіе чего и доходъ, выраженный въ сборѣ продукта или цѣнѣ его, будетъ различенъ, внѣ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ хозяина и способа веденія имъ хозяйства. Возможно, конечно—что̀ обычно и бываетъ,—что при подворномъ владѣніи, возникшемъ изъ общиннаго, остается тотъ же раздѣлъ земли по качеству, т.-е. остается та же черезполосица, что и при общинномъ, но уже нѣтъ того равенства, ибо достаточно пройти одному поколѣнію, чтобы, при отсутствіи даже продажъ земли, дробленіе и распредѣленіе полосъ въ разныхъ мѣстахъ поля, въ силу только перехода по наслѣдству, сдѣлалось болѣе значительнымъ, чѣмъ при общинномъ землевладѣніи. Но разница будетъ еще въ томъ, что дробленіе въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. при общинѣ, сокращается при слѣдующемъ коренномъ передѣлѣ, нерѣдко имъ и вызываемомъ, чего при подворномъ владѣніи не бываетъ, почему дробленіе и разбросанность участковъ и ведетъ къ продажѣ ихъ, что еще болѣе усиливаетъ неравенство въ положеніи отдѣльныхъ членовъ. Вотъ въ краткихъ и общихъ чертахъ различіе между частнымъ и общиннымъ землевладѣніемъ. Дальнѣйшая разница выяснится при разсмотрѣніи доводовъ за и противъ общиннаго землевладѣнія. Каковы же послѣдствія той и другой формы въ соціальномъ отношеніи, это ясно уже и изъ сказаннаго.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію доводовъ за и противъ общиннаго землевладѣнія.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи получилъ у насъ особое значеніе передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тогда же былъ поставленъ вопросъ, слѣдуетъ ли освобожденныхъ крестьянъ надѣлить землей или нѣтъ. Второй вопросъ былъ скоро рѣшенъ

утвердительно, но первый еще долго служилъ предметомъ горячихъ споровъ какъ въ литературѣ, такъ и въ редакціонной коммиссіи. Извѣстно было, что на Западѣ общинное землевладѣніе почти уничтожено, и что западные экономисты высказываются противъ общины, какъ стѣсняющей свободную инициативу лица и тормозящей развитіе сельскаго хозяйства. Славянофилы, находившіе въ русской жизни ей одной свойственныя особенности, полагали, что общинное землевладѣніе присуще славянскому племени вообще и въ частности русскому народу, и потому считали необходимымъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія. За сохраненіе послѣдняго стояли и западники. Считая необходимымъ усвоеніе плодовъ западно-европейской цивилизаціи, они тѣмъ не менѣе не могли не видѣть того огромнаго зла, которое представлялъ все растущій на Западѣ пролетаріатъ, не могли не видѣть того невыгоднаго положенія, въ которомъ стоялъ западно-европейскій рабочій. Это зло, по мнѣнію западниковъ, не могло бы принять такихъ широкихъ размѣровъ, еслибы масса населенія была обезпечена землей. Обезпеченное орудіями и средствами производства, населеніе не выбрасывало бы на рынокъ такой массы незанятыхъ рабочихъ, которые, при отсутствіи какого бы то ни было матеріальнаго обезпеченія, вынуждены были взаимною конкуренціей понижать заработную плату до невозможно низкихъ предѣловъ, чтобы хоть какъ нибудь отстоять свое существованіе. Отсюда, заключали западники, несомнѣннымъ является тотъ выводъ, что наша экономическая политика должна предохранить Россію, если къ тому представляется возможность, отъ нарожденія такой массы пролетаріевъ; а эта возможность и можетъ быть осуществлена при условіи сохраненія общиннаго землевладѣнія, которое не позволяетъ отдѣльному лицу, подъ вліяніемъ иногда временной нужды, продать свой участокъ и остаться пролетаріемъ. При общинномъ же землевладѣніи это немыслимо, такъ какъ общинникъ не можетъ продать своего участка; онъ можетъ отъ него отказаться, но въ такомъ случаѣ дѣти его сохраняютъ право на надѣлъ. За отсутствіемъ, однако, у

насъ въ то время фактическихъ данныхъ приходилось доводы за и противъ общиннаго землевладѣнія строить почти исключительно на однихъ теоретическихъ положеніяхъ. Противники возражали, что община не есть какая нибудь особенность русской именно жизни, что она наблюдалась почти у всѣхъ народовъ, что во многихъ странахъ она совсѣмъ исчезла, въ другихъ наиболѣе отсталыхъ, гдѣ еще наблюдаются остатки ея, она продолжаетъ исчезать, такъ какъ существованіе ея тормозитъ развитіе земледѣлія, препятствуя улучшеніямъ въ немъ, на что сторонники общины представляли свои возраженія, видя въ общинѣ не только обезпеченіе населенія отъ развитія пролетаріата, но и зародышъ новыхъ экономическихъ формъ, лучше удовлетворяющихъ интересамъ массы населенія, нежели развитіе частной собственности на землю.

Поднятый тогда въ литературѣ споръ объ общинѣ продолжается и до сихъ поръ. Въ настоящее время, однако, онъ перешелъ въ иную фазу. На Западѣ, гдѣ въ то время почти всѣ ученые высказывались противъ общины, начинаютъ раздаваться голоса въ пользу нея. Наоборотъ, въ Россіи со времени освобожденія масса крестьянъ успѣла обезземелиться, и многіе, бывшіе еще недавно безусловными сторонниками общины, перестали видѣть въ ней средство, какъ полагали раньше, противъ нарожденія пролетаріата. Обезземеленіе части крестьянъ послѣ освобожденія и разныя неустройства въ общинѣ дали поводъ противникамъ послѣдней еще рѣзче выступить противъ нея. Создалось убѣжденіе, что наша русская община, представляя переживаніе первобытной, стираетъ всякую индивидуальность ея членовъ, а это одно уже лишаетъ ее права на дальнѣйшее существованіе, такъ какъ переходъ къ высшей формѣ общежитія возможенъ только для такого общества, члены котораго вполнѣ развили и сознали свою индивидуальность, иначе говоря, только чрезъ индивидуализмъ возможенъ переходъ къ свободнымъ общественнымъ соединеніямъ. Въ этомъ послѣднемъ разсужденіи невѣрно, что будто именно *общинное владѣніе землей* служитъ препятствіемъ къ развитію

общественныхъ формъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ препятствіе это лежитъ въ цѣломъ рядѣ другихъ общихъ условій нашей жизни, и ошибка, слѣдовательно, заключается въ неумѣньи всю сумму явленій, при которыхъ развитіе общественныхъ формъ задерживается, расчленить на такія, которыя дѣйствительно имѣютъ такое задерживающее значеніе, и на такія, которыя только сосуществуютъ съ первыми и даже, пожалуй, сами часто подъ ихъ вліяніемъ теряютъ до извѣстной степени свой характеръ и свое назначеніе. Этимъ объясняется, что всѣ бѣды въ общинѣ часто сваливаются на *общинное владѣніе* землей.

Что касается приведеннаго выше замѣчанія антиобщинниковъ, что община не спасла Россію отъ пролетаріата, то его можно принять съ большими, однако, оговорками. Община дѣйствительно не спасла Россію безусловно отъ появленія въ ней пролетаріата, да въ ней и нельзя было видѣть панацею отъ всѣхъ золъ. Но, съ другой стороны, община несомнѣнно не дала возможности развиться пролетаріату до тѣхъ грозныхъ размѣровъ, до какихъ онъ могъ бы дойти при отсутствіи общиннаго землевладѣнія. Наконецъ, еще одно обстоятельство назначено служить при общинномъ землевладѣніи предохранительнымъ средствомъ противъ чрезмѣрнаго роста пролетаріата: лицо, порвавши съ землей и обратившись къ какому-нибудь другому занятію, можетъ, въ случаѣ какой-нибудь неудачи въ этомъ послѣднемъ, снова вернуться въ общину, получить тамъ земельный надѣлъ и хотя до нѣкоторой степени избавить армію безработныхъ отъ чрезмѣрнаго приращенія. Въ дѣйствительности такія предположенія оправдывались не разъ. Такъ было, наприм., въ Московской губерніи: во время промышленнаго застоя, когда работы на фабрикахъ сокращались, нѣкоторые изъ рабочихъ снова возвращались къ землѣ.

Остановимся, однако, подробнѣе на возраженіяхъ противъ общиннаго землевладѣнія и на доводахъ въ пользу него. Но что такое возраженія противъ общиннаго землевладѣнія? Каждый институтъ существуетъ и развивается или падаетъ въ зависимости отъ его соотвѣтствія данному

сочетанію экономическихъ интересовъ и силѣ преобладанія того или другого изъ нихъ. Такъ точно и общинное землевладѣніе, представляя собой извѣстный оплотъ сохраненію земли въ рукахъ массы населенія, отвѣчаетъ интересамъ послѣдней. Но при рѣшеніи вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права на сцену выступило столкновеніе интересовъ разныхъ классовъ. И по скольку интересы извѣстныхъ классовъ не совпадали съ интересами массы населенія, по столько они и являлись противниками общиннаго землевладѣнія. Въ зависимости отъ силы и значенія этихъ интересовъ въ законодательство и проникли такого рода положенія, которыя, при общемъ признаніи необходимости сохранить за населеніемъ землю, поставили этому извѣстныя ограниченія и положили основу дѣйствію противоположныхъ тенденцій. И вотъ „Положеніе“ 19 февраля 1861 г. признало необходимымъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія, но ввело 2 такихъ пункта, которые указывали на то, что законодательствомъ, если не вполнѣ, то хотя отчасти принято было мнѣніе и противниковъ общины. По первому изъ этихъ пунктовъ двумя третями членовъ общины можетъ быть постановленъ приговоръ о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному; по второму пункту — допущенъ былъ выкупъ надѣльной земли въ теченіе извѣстнаго времени, послѣ котораго земля поступаетъ въ собственность лицъ, выкупившихъ ее. Крестьянамъ предоставлена была земля въ надѣлъ съ обязательствомъ уплачивать ежегодно помѣщикамъ оброкъ за него: это были временно-обязанные крестьяне. Но помѣщикъ могъ также капитализировать этотъ оброкъ и получить всю сумму сразу изъ выкупного учрежденія; крестьяне же должны были вносить деньги въ это послѣднее, становясь, такимъ образомъ, въ извѣстныя обязательственныя отношенія къ правительству; въ этомъ случаѣ они назывались крестьянами на выкупѣ, и каждый, кто уплачиваетъ извѣстное число лѣтъ выкупную ссуду за землю, которая прежде разсматривалась какъ не подлежащая торгу, смотритъ на нее какъ на собственность, оплаченную его личнымъ трудомъ, что и измѣняетъ отношеніе къ ней. До-

пускался также для крестьянъ единовременный взносъ всей выкупной суммы. Лицо, выкупившее сразу свой надѣлъ, могло требовать отъ общины выдѣла выкупленнаго участка. Это также открывало возможность перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному. На практикѣ, однако, это обстоятельство особенно большого значенія не имѣло. Такъ выразилось въ законодательствѣ вліяніе интересовъ, удовлетворенію которыхъ не отвѣчаетъ охрана крестьянскаго землевладѣнія. И само собой разумѣется, то или другое отношеніе законодательства къ общинѣ можетъ способствовать развитію ея или тормозить его, но самое сохраненіе ея будетъ зависѣть отъ соотвѣтствія ея интересамъ населенія и хозяйственнаго развитія страны, и потому слѣдуетъ разсмотрѣть отношеніе ея къ этимъ послѣднимъ. Но тутъ уже каждому ясно, что разъ община болѣе, чѣмъ частная собственность, обезпечиваетъ населенію сохраненіе земли, то тѣмъ самымъ рѣшается и вопросъ объ отношеніи ея къ его общимъ интересамъ. Поэтому всѣ возраженія и сводятся къ тому, что она задерживаетъ развитіе земледѣльческихъ улучшеній, препятствуетъ имъ и обрекаетъ земледѣльческую культуру на застой, что при увеличеніи населенія ухудшаетъ его положеніе. Разсмотримъ же, что говорится по этому поводу.

Противъ общиннаго землевладѣнія возражаютъ: во 1-хъ) что оно препятствуетъ разнообразнымъ улучшеніямъ въ земледѣліи. Земля въ общинѣ передѣляется на извѣстное число лѣтъ, заранѣе опредѣленное, а часто и совсѣмъ неопредѣленное. Слѣдовательно, разъ земля остается недолго въ пользованіи общинника, или если онъ не увѣренъ, какъ долго участокъ будетъ оставаться въ его распоряженіи, то у него нѣтъ побужденій заботиться о своемъ надѣлѣ такъ, какъ это дѣлаетъ собственникъ.

Во 2-хъ) при общинномъ владѣніи невозможенъ переходъ къ болѣе высокимъ полевымъ культурамъ для отдѣльныхъ членовъ, еслибъ они даже того захотѣли, потому что для всѣхъ обязательна одна и та же система полевого хозяйства. Напримѣръ, послѣ жатвы обыкновенно скотъ пасется

на сжатомъ полѣ; поэтому, еслибы кто-нибудь изъ общинниковъ захотѣлъ ввести такой плодосмѣнъ, что на его полѣ хлѣбъ долженъ былъ бы оставаться, тогда какъ у другихъ уже снятъ, то онъ не могъ бы это сдѣлать; въ противномъ случаѣ, либо его хлѣбъ былъ бы поврежденъ, либо другимъ не пришлось бы пускать скотъ на сжатое поле.

Въ 3-хъ) такъ какъ община при раздѣлѣ земли стремится къ уравненію качества отводимой земли, а достигнуть этого было бы совершенно невозможно, еслибы земля отводилась каждому въ одномъ только мѣстѣ, ибо въ разныхъ мѣстахъ земля бываетъ совершенно различнаго качества, то приходится одному лицу отводить землю въ разныхъ мѣстахъ. Отсюда—черезполосица владѣнія, составляющая новое препятствіе къ разнаго рода улучшеніямъ.

Въ 4-хъ) при общинномъ владѣніи существуетъ рискъ послѣ цѣлаго ряда передѣловъ, при естественномъ ростѣ населенія, дойти до такихъ ничтожныхъ участковъ, на которыхъ вести самостоятельное хозяйство уже будетъ невозможно.

Остановимся на первомъ возраженіи, что при отсутствіи права собственности на землю у временнаго владѣльца нѣтъ побужденій и даже разсчета относиться заботливо къ землѣ. Въ принципѣ это, конечно, невѣрно, хотя на практикѣ могутъ встрѣчаться такіе случаи, вызванные непродолжительностью или даже неопредѣленностью срока владѣнія. Но изъ этого можетъ слѣдовать только необходимость регулированія передѣловъ, а не уничтоженіе общиннаго владѣнія. На дѣлѣ же въ большинствѣ случаевъ происходитъ иначе. Каждый дѣйствуетъ подъ вліяніемъ собственнаго интереса, а этотъ интересъ подсказываетъ и нашему общиннику, что чѣмъ больше труда онъ вложитъ въ землю, чѣмъ больше необходимыхъ затратъ онъ произведетъ, тѣмъ больше онъ можетъ получить, съ условіемъ, однако, что должно пройти столько времени, чтобъ онъ былъ въ состояніи окупить свои затраты.

Какъ же этотъ послѣдній вопросъ рѣшается на практикѣ?

Дѣло въ томъ, что каждый общинникъ знаетъ, на какое время должна быть передѣлена земля: онъ знаетъ, напримѣръ, въ теченіе какого времени дѣйствуетъ удобреніе, и при рѣшеніи вопроса о томъ, передѣлять ли землю, каждый будетъ исходить изъ того соображенія, окупилъ ли онъ свои затраты или нѣтъ. При трехпольной системѣ въ теченіе 12 лѣтъ совершается 4 оборота, и крестьянинъ знаетъ, что въ этотъ періодъ онъ успѣетъ выбрать изъ земли все, что онъ въ нее вложилъ. Самые передѣлы вызываются не случайными причинами, а стремленіемъ избѣгнуть такихъ возникающихъ съ теченіемъ времени неудобствъ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее веденіе хозяйства. Если, наприм., крестьянинъ получилъ такое количество земли, которое необходимо для приложенія рабочей силы 2-хъ человѣкъ, затѣмъ произошло измѣненіе въ составѣ его семьи, уменьшеніе или увеличеніе, то оставаться долгое время на прежнемъ надѣлѣ для него бываетъ часто прямо затруднительно, и тогда является необходимость въ *частномъ передѣлѣ*, при которомъ, если у него составъ семьи убавился, часть надѣленной ему земли назначается въ пользу двора, гдѣ произошло соотвѣтственное увеличеніе семьи; такимъ образомъ, у послѣдней семьи эта новая часть будетъ находиться не рядомъ со всѣми ея надѣльными долями, а тамъ, гдѣ придется. Понятно, что съ теченіемъ времени отъ цѣлаго ряда такихъ частныхъ передѣловъ у разныхъ семей увеличивается черезполосица и разбросанность участковъ, возникаетъ цѣлый рядъ затрудненій въ полевыхъ работахъ. Тогда наступаетъ необходимость въ *общемъ передѣлѣ*. Каждый, сообразуясь съ произведенными имъ затратами на землю и другими хозяйственными выгодами и невыгодами, подаетъ голосъ въ вопросѣ о передѣлѣ. Слѣдовательно, еслибъ явилось у общины сознаніе необходимости какихъ-либо улучшеній, то она могла бы для слѣдующаго передѣла назначить такой срокъ, въ теченіе котораго произведенная затрата могла бы вполнѣ окупиться.

Если мы станемъ сравнивать общинное и подворное вла-

дѣніе, то увидимъ, что послѣднее (въ особенности мелкое) вовсе не стоитъ въ лучшихъ условіяхъ для производства различныхъ улучшеній, а часто прямо въ менѣе благопріятныхъ. Въ особенности это относится къ такимъ капитальнымъ улучшеніямъ, которыя требуютъ средствъ болѣе значительныхъ, чѣмъ какими располагаютъ отдѣльныя лица. Въ такихъ случаяхъ мелкіе землевладѣльцы или совсѣмъ не производятъ такихъ дорого стоющихъ улучшеній, или для производства ихъ соединяютъ свой трудъ и капиталы. Но въ этомъ отношеніи преимущество въ большинствѣ случаевъ на сторонѣ общины, такъ какъ у членовъ ея гораздо больше солидарности въ интересахъ, чѣмъ у мелкихъ собственниковъ; связь у первыхъ во всякомъ случаѣ тѣснѣе и продолжительнѣе, чѣмъ у послѣднихъ, и потому соединиться для такихъ цѣлей гораздо легче членамъ одной общины. На практикѣ случалось не разъ, что общины предпринимали соединенными усиліями корчеваніе, проведеніе канавъ и другія дорого стоющія улучшенія. Препятствіе часто являлось въ недостаткѣ средствъ, но это затрудненіе существуетъ и для мелкихъ собственниковъ-необщинниковъ.

Чтобы покончить съ 1-мъ возраженіемъ, остановимся нѣсколько на весьма интересныхъ данныхъ по этому вопросу, которыя приводитъ А. С. Посниковъ въ своей книгѣ „Общинное землевладѣніе“. Онъ беретъ Англію, страну крупнаго частнаго землевладѣнія. Владѣльцы сами хозяйства не ведутъ, а раздаютъ землю участками арендаторамъ, фермерамъ. Такъ какъ на этихъ участкахъ ведется высокое интенсивное хозяйство, требующее значительныхъ затратъ на разнаго рода улучшенія, часто даже не скоро окупающіяся, то Посниковъ и разсматриваетъ, кѣмъ производятся эти улучшенія. Оказывается, что всегда это дѣлается фермерами, несмотря на то, что право пользованія землей для нихъ не больше обезпечено, чѣмъ при нашемъ общинномъ владѣніи, такъ какъ въ рѣдкихъ случаяхъ срокъ аренды опредѣленный, большею же частью совсѣмъ неопредѣленный. Слѣдователь-

но, если утверждаютъ, что собственникъ ведетъ свое хозяйство лучше, чѣмъ временный владѣлецъ, то на примѣрѣ Англіи это не оправдывается. Съ другой стороны, указываютъ, что при долгосрочной арендѣ сельское хозяйство ведется лучше, чѣмъ при арендѣ краткосрочной или на неопредѣленный срокъ. На дѣлѣ же цѣлый рядъ случаевъ долгосрочнаго арендованія земли, приводимый Посниковымъ, показываетъ, что при арендѣ, напримѣръ, на 21 годъ фермеръ въ теченіе послѣднихъ 5 — 6 лѣтъ до окончанія срока аренды не только не производитъ никакихъ улучшеній, но даже, наоборотъ, въ своемъ стремленіи взять изъ покидаемой земли все, что только можно, часто совершенно истощаетъ ее. Это же обстоятельство по отношенію къ Ирландіи прекрасно выяснено въ диссертаціи А. А. Мануилова „Аренда земли въ Ирландіи“. Факты эти убѣждаютъ, что долгосрочная аренда вовсе не является столь благопріятной для сельскаго хозяйства, какъ это принято думать.

Итакъ, не долгосрочная аренда даетъ возможность англійскимъ фермерамъ вести такое интенсивное хозяйство, какое тамъ наблюдается. Что же, спрашивается, при такой необезпеченности владѣнія, служитъ гарантіей фермеру, что необходимыя при такомъ хозяйствѣ большія затраты, окупающіяся только въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, не будутъ потеряны для него, если почему-либо владѣлецъ земли не пожелаетъ продлить срокъ аренды до того времени, когда затраты, произведенныя фермеромъ, будутъ полностью возвращены ему отъ эксплоатаціи земли? Въ англійскихъ поземельныхъ отношеніяхъ мы и находимъ дѣйствительно такую гарантію: владѣлецъ земли обязанъ въ такомъ случаѣ возмѣстить фермеру не вырученныя еще отъ земли затраты. Это обстоятельство сообщаетъ англійскому фермерскому хозяйству значительную устойчивость: широко развитымъ тамъ меліоративнымъ кредитомъ гораздо въ большей степени пользуются фермеры, чѣмъ землевладѣльцы. Такимъ образомъ, на примѣрѣ Англіи мы видимъ, что ни непродолжительность, ни неопредѣленность срока пользованія землей не служатъ препятствіемъ къ производству даже самыхъ

капитальныхъ улучшеній, разъ только есть увѣренность, что издержки будутъ возмѣщены арендатору, даже въ случаѣ преждевременнаго прекращенія аренды.

Если теперь, имѣя въ виду сказанное объ англійскомъ фермерскомъ хозяйствѣ, перейдемъ къ русскому общинному землевладѣнію, то увидимъ, что здѣсь непродолжительность владѣнія землей служитъ еще меньшею помѣхой для различныхъ затратъ на капитальныя улучшенія, вродѣ орошенія, напримѣръ, чѣмъ для англійскаго фермера. Послѣдній въ томъ случаѣ, когда иниціатива преждевременнаго прекращенія арендныхъ отношеній исходитъ отъ него, а не отъ владѣльца, иногда все-таки рискуетъ потерять свои затраты, тогда какъ общинникъ переходитъ отъ одного участка къ другому въ предѣлахъ той же общины, на которую предпринятое улучшеніе распространилось и, слѣдовательно, въ другомъ участкѣ воспользуется тѣми же выгодами, какія давало ему улучшеніе въ первомъ. Изъ сказаннаго не трудно видѣть, насколько неосновательно утвержденіе, будто при общинномъ владѣніи у членовъ общины не можетъ быть такихъ побужденій, какъ у собственниковъ, производить различныя улучшенія, безъ которыхъ часто невозможно правильное развитіе сельскаго хозяйства.

Перейдемъ ко 2-му возраженію: при общинномъ владѣніи, говорятъ, отдѣльный членъ не можетъ отступить отъ принятой другими системы полевого хозяйства; всѣ полевыя работы въ одно время начинаются и одновременно же кончаются, такъ какъ на сжатомъ полѣ пасется скотъ. Каждый долженъ вести такой же сѣвооборотъ, какъ и другіе. Но вина здѣсь не въ общинномъ владѣніи. Крестьяне хорошо знаютъ, что жнитво не представляетъ хорошаго питанія для скота, и если, тѣмъ не менѣе, такая пастьба производится, то дѣлается это въ силу необходимости, по недостатку другого пастбища, по недостатку, слѣдовательно, земли, отведенной крестьянамъ.

При отсутствіи общиннаго землевладѣнія затрата на пастьбу скота гораздо больше. На югѣ Германіи можно видѣть мальчика или дѣвочку, стерегущихъ одну корову, которая па-

сется на незначительномъ клочкѣ земли. При общинномъ землевладѣніи весь скотъ пасется на одномъ полѣ и за нимъ слѣдитъ одинъ пастухъ. Не трудно видѣть, что въ послѣднемъ случаѣ является значительное сбереженіе личныхъ силъ. Но уже вовсе не имѣетъ значенія это возраженіе при болѣе интенсивной культурѣ, когда скотъ обыкновенно содержится въ стойлѣ и, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о стѣсненіи черезъ посредство пастьбы скота.

Но кромѣ того надо имѣть въ виду, что разъ наступаютъ условія, вызывающія необходимость перехода къ интенсивной культурѣ, то онъ не можетъ не произойти, такъ какъ переходъ такой не есть нѣчто случайное. Нѣмецкій экономистъ Тюненъ выяснилъ, какъ совершается переходъ отъ одной системы земледѣлія къ другой: онъ происходитъ независимо отъ того, хочетъ или не хочетъ этого землевладѣлецъ; онъ является въ силу неизбѣжныхъ условій, порождаемыхъ развитіемъ рынка. Но и тогда такой переходъ совершается не сразу. Необходимо убѣжденіе въ томъ, что новыя культуры, предлагаемыя вмѣсто старыхъ, дѣйствительно отличаются какими-нибудь преимуществами предъ ними, иначе говоря, необходимъ опытъ. Обыкновенно говорятъ на это, что при общинномъ владѣніи нѣтъ возможности испробовать посѣвъ. На дѣлѣ, однако, такой невозможности не существуетъ. Усадебная земля, по закону считающаяся наслѣдственной, передѣлу не подлежитъ и находится въ полномъ хозяйственномъ распоряженіи владѣльца. Здѣсь онъ можетъ производить какіе угодно опыты, пробовать какіе угодно посѣвы. Этой возможностью и пользовались нѣкоторые. Въ Московской и Тверской губ. наблюдается, что за послѣднія 10—15 лѣтъ, а въ особенности за послѣднія 5 лѣтъ крестьяне стали заводить травосѣяніе, которое знаменуетъ переходъ отъ трехпольной къ четырехъ- и многопольной системѣ. Раньше началось травосѣяніе на усадебныхъ земляхъ. Примѣру однихъ стали слѣдовать другіе, и когда у всѣхъ созрѣло сознаніе выгодъ отъ травосѣянія, въ нѣкоторыхъ общинахъ стали выдѣлять для этого участки, раньше не пахавшіеся; сѣмена пріобрѣтались на средства общины.

Такъ какъ новые опыты давали каждый разъ только новое подтвержденіе полезности травосѣянія, то послѣднее ввели въ сѣвооборотъ, нисколько не нарушивъ этимъ общинныхъ принциповъ. Въ Московской и Тверской губерніяхъ такихъ примѣровъ не мало. Достаточно было сдѣлать это одной общинѣ, какъ другія уже заводили травосѣяніе на общинныхъ пахатныхъ поляхъ. И такъ, на этотъ разъ факты говорятъ за то, что общинное землевладѣніе не представило препятствій переходу къ новой культурѣ.

Могутъ на это сказать, что приведенныя условія распространенія травосѣянія на общинныхъ земляхъ какъ разъ и могутъ служить подтвержденіемъ, что рядомъ съ общиннымъ должно быть частное землевладѣніе, такъ какъ первоначально дѣлались опыты на усадьбахъ, составляющихъ какъ бы отдѣльное владѣніе. Но такой выводъ будетъ невѣренъ. Важно, чтобы была возможность ознакомиться на опытѣ съ тѣмъ или другимъ улучшеніемъ, а для этого нѣтъ надобности имѣть свой участокъ; гораздо цѣлесообразнѣе одинъ общій, на которомъ каждый могъ бы видѣть, что и какъ дѣлается, и это будетъ производительнѣе и цѣлесообразнѣе, потому что избавляетъ отъ надобности ждать, пока у отдѣльнаго лица явятся охота, время и средства на производство опытовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ знакомство съ новыми культурами. Первоначально подобныя знанія получаются изъ наблюденій и потомъ, послѣ нѣкоторыхъ примѣненій на опытныхъ и демонстративныхъ поляхъ, входятъ въ сельскохозяйственную экономію. До послѣдняго времени почти исключительно при однихъ только сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ имѣлись такія опытныя поля для неиспытанныхъ еще растеній и демонстративныя для испытанныхъ уже. Вполнѣ понятно, что при этихъ условіяхъ такія знанія раньше всего и легче распространялась среди болѣе образованныхъ сельскихъ хозяевъ. По отношенію къ крестьянскому землевладѣнію такихъ мѣръ до послѣдняго времени не существовало, въ чемъ уже нисколько не повинна община, такъ какъ въ условіяхъ ея нельзя найти ничего, что мѣшало бы распро-

страненію хозяйственныхъ и иныхъ знаній. Но разъ этихъ знаній не было, никакихъ мѣръ для ознакомленія съ новымъ не принималось, то понятно, что крестьяне не рѣшались на опыты частью вслѣдствіе неувѣренности въ ихъ выгодѣ, а частью по недостатку средствъ. Случалось также, что неудача въ одномъ случаѣ (при травосѣяніи, наприм., неуспѣхъ иногда зависѣлъ отъ незнакомства съ техническими условіями), отразившись тяжело на крестьянскомъ бюджетѣ, рѣшительно возстановляла другихъ хозяевъ противъ подобнаго нововведенія. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло явиться много смѣльчаковъ, готовыхъ дѣлать опыты, и если они все-таки являлись, то это показываетъ, что община не лишаетъ и духа предпріимчивости, что крестьянинъ общинникъ не такой рутинеръ, какъ объ этомъ распространено мнѣніе, и что будто бы онъ ни за что не разстанется со своимъ первобытнымъ хозяйствомъ, чтобы перейти къ высшему. Въ дѣйствительности вовсе не замѣчается нынѣ такого упорнаго застоя въ крестьянскомъ хозяйствѣ: выше мы уже указывали, что нѣкоторыя общины переходятъ къ высшимъ полевымъ культурамъ; нерѣдко также крестьяне отыскиваютъ новыя сѣмена, чтобы замѣнить ими старыя; пріобрѣтаютъ новыя земледѣльческія орудія, а нѣкоторыя, сравнительно дорого стоющія, какъ наприм. молотилки, покупаютъ даже цѣлыми общинами.

Въ послѣднее время земства идутъ на встрѣчу этимъ запросамъ въ крестьянствѣ: приглашаютъ агрономовъ, заводятъ демонстративныя поля, устраиваютъ склады сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій. И крестьяне нерѣдко сами приходятъ на эти поля изъ дальнихъ селъ, чтобы познакомиться съ какимъ лико новымъ орудіемъ или новымъ посѣвомъ, часто являются въ склады за покупкой сѣмянъ или орудій, въ особенности въ томъ случаѣ, если земство какимъ-нибудь способомъ облегчаетъ пріобрѣтеніе тѣхъ и другихъ, хотя до нѣкоторой степени устраняя, такимъ образомъ, одно изъ главныхъ препятствій, тормозящихъ крестьянское хозяйство. И нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ именно общинное-то землевладѣніе и способствуетъ гораз-

до болѣе быстрому введенію улучшеній, чѣмъ это могло бы быть при подворномъ. При общинѣ, разъ извѣстный опытъ произведенъ, демонстрированъ, разъ большинство членовъ общины наглядно ознакомилось съ предлагаемымъ улучшеніемъ,—оно вводится по взаимному соглашенію всѣхъ общинниковъ на *всей* общинной землѣ. Если бываютъ случаи (совершенно исключительные) несогласія на это двухъ-трехъ отдѣльныхъ домохозяевъ, то, какъ это показала практика Московскаго земства, такимъ хозяевамъ предоставляется вести дѣло по старому на своихъ участкахъ, а затѣмъ улучшеніе вводится у остальныхъ. При подворномъ же землевладѣніи не только о такомъ единовременномъ введеніи улучшенія у всѣхъ домохозяевъ даннаго селенія не можетъ быть и рѣчи, но даже нѣтъ условій для возникновенія мысли о необходимости соглашенія. А въ такомъ случаѣ, при томъ же пространствѣ земли, у одинаковаго количества подворныхъ землевладѣльцевъ улучшеніе распространится медленнѣе по всему этому пространству, да и случаевъ практики, вырабатывающей сознаніе общности и солидарности интересовъ,—меньше.

Приведенными соображеніями мы вовсе не хотѣли указать на *быстрое* развитіе земледѣльческой техники въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но вѣдь такого быстраго развитія не замѣчается и въ хозайствахъ многихъ крупныхъ частныхъ владѣльцевъ, хотя у нихъ и средствъ больше, и уровень сельско-хозяйственныхъ знаній выше. Очевидно, существуетъ цѣлый рядъ условій, лежащихъ внѣ самаго факта общиннаго владѣнія землей, задерживающихъ техническій прогрессъ въ земледѣліи. А разъ это такъ, разъ, съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ общинахъ мы наблюдаемъ развитіе земледѣльческаго хозяйства, а съ другой—въ нѣкоторыхъ частновладѣльческихъ крупныхъ хозяйствахъ, а тѣмъ больше въ мелкихъ, мы наталкиваемся на ту рутинность и косность, въ которой упрекаютъ общину, то само собой падаетъ разсматриваемое возраженіе противъ общиннаго владѣнія землей.

Третье возраженіе основано на тѣхъ невыгодахъ, кото-

рыя связаны съ *черезполосицей*, составляющей будто особенность общиннаго землевладѣнія. Черезполосица, какъ мы знаемъ, происходитъ отъ стремленія распредѣлить землю такъ, чтобъ у каждаго были участки земли хорошей, плохой, средней, удобной и т. д., т.-е., чтобы каждый былъ поставленъ въ одинаковыя условія приложенія своего труда, поскольку это зависитъ отъ качества, количества и положенія земельнаго участка. При переходѣ къ подворному землевладѣнію никто не пожелаетъ поступиться своими выгодами и взять себѣ участокъ, имѣющій только неудобство въ своемъ положеніи, и потому та же черезполосность остается обычно и при переходѣ къ подворному землевладѣнію. Но не только остается, а съ теченіемъ времени усиливается, вслѣдствіе перехода частей участковъ въ разныя руки, что и ведетъ нерѣдко къ необходимости продавать участки, т.-е. къ скупкѣ ихъ въ однѣ руки и къ обезземеленію другихъ, безъ уничтоженія общей черезполосицы. Въ общинѣ же съ развитіемъ черезполосицы далѣе необходимаго предѣла, развитіемъ, вызываемымъ перемѣною владѣльцевъ участковъ, вслѣдствіе смерти, напримѣръ,—наступаетъ общій передѣлъ, при которомъ уничтожается та черезполосица, которая обусловливается не свойствами владѣнія, а переходами его изъ однѣхъ рукъ въ другія. Такимъ образомъ, общинное землевладѣніе имѣетъ въ самомъ себѣ средство противъ черезполосицы, вытекающей за предѣлы необходимаго; подворное же землевладѣніе этого средства не имѣетъ.

Если мы представимъ себѣ при подворномъ землевладѣніи участокъ каждаго лежащимъ въ одномъ мѣстѣ, то встрѣтимся съ *другимъ неудобствомъ*, а именно—съ необходимостью имѣть проѣздъ къ дорогѣ черезъ участокъ другого лица, такъ что и тутъ не избѣгаемъ извѣстнаго вида черезполосицы, связаннаго къ тому же съ неудобствомъ проѣзда.

Тѣсно связано съ приведеннымъ и *послѣднее* возраженіе, именно то, что при общинномъ землевладѣніи развивается большое дробленіе участковъ: земля та же, количество же общинниковъ растетъ. Но здѣсь ужь очевидно

на общину сваливается то, что, съ одной стороны, является результатомъ чисто-естественныхъ причинъ, роста населенія, а съ другой — малоземелья. Ни отъ перваго, ни отъ второго не свободно и подворное землевладѣніе. Въ случаѣ недостатка земли подворное землевладѣніе, при наслѣдованіи одного участка нѣсколькими наслѣдниками, доходитъ иногда до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, которые совсѣмъ уже не допускаютъ сельскохозяйственной культуры. Община все-таки путемъ передѣловъ регулируетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ владѣніе землей въ зависимости отъ измѣненій, происходящихъ въ семейномъ составѣ хозяйствъ. Предѣлы эти, конечно, ограничены количествомъ земли, находящейся въ распоряженіи общины, но доля земли, приходящаяся на каждаго, уменьшается съ ростомъ населенія при *всякой* формѣ землевладѣнія, что и *вызываетъ измѣненіе системъ* земледѣлія, которое происходитъ *и при общинѣ*. Дробленіе же земли, происходящее при подворномъ владѣніи и являющееся результатомъ переходовъ по наслѣдству, продажъ и т. п., и неравномѣрно, и въ отдѣльныхъ случаяхъ еще болѣе значительно.

Остаются общія замѣчанія о тѣхъ препятствіяхъ, которыя представляетъ наше общинное землевладѣніе переходу къ высшимъ, коллективнымъ формамъ. Утверждаютъ, что только на почвѣ послѣдовательнаго развитія индивидуализма, на почвѣ правильнаго развитія въ каждомъ индивидуумѣ ясно выраженнаго сознанія своихъ интересовъ, возможенъ такой переходъ, возможно соединеніе отдѣльныхъ лицъ въ правильно организованные союзы. Но если это вѣрно по отношенію къ лицамъ, не имѣющимъ ничего, кромѣ своего собственнаго труда, то совершенно иначе представляется по отношенію къ подворному мелкому землевладѣльцу. Весь интересъ послѣдняго сосредоточенъ на его ничтожномъ участкѣ, за предѣлами котораго для него не существуетъ никакихъ общественныхъ интересовъ, или вѣрнѣе, онъ всѣ ихъ готовъ принести въ угоду своимъ, рѣзко отдѣляющимся отъ общественныхъ. Тогда какъ въ общинѣ личный интересъ нерѣдко такъ тѣсно сливается съ общественнымъ,

что ихъ нельзя отдѣлить,—общинникъ кромѣ своего участка долженъ всегда брать во вниманіе и все общинное владѣніе: участокъ, который находился во владѣніи его сосѣда, можетъ завтра очутиться въ его рукахъ; выгоды и невыгоды общины приходится до извѣстной степени дѣлить и ему. Здѣсь изъ сопоставленія личныхъ интересовъ съ общинными гораздо полнѣе, всестороннѣе, чѣмъ у мелкаго собственника, развивается сознаніе своей индивидуальности, представленіе о согласіи своихъ интересовъ съ интересами общими.

Итакъ, сводя *всѣ возраженія* противъ общины, приходится сказать, что цѣлый рядъ указаній на невозможность сельскохозяйственныхъ улучшеній въ общинѣ, какъ я это старался показать, представляется неосновательнымъ. Факты дѣйствительности противорѣчатъ этому. Слабое развитіе этихъ улучшеній вначалѣ не служитъ доказательствомъ невозможности. Анализъ крестьянскаго хозяйства показываетъ, что этому препятствуетъ не самый фактъ общиннаго владѣнія землей, а цѣлый рядъ условій—отсутствіе средствъ, малоземелье, несоотвѣтствіе платежей, лежащихъ на землѣ, съ доходностью ея, и много другихъ. Всѣ эти неблагопріятныя для крестьянскаго хозяйства условія были указаны еще въ началѣ 70-хъ годовъ проф. Янсономъ въ его книгѣ „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. Съ тѣхъ поръ литература не разъ останавливалась на анализѣ этихъ условій. Что же касается утвержденій, что община не несетъ въ себѣ задатковъ, которые дѣлали бы возможнымъ переходъ ея къ высшимъ общественнымъ формамъ, то утвержденія эти большею частью основаны именно на перечисленныхъ условіяхъ, т.-е. какъ разъ на тѣхъ, которыя лежатъ не въ самомъ фактѣ общиннаго владѣнія землей, а въ цѣломъ рядѣ другихъ причинъ.

Разсмотрѣвъ возраженія противъ общины, перехожу теперь къ самымъ порядкамъ общиннаго землевладѣнія въ Великороссіи.

Земля считается собственностью всей общины и каж-

дый членъ общины имѣетъ право на извѣстную долю ея. При этомъ наблюдаются различные виды общиннаго землевладѣнія: существуетъ община *простая,* когда цѣлое селеніе владѣетъ отдѣльнымъ участкомъ; *составная* или *сложная*, нѣкогда сколько селъ владѣютъ сообща однимъ участкомъ, при чемъ обыкновенно пашня находится въ распоряженіи каждаго селенія отдѣльно, а лѣсомъ пользуются всѣ сообща; эта форма часто наблюдается у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; и наконецъ, община *раздѣльная*, когда въ одномъ селеніи двѣ или нѣсколько общинъ. Послѣднее могло произойти оттого, что вся площадь, прилежащая къ данномуселу, до надѣленія крестьянъ землей принадлежала двумъ или нѣсколькимъ владѣльцамъ или, находясь во владѣніи одного лица, была раздѣлена между двумя и болѣе.

Что касается способовъ распредѣленія земли, то прежде всего *усадебная* земля находится въ наслѣдственномъ пользованіи, хотя и она въ извѣстной мѣрѣ можетъ подлежать передѣлу. Въ такомъ случаѣ мѣсто около избы владѣльца сохраняется за нимъ, но ширина этого участка можетъ быть измѣнена; происходитъ, такимъ образомъ, нѣкоторое передвиженіе усадебныхъ участковъ. *Пашня* передѣляется черезъ извѣстное число лѣтъ, при чемъ различается передѣлъ *коренной* и *частный*, о чемъ еще придется говорить. Земля подъ *лугомъ* не раздѣляется на доли, а совершается передѣлъ во время покоса, такъ какъ качество травы на одномъ и томъ же участкѣ бываетъ изъ года въ годъ различно, въ зависимости отъ климатическихъ условій года. Община, не желая ставить каждаго домохозяина въ зависимость отъ рѣзкихъ колебаній въ томъ, что составляетъ весьма существенную статью въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не находитъ возможнымъ передѣлять луговую землю, какъ и пашню, на опредѣленное число лѣтъ. *Лѣсъ* либо передѣляется на извѣстный срокъ на опредѣленныя доли, либо дѣлится на участки по числу корней.

Чѣмъ же, спрашивается, руководится община, опредѣляя долю каждаго? Основанія для такого дѣленія бываютъ различны. Долгое время передѣлы совершались *по ревиз-*

скимъ душамъ: каждое хозяйство получало столько земли сколько приходилось на него по числу ревизскихъ душъ мужского пола въ семьѣ, записанныхъ при послѣдней ревизіи. Если, наприм., въ селѣ 300 десят. земли и 100 ревизскихъ душъ, то, слѣдовательно, на каждую душу мужского пола приходилось 3 десят., и если въ семьѣ 5 такихъ душъ, то она получала 15 десятинъ. Другой способъ передѣловъ состоитъ въ томъ, что земля дѣлится по числу лицъ мужского пола *въ рабочемъ возрастѣ*, какимъ считается возрастъ отъ 18 до 60 лѣтъ.

Основаніемъ для такого распредѣленія служитъ взглядъ на землю, какъ на средство приложенія рабочей силы; надѣляется земля по количеству фактическихъ рабочихъ силъ. Здѣсь съ другой стороны принимается во вниманіе и то обстоятельство, что за землю приходится платить подати, а въ такомъ случаѣ каждое хозяйство должно быть надѣлено землей съ такимъ разсчетомъ, чтобъ оно дѣйствительно могло приложить свои рабочія силы къ землѣ и имѣло, такимъ образомъ, возможность нести податное бремя.

Существуетъ и другое дѣленіе земли, когда въ разсчетъ берется *составъ семьи*. Земля здѣсь разсматривается какъ источникъ пропитанія, который долженъ обезпечить семьѣ ея матеріальное существованіе. Передѣлъ производится по числу ртовъ, ѣдоковъ въ семьѣ.

Очень часто община при надѣленіи землей руководится тѣмъ, въ какомъ отношеніи стоятъ *платежи* за землю къ ея доходности: гдѣ доходы больше платежей, гдѣ, слѣдовательно, каждый домохозяинъ стремится удержать землю въ своихъ рукахъ, тамъ выжидаютъ, пока освободится участокъ за смертью надѣленнаго имъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, наоборотъ, доходы съ земли не покрываютъ платежей, тамъ стараются эту тягость распредѣлить на большее число лицъ,—берется также во вниманіе имущественное положеніе семьи.

Когда въ 70-хъ годахъ наблюдали общинное землевладѣніе, то усмотрѣли, что передѣлы не совершались съ послѣдней ревизіи, т.-е. съ 1858-го года. Въ этомъ нѣкото-

рые хотѣли видѣть ослабленіе общинныхъ традицій, такъ какъ, утверждали, потребность въ передѣлахъ за этотъ длинный періодъ назрѣла въ достаточной мѣрѣ въ силу значительныхъ измѣненій въ составѣ и отдѣльныхъ семей и цѣлыхъ общинъ, а разъ передѣлы, несмотря на это, не совершаются, то это можно объяснить только нежеланіемъ общинниковъ приступить къ нимъ. Объясненіе это оказалось однако невѣрнымъ. Не ослабленіе общинныхъ традицій удерживало крестьянъ отъ передѣловъ, а совершенно иныя причины. Во первыхъ, населеніе все ожидало новой ревизіи, за которой обыкновенно и слѣдовали передѣлы, ибо основаніемъ для распредѣленія земель служила, какъ я уже говорилъ, ревизская душа. Во вторыхъ, новый складъ хозяйственной жизни крестьянъ, съ отмѣной крѣпостного права, вызвалъ далеко не одинаковое отношеніе къ предѣламъ среди общинниковъ; главной причиною разногласія явилось, конечно, скоро рѣзко обнаружившееся несоотвѣтствіе платежей за землю съ ея доходностью; отсюда одни стремились насколько возможно избавиться отъ земли, другіе не хотѣли брать ее; одни требовали передѣловъ, другіе были противъ нихъ; это разногласіе и задержало передѣлы, пока наконецъ, потребность въ передѣлѣ не назрѣла настолько сильно, что уже пришлось приступить къ нимъ. Было, наконецъ, еще одно препятствіе: когда послѣ реформы 19 февраля крестьяне были надѣлены землей, многіе изъ нихъ сомнѣвались въ томъ, сохранилось ли за ними право передѣловъ. Что именно приведенныя сейчасъ основанія надолго задержали передѣлы видно изъ того, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ сильно возросшая къ тому времени неравномѣрность въ распредѣленіи участовъ и черезполосица привели къ цѣлому ряду передѣловъ. Еще больше ихъ было въ 80-хъ годахъ.

Факты эти представляютъ собою наилучшее доказательство того, что общинное землевладѣніе отвѣчаетъ интересамъ населенія. Послѣднее совершенно добровольно, неувѣренное даже въ своемъ правѣ на совершеніе передѣла, все-таки въ концѣ концовъ приступаетъ къ тому, вынуж-

денное, такъ сказать, силою тѣхъ экономическихъ интересовъ, которые не только удерживаютъ эту форму землевладѣнія, но и заставляютъ ее дѣятельно проявлять себя. Изъ предыдущаго мы видѣли, что общинное землевладѣніе представляетъ собою жизнеспособный институтъ, такъ какъ не только не препятствуетъ, но болѣе чѣмъ подворное способствуетъ переходу къ улучшенной системѣ земледѣлія. Изъ приведенныхъ же теперь фактовъ относительно проявленія его жизнедѣятельности въ передѣлахъ, мы видимъ, что послѣдніе вызываются прямо сельскохозяйственными и экономическими интересами самого населенія: существованіе его ими обусловливается. Такимъ образомъ, къ отвѣту на поставленный мною раньше вопросъ: что значитъ быть сторонникомъ общины,—можно теперь добавить: это значитъ, признавая благотворность ея для интересовъ массы крестьянскаго населенія, не идти въ то же время наперекоръ тѣмъ экономическимъ основаніямъ, которыя сохраняютъ за нимъ силу и даютъ ему жизненность.

Передѣлы совершаются по числу душъ мужского пола, по числу рабочихъ силъ, по числу ѣдоковъ, въ зависимости какъ отъ существующихъ въ данномъ мѣстѣ взглядовъ на землю, о чемъ я уже раньше говорилъ, такъ и отъ отношенія платежей къ доходности земли. Передѣлы,, какъ я уже упоминалъ, бываютъ *частные* и *коренные*. Первые, которые могутъ происходить ежегодно, наступаютъ вслѣдствіе измѣненій въ семейномъ составѣ отдѣльныхъ хозяйствъ: убыло или прибыло число лицъ въ семьѣ, уменьшилась или увеличилась нужда въ землѣ, трудоспособность и платежныя силы семьи,—община въ зависимости отъ такихъ измѣненій то урѣзываетъ, то прирѣзываетъ землю на данное хозяйство. Происходитъ эта урѣзка и прирѣзка такимъ образомъ, что земля надѣленная при коренномъ передѣлѣ семьѣ, въ которой теперь произошла убыль душъ, поступаетъ въ пользованіе семьи, въ которой, наоборотъ, произошла прибыль. При этомъ, конечно, нерѣдко участки, вновь данные въ пользованіе этой послѣдней семьѣ, находятся не рядомъ съ находившимися уже въ

ея пользованіи. Слѣдовательно, помимо той разбросанности участковъ въ разныхъ мѣстахъ поля, которая происходитъ отъ различія въ качествѣ и положеніи разныхъ частей поля, получается еще разбросанность участковъ, находящихся въ одинаковыхъ по качеству поля мѣстахъ, но зависящая исключительно отъ новаго надѣленія при измѣненіи состава семьи. Но такіе случаи могутъ имѣть мѣсто во многихъ семьяхъ и не разъ. Отсюда одно и то же хозяйство въ случаѣ увеличенія состава семьи можетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получить нѣсколько новыхъ участковъ сверхъ полученныхъ имъ при послѣднемъ коренномъ передѣлѣ, и притомъ каждый разъ въ разныхъ мѣстахъ. Это послѣднее обстоятельство ведетъ къ большимъ неудобствамъ: участки одного хозяйства могутъ быть уже не въ двухъ-трехъ мѣстахъ одного поля, а въ пяти, шести и болѣе, а такая сильная разбросанность участковъ не можетъ не затруднить въ значительной степени земледѣльческихъ работъ. Съ другой стороны, и самая форма, которую принимаютъ такіе мелкіе участки, является крайне неудобной для работъ. Когда эта разбросанность участковъ каждаго хозяйства, черезполосица принимаетъ такіе размѣры, что начинаетъ стѣснять общинниковъ, и когда необходимо нарѣзать земли еще вновь прибывшимъ, душамъ, тогда, съ измѣненіемъ въ числѣ и составѣ населенія, наступаетъ *коренной* передѣлъ.

Послѣдній, устраняя указанное сейчасъ неудобство, можетъ вести и къ иному распредѣленію полей. Вся площадь данной общины можетъ быть различна: по качеству почвы въ разныхъ мѣстахъ, по топографическому положенію,—прилегаетъ ли она къ лѣсу, наприм., къ дорогѣ или рѣкѣ, а съ этимъ помогутъ связаны извѣстныя удобства и неудобства. Поэтому земля дѣлится на участки, называемые „столбами“, „ярусами“ и т. п., число которыхъ зависитъ отъ принятаго сѣвооборота, различія почвы, топографическихъ условій и т. д.

Когда, такимъ образомъ, вся площадь раздѣлена на нѣсколько столбовъ, тогда въ каждомъ столбѣ намѣчается число душевыхъ долей (полосъ), а такъ какъ оно измѣняется

сравнительно съ прежнимъ (вслѣдствіе измѣненія въ числѣ душъ), то уничтожаются и всѣ прежнія межи; происходитъ разбивка полосъ по числу душевыхъ долей, принимаемыхъ для передѣла въ данный моментъ. По установленіи ширины душевыхъ полосъ, опредѣляется по составу отдѣльныхъ дворовъ число полосъ для 2—хъ, 3—хъ душевого надѣла и т. д. Всѣхъ имѣющихъ 2-хъ-душевой надѣлъ соединяютъ въ одинъ „осьмакъ", отдѣляютъ имъ одно мѣсто въ каждомъ ярусѣ и уже жребіемъ рѣшается, гдѣ именно въ томъ мѣстѣ каждому придется его доля. Такъ же поступаютъ съ 3-хъ-душевыми и т. д. Несомнѣнно въ тѣхъ случаяхъ,когда общинная земля, въ зависимости отъ сильнаго разнообразія почвенныхъ, топографическихъ и другихъ условій на данномъ протяженіи дѣлится на значительное число „ярусовъ",—такое распредѣленіе, предпринимаемое общиной въ цѣляхъ снабженія членовъ равноцѣнными участками, приводитъ къ очень мелкимъ долямъ и черезполосицѣ, особенно невыгодной для тѣхъ, у кого надѣлы малы, а слѣдовательно и доли незначительны. Противъ такихъ неудобствъ община принимаетъ нѣкоторыя мѣры. Такъ, однодушникамъ земля въ нѣкоторыхъ общинахъ отводится либо въ одномъ мѣстѣ, либо въ 2—3-хъ мѣстахъ вмѣсто многихъ; иногда сами общинники путемъ обмѣна между собой узкихъ полосъ увеличиваютъ ихъ ширину и т. д. Такъ совершается передѣлъ пашни.

Что касается *покосовъ*, то при ихъ раздѣлѣ наблюдается иной пріемъ, чѣмъ при раздѣлѣ пашни. Сѣнокосныя угодья не дѣлятся подобно пашнѣ разъ на извѣстное число лѣтъ по качеству почвы, а каждый годъ передъ самымъ сѣнокосомъ дѣлятся на извѣстное число такихъ частей, которыя дадутъ приблизительно одинаковое количество сѣна. Затѣмъ эти части распредѣляются тоже по количеству душъ или рабочихъ силъ, смотря по тому, какое основаніе для дѣленія принято и при разверсткѣ пашни. Разница въ пріемахъ при раздѣлѣ пашни и покоса обусловливается съ одной стороны тѣмъ, что условія приложенія труда въ томъ и другомъ случаѣ весьма различны: тогда какъ пашня требуетъ

значительнаго количества труда и продолжительнаго ухода, всѣ работы на сѣнокосныхъ угодьяхъ ограничиваются одной уборкой; естественно поэтому, что и размѣры и мѣстонахожденіе пашни должны быть опредѣлены заранѣе, т.-е. до начала полевыхъ работъ; покосъ же можетъ быть раздѣленъ передъ самой уборкой, такъ какъ здѣсь нѣтъ предварительнаго приложенія труда. Съ другой стороны, и главнымъ образомъ, это вызывается тѣмъ, что, какъ я уже упоминалъ, урожай травъ представляетъ, въ зависимости отъ почвенныхъ и атмосферическихъ условій, весьма рѣзкія колебанія изъ года въ годъ на одномъ и томъ же участкѣ. И вотъ община, не желая ставить каждое хозяйство въ зависимость прямо, такъ сказать, отъ случая, дѣлитъ покосъ указаннымъ уже мною способомъ. Сравнительно рѣдко наблюдаются случаи, когда сѣно убирается всѣмъ міромъ сообща и потомъ дѣлится между всѣми, соотвѣтственно доли каждаго.

Выгоны находятся въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи всей общины. Пользованіе ими регулируется, да и то только въ послѣднія 10—20 лѣтъ, только на южныхъ и восточныхъ окраинахъ; въ остальныхъ мѣстахъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не принято никакихъ основаній для опредѣленія участія каждаго въ пользованіи выгономъ. Въ послѣднемъ случаѣ это происходитъ потому, что подъ выгонъ отводится земля, не допускающая какой-либо культуры, по крайней мѣрѣ, по данной земледѣльческой техникѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; а съ другой стороны, каждый крестьянинъ держитъ въ такихъ мѣстахъ только такое количество скота, какое необходимо для его хозяйственныхъ нуждъ, совсѣмъ не занимаясь, или только въ очень незначительныхъ размѣрахъ, продажей продуктовъ скотоводства. Неравенство въ пользованіи выгономъ выступаетъ здѣсь не такъ рѣзко, и потому община не регулируетъ пользованія имъ. Другое дѣло—въ степной полосѣ. Здѣсь крестьяне рядомъ съ земледѣліемъ занимаются и скотоводствомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, сбываютъ продукты его, почему подъ пастбище часто отводятся удобныя земли. Неравен-

ство въ пользованіи выгономъ, въ зависимости отъ различнаго количества скота у каждаго, можетъ обнаружиться довольно значительное. Это обстоятельство и вызвало здѣсь, въ послѣдніе 10—20 лѣтъ стремленіе регулировать пользованіе выгономъ, какъ и другими угодьями.

Передѣлъ *лѣсныхъ угодій* производится, какъ и передѣлъ пашни и покоса, по числу душъ или рабочихъ силъ. Принимаются мѣры къ тому, чтобы каждый участвовалъ въ пользованіи лѣсомъ въ такой же мѣрѣ, въ какой пользуется другими угодьями. Для этого употребляютъ различные пріемы: одни дѣлятъ лѣсъ на участки одновременно съ пашней на извѣстные сроки, другіе дѣлятъ лѣсъ въ натурѣ, т. е. сосчитываютъ количество деревьевъ, дѣлятъ ихъ по качеству лѣса на равноцѣнныя части и каждому предоставляютъ столько долей, сколькими онъ участвуетъ въ прочихъ угодьяхъ. Существуютъ и другіе способы разверстки лѣса, въ зависимости отъ количества его въ данной общинѣ и его назначенія для топлива или какъ строительнаго матеріала. Таковы порядки общиннаго землевладѣнія въ Великороссіи и центральныхъ губерніяхъ.

На окраинахъ, въ лѣсистыхъ и степныхъ мѣстностяхъ, встрѣчается соединеніе частновладѣльческихъ воззрѣній на землю съ общинными принципами. Чѣмъ ближе ко времени занятія этихъ земель, тѣмъ больше преобладали первыя, но съ теченіемъ времени тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ ростомъ населенія начинаетъ ощущаться недостатокъ въ земляхъ, замѣчается борьба за болѣе полное проведеніе общинныхъ принциповъ. Въ началѣ заселенія окраинъ свободной земли было много, каждый захватывалъ столько, сколько могъ расчистить и обработать; съ теченіемъ времени такіе заимочные владѣльцы соединяли свои расчищенныя пашни въ общинныя поля, при чемъ каждый имѣлъ свой разъ навсегда опредѣленный участокъ; въ настоящее же время извѣстно не мало случаевъ, когда въ такихъ общинахъ все болѣе развивающееся неравномѣрное распредѣленіе земли и необходимость предупредить сильное накопленіе недоимокъ на малоземельныхъ хозяевахъ приводятъ къ передѣламъ на

тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Великороссіи. Изученіе условій и формъ землевладѣнія на нашихъ окраинахъ представляетъ, между прочимъ, большой интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность наблюсти, какъ „захватное“ владѣніе постепенно переходитъ въ болѣе организованное, общинное.

Существуетъ и другой типъ общинъ, въ которыхъ рядомъ съ общинной землей имѣются участки, принадлежащіе отдѣльнымъ крестьянамъ въ частную собственность. Но здѣсь совершенно иныя основанія вызвали сосуществованіе общинныхъ и индивидуальныхъ началъ. Какъ я уже упоминалъ, статья 165-я „Положенія“ 19 Феврался предоставляетъ крестьянамъ право досрочнаго выкупа ихъ надѣловъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой выкупъ и былъ произведенъ крестьянами. Нерѣдко, однако, крестьяне, выкупившіе свой надѣлъ, продолжаютъ подчиняться всѣмъ общиннымъ порядкамъ. Отказаться отъ нихъ представляется для новаго собственника прямо невыгоднымъ. Дѣло въ томъ, что община по справедливости не отвела бы ему его надѣла, въ случаѣ окончательнаго выдѣла, въ лучшемъ мѣстѣ, такъ какъ путемъ такого постепеннаго выдѣла она оставила бы себѣ худшія земли и все бремя платежей на нихъ лежащихъ. Затѣмъ, естественно, такой крестьянинъ, не неся всѣхъ повинностей, лежащихъ на общинѣ, не имѣлъ бы права пользоваться общиннымъ выгономъ, общиннымъ прудомъ, колодцемъ и всѣмъ прочимъ, что составляетъ достояніе всей общины въ ея совокупности. Этимъ и объясняется, что выкупившій свой надѣлъ нерѣдко остается въ общинѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ общинники, съ той только разницей, что при передѣлѣ, хотя мѣстонахожденіе его участка и мѣняется, но размѣръ всей его доли въ общинномъ полѣ остается неизмѣннымъ, хотя бы доли другихъ домохозяевъ и стали мельче.

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ подробнѣе остановиться на вопросѣ объ общинномъ землевладѣніи, порядкахъ въ общинѣ и разныхъ явленіяхъ, замѣчаемыхъ въ ней. Все это служило и продолжаетъ служить предметомъ са-

мыхъ горячихъ споровъ и вызвало у насъ довольно богатую литературу, куда приходится мнѣ отослать тѣхъ изъ васъ, кто пожелалъ бы поближе познакомиться съ общиной.

Съ порядками общиннаго землевладѣнія можно подробно ознакомиться изъ статьи **В. И Орлова** „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губ.“, помѣщенной въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“ Т. IV, вып. I Тамъ сведены формы общиннаго владѣнія, способы передѣловъ и пр. Свѣдѣнія эти имѣютъ значеніе для всѣхъ центральныхъ мѣстностей.

Съ общинными порядками во всѣхъ формахъ и разновидностяхъ въ Россіи можно познакомиться изъ I т. „Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи“ **В. В.** Изслѣдованіе это сдѣлано по даннымъ земской статистики. Весь матеріалъ сведенъ въ извѣстной системѣ Но выводы, имѣющіеся при каждой главѣ, не вполнѣ оправдываются тѣми фактами, которые сообщаетъ авторъ. Поэтому главнымъ образомъ цѣнна у него сводка.

О книгѣ **А. С Посникова** „Общинное землевладѣніе“ я уже упоминалъ. Она представляетъ наиболѣе полный, обстоятельный, основанный на фактахъ анализъ возраженій противъ общины.

Можно указать еще на книгу **Соколовскаго** „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“.

Съ общиной у другихъ народовъ и въ болѣе ранніе времена знакомятъ:

Лавеле Э. „Первобытная собственность“.

Менъ Г. „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“.

Ковалевскій М. „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“

Н. Зиберъ. „Очерки первобытной экономической культуры“.

Указанными источниками, конечно, далеко не исчерпывается литература о поземельной общинѣ. Кромѣ цѣлаго ряда книгъ, посвященныхъ ей, существуетъ въ нашей періодической печати очень много статей по этому вопросу.

Я счелъ нужнымъ остановиться на поземельной общинѣ нѣсколько долѣе, въ ущербъ другимъ частямъ курса и въ ущербъ другимъ формамъ землевладѣнія именно потому, что она является до сего времени самой распространенной въ крестьянскомъ землевладѣніи, а послѣднее—преобладающимъ среди другихъ видовъ землевладѣнія въ Россіи.

3. Распредѣленіе поземельной собственности въ Европейской Россіи.

Данныя по этому вопросу, относящіяся къ 80-мъ годамъ, я буду приводить для 49 губерній Европейской Россіи, не считая области Войска Донского Для прочихъ мѣстностей

нѣтъ точныхъ свѣдѣній, какъ о всей площади, такъ и о распредѣленіи ея между владѣльцами.

Въ означенныхъ 49 губерніяхъ числится до 400 милліоновъ десятинъ. Распредѣляется все это количество слѣдующимъ образомъ:

	Категоріи владѣльцевъ.	Количество десятинъ.	% ко всей площади
1	Государствен. земель.	150.409.977	38,5%
2	Крестьянск. надѣльн.	131.372.457	33,5
3	Частн. личн. собствен.	93.381.170	23,8
4	Церковн., монаст. и др. учрежд.	8.572.622	2,2
5	Удѣльн..	7.367.710	1,9

Изъ этой таблички видно, что на долю государственныхъ земель приходится около $^2/_5$ всего количества, на долю крестьянскихъ надѣльныхъ около $^1/_3$, т.-е. почти въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ у частныхъ собственниковъ. Остальнымъ владѣльцамъ принадлежитъ сравнительно немного. Итакъ, около $^2/_5$ всей площади на данномъ пространствѣ составляютъ *государственныя* земли. Замѣчу здѣсь, что государственными землями принято считать тѣ, которыя не имѣютъ прямого, непосредственнаго владѣльца. Нигдѣ въ Европѣ мы не найдемъ такой обширной площади въ рукахъ государства. Господствовавшее въ концѣ прошлаго и первой половинѣ настоящаго столѣтія на Западѣ представленіе, что частная собственность на землю представляетъ наиболѣе выгодъ для успѣховъ сельскаго хозяйства и для благосостоянія населенія, способствовало тому, что большую часть земель государство передало въ частныя руки, чтобы такимъ путемъ вызвать частную предпріимчивость. Въ послѣднее время, однако, воззрѣніе это значительно поколебалось. Россія, всегда отставшая во всемъ отъ Запада, отстала и здѣсь: когда большая часть государственныхъ земель на Западѣ перешла въ частныя руки, въ Россіи это еще не успѣло совершиться. На этотъ разъ, однако, эта отсталость послужила Россіи на пользу, и государство является владѣльцемъ такой огромной площади.

Второе мѣсто послѣ государственныхъ земель занимаютъ *крестьянскія надѣльныя*—33,5%, или около 1/3. Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень большимъ разнообразіемъ въ формахъ, правахъ и условіяхъ владѣнія.

До отмѣны крѣпостного права крестьяне дѣлились на государственныхъ, удѣльныхъ, владѣльческихъ и другіе разряды. Государственные крестьяне получали землю не въ собственность, а только въ пользованіе за опредѣленный оброкъ. Съ увеличеніемъ населенія имъ отводилось и большее пространство земли. Лѣсомъ и покосами они надѣлялись по мѣрѣ надобности. Такъ было до 1866 года, когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ надѣленія владѣльческихъ крестьянъ былъ возбужденъ вопросъ и о государственныхъ крестьянахъ. Въ этомъ году имъ, какъ и владѣльческимъ крестьянамъ, были отведены опредѣленные надѣлы за извѣстный оброкъ, который долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ въ теченіе 20 лѣтъ. А въ 1886 году они уже окончательно были уравнены въ правахъ съ б. владѣльческими, т.-е. должны были приступить къ выкупу своихъ надѣловъ, и черезъ 44 года, считая съ этого послѣдняго, они становятся собственниками земли.

Вамъ уже извѣстно, что и владѣльческіе крестьяне получили отъ помѣщиковъ надѣлы, за которые обязаны были платить оброкъ, почему и назывались временно-обязанными. Но по желанію помѣщика они могли быть переведены на выкупъ. Помѣщикъ въ такомъ случаѣ удовлетворялся изъ выкупного учрежденія, а крестьяне должны были вносить выкупъ въ казну въ теченіе 40 съ лишнимъ лѣтъ. Одни перевели крестьянъ на выкупъ вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостного права, другіе продолжали держать ихъ временно-обязанными до 1881-го года, когда для всѣхъ помѣщиковъ сдѣлалось обязательнымъ перевести крестьянъ на выкупъ. Затѣмъ, „Положеніемъ“ 19 февраля предусмотрѣнъ былъ такой случай, когда крестьяне не пожелаютъ получить полный надѣлъ и платить выкупъ. Имъ предоставлялось тогда получить безъ выкупа, такъ называемый, четвертной, а въ просторѣчіи *нищенскій* надѣлъ, равный 1/4

положеннаго для данной мѣстности надѣла. Въ южныхъ губерніяхъ значительная часть крестьянъ получила такой надѣлъ.

Кромѣ общинныхъ надѣльныхъ земель существуютъ у крестьянъ еще купленныя земли. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ выяснилось, что крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайне недостаточно надѣлены землей, образованъ былъ крестьянскій поземельный банкъ. Онъ долженъ былъ приходить на помощь крестьянамъ при покупкѣ земель. Ссуда могла быть выдаваема банкомъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, товариществамъ, крестьянскимъ обществамъ, но не свыше опредѣленной суммы на каждый дворъ, или въ извѣстномъ отношеніи къ оцѣнкѣ. Встрѣчаются поэтому цѣлыя общины и отдѣльныя группы домохозяевъ, имѣющія кромѣо бщинной земли и купленную. Въ способахъ пользованія той и другой существуетъ, конечно, разница: тогда какъ общинная земля распредѣляется соотвѣтственно тому или иному составу хозяйствъ, въ купленной землѣ каждый участвуетъ пропорціонально внесенной имъ для покупки суммѣ.

Существуютъ и другіе разряды крестьянскихъ владѣній: при заселеніи Новороссіи сюда привлекались колонисты, которые надѣлялись землей на извѣстныхъ условіяхъ; въ Бессарабіи—такъ называемые резеши и др.

Такова пестрота владѣнія у крестьянъ. Оно различно по основаніямъ его и по сроку, по истеченіи котораго крестьяне станутъ собственниками земли, такъ какъ тѣ, которые вышли на выкупъ въ 60-хъ годахъ, станутъ собственниками на много лѣтъ ранѣе тѣхъ, для которыхъ выкупъ наступилъ лишь послѣ 1881 г.—и тогда пестрота крестьянскаго землевладѣнія станетъ еще значительнѣе.

Слѣдующія цифры показываютъ, какъ распредѣляется крестьянское землевладѣніе между общиннымъ и подворнымъ и между отдѣльными разрядами крестьянъ:

Если не считать земель казаковъ и нѣкоторыхъ инородцевъ, то

въ общинномъ владѣніи находится 80.159.386 десят.

„ подворномъ „ „ 22.260.308 „ т.-е. 1/5 всего крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія.

По разрядамъ крестьянъ:

	Въ общин влад.	Въ подворномъ.	
У бывш. государствен.	84,2%	15,8%	всей удобной земли
„ удѣльн. . . .	97,6%	2,4%	„ „ „
„ владѣльческ.	72,3	27,7	„ „ „
Въ среднемъ около .	84,6%	15,1%	

Общинная земля распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Разряды крестьянъ.	Число общинъ.	Число ревизскихъ душъ	Колич. надѣльн. земли
		Въ процентахъ.		
I	Бывш. государствен. . .	26,3	43,1	48 3
	„ удѣльн.	4,0	4,0	3,7
	„ владѣльческ. . .	65 3	44,9	28,9
	Проч. разряд.	4,2	8,0	18,5

Лучше всѣхъ, какъ видимъ, вслѣдъ за „прочими разрядами“ надѣлены бывшіе государственные крестьяне, которые, составляя значительно меньшій % общинъ, чѣмъ бывшіе владѣльческіе, и немного меньшій сравнительно съ ними процентъ ревизскихъ душъ,—имѣютъ, однако, значительно большее количество надѣльной земли. Нужно, однако, замѣтить, что эти данныя относятся къ моменту надѣленія землею, и для настоящаго времени уже значительно не отвѣчаютъ дѣйствительности, хотя и остается вѣрнымъ, что надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ значительно выше надѣла другихъ разрядовъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ категорій государственныхъ земель и надѣльныхъ крестьянскихъ, въ приведенной мною раньше таблицѣ дано пространство земель *частной личной*

собственности—93 381.170 десят. (23,8%). Этотъ видъ собственности образовался различнымъ образомъ: путемъ покупки, даренія или наслѣдованія. Затѣмъ слѣдуютъ земли *церковныя, монастырскія и другихъ учрежденій*, какъ, наприм., желѣзныхъ дорогъ и друг.—8.572.622 дес. (2,2%). Монастырскія земли предназначаются для пользованія монастырей, церковныя — для причта. Земли эти либо самими владѣльцами обрабатываются, либо сдаются въ аренду. Наконецъ, земли *удѣльныя*—7.367.710 (1,9%). Эти земли принадлежатъ членамъ Императорской Фамиліи на правахъ частной собственности.

Такъ исторически сложились у насъ разныя категоріи землевладѣнія Прикрѣпленіе крестьянъ, а потомъ ихъ освобожденіе съ надѣлами, пожалованіе земель князьямъ и служилымъ людямъ, заселеніе окраинъ и еще цѣлый рядъ другихъ историческихъ условій — все это привело къ тому разнообразію видовъ и способовъ владѣнія землей, какое мы наблюдаемъ въ настоящее время. Но государство сложилось, измѣнилась вся историческая обстановка, а въ новыхъ условіяхъ съ теченіемъ времени все меньше и меньше оправданія находятъ себѣ всѣ тѣ разнообразныя отношенія къ землѣ, которыя, возникши въ прежнихъ историческихъ условіяхъ, существуютъ и до сихъ поръ: мы встрѣчаемъ теперь и право пользованія землей, и право собственности на нее, и аренду земли въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Все это разнообразіе правъ на землю нисколько не вызывается и не обусловливается назначеніемъ земли—быть источникомъ матеріала для обработки его на нужды человѣка. Этой цѣли не отвѣчаетъ все разнообразіе способовъ присвоенія ея, выработавшееся исторически; а потому все сильнѣе въ науку проникаетъ идея, что земля, какъ основа государства и экономическаго благосостоянія населенія, должна принадлежать государству же, предоставляющему ее въ пользованіе населенію на опредѣленныхъ условіяхъ, отвѣчающихъ назначенію ея и тѣсно связаннымъ съ тѣмъ интересамъ всего населенія.

Разсмотримъ, однако, подробнѣе важнѣйшія категоріи

землевладѣнія, какъ они распредѣляются въ настоящее время. Остановлюсь прежде всего на крестьянскихъ *надѣльныхъ* земляхъ, ибо хотя онѣ (33,5%) и уступаютъ въ количествѣ государственнымъ (38,5%), но за то послѣднія преобладаютъ главнымъ образомъ на сѣверѣ Россіи, гдѣ, при весьма значительномъ количествѣ неудобныхъ земель и большихъ лѣсныхъ пространствахъ, сравнительно (со всѣмъ количествомъ) небольшая часть площади находится подъ земледѣльческою культурой; тогда какъ крестьянское землевладѣніе, преобладая въ центральныхъ, восточныхъ, а отчасти южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, находится въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческая культура распространена весьма значительно.

Изъ приведенныхъ раньше таблицъ вы могли видѣть, что если брать только удобную землю, то около $^4/_5$ всей крестьянской земли находится въ общинномъ владѣніи. Но есть губерніи, гдѣ вся крестьянская земля находится въ подворномъ владѣніи, именно въ губ. Ковенской и Виленской. Преобладаетъ послѣднее въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ Гродненской, Полтавской, Черниговской и у четвертныхъ владѣльцевъ Курской губ. Четвертные владѣльцы — это бывшіе служилые люди, которыхъ въ Московскомъ государствѣ отправляли въ качествѣ стражниковъ въ разныя мѣстности. И до сихъ поръ многіе изъ нихъ считаютъ себя дворянами, но такъ какъ участки ихъ весьма незначительны и крѣпостныхъ людей у нихъ не было, то ихъ и называютъ „лапотными“ дворянами. Преобладаетъ у нихъ подворное владѣніе, хотя нѣкоторые перешли къ общинному. Въ остальныхъ губерніяхъ, кромѣ перечисленныхъ, подворное владѣніе встрѣчается какъ исключеніе.

Крестьянское землевладѣніе преобладаетъ на востокѣ отъ границъ Архангельской губ. до Каспійскаго моря. Болѣе 50% всей площади оно занимаетъ въ 12 центральныхъ и восточныхъ губ.: Московской, Рязанской, Тульской, Калужской, Воронежской, Курской, Харьковской, Тамбовской, Пензенской, Казанской, Уфимской и Оренбургской. Менѣе 20%—въ Пермской, Вологодской, Олонецкой и Архангель-

ской, т.-е. въ 4-хъ сѣверныхъ губ; отъ 20 до 35% въ С.-Петербургской, Новгородской, Минской, Витебской, Херсонской и Костромской, т.-е. въ 4-хъ сѣверозападныхъ губ., одной центральной и одной южной. Въ остальныхъ 27 губерніяхъ крестьянское землевладѣніе составляетъ отъ 35 до 50%.

Отношеніе это почти не мѣняется, если прибавить къ надѣльнымъ землямъ земли, купленныя при посредствѣ крестьянскаго земельнаго банка, которыхъ можно считать всего до 2-хъ милліоновъ десятинъ, т.-е. немного болѣе 1½% всей площади крестьянской земли.

Вообще же въ черноземной полосѣ крестьянскія надѣльныя земли составляютъ 56,8% всей площади, а въ нечерноземной 20,9%.

При отмѣнѣ крѣпостного права въ 1861 году число крестьянскихъ общинъ, надѣленныхъ землей, составляло почти 140 тысячъ; въ нихъ ревизскихъ душъ было 22.396.069, а общее количество ихъ надѣльной удобной земли 116.854.855 дес., т.-е. въ среднемъ на ревизскую душу 5,2 десят. Но по мѣстностямъ отъ этой средней были весьма значительныя отклоненія, о чемъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

Размѣры надѣла.	Ревизскихъ душъ въ %.		Десятинъ въ %.	
Менѣе 1 десат. . . .	2,9%		0,4%	
отъ 1 — 2 деят. . . .	7,6		2,4	
„ 2 — 3 „ . . .	17,4		8,6	
„ 3 — 4 „ . . .	20,8	55,7	14,2	48,8
„ 4 — 5 „ . . .	16,8		14,1	
„ 5 — 7 „ . . .	18,1		20,3	
„ 7 — 10 „ . . .	9,8		15,7	
„ 10 — 15 „ . . .	3,9		9,1	
болѣе 15-ти „ . . .	2,7		1,5	

Такимъ образомъ, при освобожденіи крестьянъ, получившіе менѣе 1 десят. составляли около 3% всего числа ревизскихъ душъ, такой же приблизительно % составляли

получившіе болѣе 15 дѣсят.; получившіе отъ 10 до 15 десят. составляли около 4%; отъ 7 до 10 десят. — около 10%. Остальные 80% получили отъ 2 до 7 десят.: размѣръ во многихъ мѣстахъ крайне недостаточный.

По губерніямъ разница въ размѣрахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Отъ 2 до 3 десятинъ на душу получили крестьяне въ Кіевской, К.-Подольской, Полтавской и Архангельской губ.

Средній размѣръ отъ 3 до 4 десят. въ 12 губерніяхъ средней полосы: Ярославской, Московской, Калужской, Рязанской, Тульской, Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Орловской, Курской и Черниговской.

Самый крупный надѣлъ свыше 10 десят. — въ Оренбургской, Астраханской и Уфимской губ.

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что размѣры надѣловъ растутъ по мѣрѣ удаленія отъ центра къ востоку и югу. Не трудно найти объясненіе этому: чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ населеніе было рѣже, а земли больше. При надѣленіи землей принималось между прочимъ во вниманіе, сколько можно получить съ извѣстной площади при данной системѣ земледѣлія. А такъ какъ въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ центра, при рѣдкомъ населеніи и большихъ пространствахъ земли, хозяйство велось почти исключительно экстенсивное, то, понятно, и надѣлы были отведены болѣе значительные. Съ другой стороны, и сами владѣльцы земель, имѣя въ своемъ распоряженіи гораздо больше земли, чѣмъ помѣщики центральныхъ губерній, могли выдѣлить крестьянамъ больше.

Мы разсмотрѣли распредѣленіе земли при отмѣнѣ крѣпостного права между всѣми крестьянами безъ различія разрядовъ. Еще большая неравномѣрность получится, если разсмотримъ распредѣленіе надѣльной земли по разрядамъ.

Бывшіе *владѣльческіе* крестьяне, составлявшіе около 10 милліоновъ ревизскихъ душъ, получили 33.755.759 десятинъ, т.-е. въ среднемъ $3_{,3}$ десят. на душу. По мѣстностямъ были, конечно, значительныя отклоненія отъ средней, но здѣсь мы уже не находимъ, какъ выше, такой правильности въ ростѣ надѣ-

ловъ къ югу и востоку, такъ какъ многіе въ этихъ мѣстахъ пожелали получить только даровой четвертной надѣлъ, а не полный. Это зависѣло отъ самихъ крестьянъ. Чѣмъ же объясняется отказъ крестьянъ отъ полнаго надѣла? Дѣло въ томъ, что главнымъ образомъ это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ преобладало натуральное хозяйство, гдѣ поэтому на сторону почти ничего не отчуждалось и денегъ было очень мало. Свои повинности предъ помѣщикомъ крестьяне здѣсь отбывали въ формѣ барщины и для уплаты отдавали помѣщику свой трудъ. Съ полученіемъ же собственнаго надѣла характеръ отношеній между крестьянами и помѣщиками долженъ былъ сразу измѣниться: крестьянинъ долженъ былъ платить помѣщику за землю не трудомъ, а деньгами. Такая уплата при господствѣ натуральнаго хозяйства казалась крестьянину настолько обременительной, что, боясь не справиться съ платежами, онъ предпочиталъ получить даровой, хотя и ничтожный надѣлъ, чѣмъ полный съ лежащими на немъ повинностями. Къ тому же, разсуждали крестьяне, земля отъ нихъ не уйдетъ: помѣщики, лишившись крѣпостныхъ рабочихъ, вынуждены будутъ отдавать имъ ту же землю за отработку своихъ полей. Разсчеты крестьянъ, однако, не совсѣмъ оправдались: земля отъ нихъ, дѣйствительно, не ушла, но и они отъ земли уйти не могли. При отсутствіи промысловъ на югѣ и востокѣ, крестьяне никакимъ инымъ трудомъ, какъ земледѣльческимъ, не могли обезпечить свое существованіе. Имъ ничего не оставалось, какъ арендовать землю, при чемъ условія аренды при такомъ положеніи складывались не въ ихъ пользу. Послѣдствія, дѣйствительно, не замедлили обнаружить, какимъ тяжелымъ бременемъ легла аренда на крестьянъ. Наконецъ, еще одно обстоятельство повліяло на то, что крестьяне въ разсматриваемыхъ мѣстахъ отказывались отъ полныхъ надѣловъ. Среди крестьянъ настолько твердо распространено было убѣжденіе, что земля принадлежитъ имъ,—„мы ваши, а земля наша“, говорили они помѣщикамъ,—что они рѣшительно не видѣли основаній брать на условіяхъ выкупа землю, которая рано или поздно, по ихъ мнѣнію, перейдетъ

къ нимъ и безъ того. Съ другой стороны, здѣсь должно было имѣть свое значеніе различіе въ цѣнности земли въ тѣхъ или другихъ полосахъ Россіи, которое не могло не влять на бо́льшее или меньшее стремленіе отвести въ надѣлъ крестьянамъ ту или иную площадь даннаго владѣнія. Такъ образовалась группа съ недостаточнымъ даровымъ надѣломъ.

Болѣе 8 десят. получили бывшіе владѣльческіе крестьяне въ Астраханской и Олонецкой губ.; менѣе $2^1/_2$ десят. въ К.-Подольской, Харьковской, Воронежской, Курской и Полтавской губ., а отъ 3-хъ до 2-хъ десят. въ 11 центральныхъ губерніяхъ.

Разсматривая распредѣленіе земель бывшихъ *владѣльческихъ* крестьянъ на всемъ пространствѣ, мы замѣчаемъ, что и число крестьянъ и вся площадь, ими занимаемая, растетъ по направленію отъ юго-запада къ центру, достигая въ послѣднемъ 50%—70% всей крестьянской надѣльной земли, такъ какъ здѣсь по преимуществу было развито крѣпостное право. Съ одной стороны это объясняется тѣмъ, что земля въ то время цѣнилась не столько по величинѣ ея площади, сколько по количеству сидящихъ на ней крестьянъ; по мѣрѣ удаленія отъ центра населеніе становилось рѣже, земля имѣла меньше цѣны. Поэтому, естественно, было стремленіе пріобрѣтать землю въ собственность и получать ее въ пожалованіе возможно ближе къ центру. Соотвѣтственно этому и расположились владѣльческія имѣнія, а въ настоящее время земли бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ. Съ другой стороны, здѣсь играетъ роль и то обстоятельство, что земли на югѣ и востокѣ сравнительно поздно вошли въ составъ государстза и позже заселены.

Вообще же по отдѣльнымъ губерніямъ подъ землями бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ находится отъ $0,_8$% (Оренбургск. губ.) до $84,_1$% (Могилевск. губ.) всей надѣльной земли. Менѣе 10% земли бывшихъ владѣльскихъ крестьянъ составляютъ въ Казанской, Олонецкой, Самарской, Таврической, Уфимской, Астраханской, Вятской и Оренбургской губ. Вовсе нѣтъ земель бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ въ гу-

берніяхъ: Архангельской, Бессарабской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Въ послѣднихъ трехъ крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости еще въ началѣ настоящаго столѣтія, но безъ земли.

Бывшіе удѣльные крестьяне, составлявшіе 900.486 ревизскихъ душъ, получили 4.333.261 десят., въ среднемъ $4,_8$ десят. на ревизск. душу. Надѣлъ нѣсколько выше, чѣмъ у бывшихъ владѣльческихъ. Объясняется это тѣмъ, что наибольшее количество ихъ приходится на тѣ губерніи, гдѣ по „Положенію о выкупѣ“ самый надѣлъ былъ выше. По губерніямъ надѣлъ бывшихъ удѣльныхъ колеблется отъ $7,_7$ десят. (Астраханск. губ.) до $2,_1$ десят. (Московск. губ.). Югъ и центръ даютъ меньшее количество удѣльн. крестьянск. земель. Вовсе ихъ нѣтъ въ 22 губерніяхъ. Наибольшее же количество ихъ—55% всѣхъ—приходится въ губерніяхъ: Симбирской, Самарской, Вятской и Костромской.

Земли *бывшихъ государственныхъ* крестьянъ располагаются въ обратномъ порядкѣ, нежели бывш. владѣльческихъ: меньше ихъ въ центрѣ, больше на востокѣ и юго-востокѣ. На 9.643.606 ревизск. душъ госуд. крестьянъ отведено было 57.130.141 десят., т.-е. болѣе $5,_9$ десят. на душу. По мѣстностямъ размѣръ колеблется отъ 2 десят. (Архангельск. губ.) до 16 десят. на душу (Астраханск. губ.). Въ большинствѣ же случаевъ имъ отводили либо то количество земли, какое находилось въ ихъ пользованіи до освобожденія, либо отъ 8 до 15 десят. на душу. Кромѣ того у нихъ въ составъ надѣловъ вошли лѣсныя угодья. Это обстоятельство, даже и помимо болѣе высокаго надѣла, доставшагося бывш. государственнымъ крестьянамъ, рѣзко отличаетъ ихъ отъ бывш. владѣльческихъ. Говоря о послѣднихъ, я не упомянулъ, что помѣщикъ имѣлъ право не отводить крестьянамъ лѣсныхъ угодій, а если лѣсъ приходился на землѣ, которая должна была поступить въ надѣлъ крестьянамъ, то могъ свести его. Впослѣдствіи это очень тяжело отразилось на хозяйствѣ бывш. владѣльческихъ крестьянъ, которымъ, не говоря уже о постройкахъ, обыкновенно приходится покупать лѣсъ и на топливо, что составляетъ не

малый годовой расходъ, не существующій или же долго не существовавшій для бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Въ общемъ разница въ экономическихъ условіяхъ этихъ двухъ разрядовъ крестьянъ настолько значительна, что привычный наблюдатель, въѣзжая въ деревню, легко отличитъ, къ какому разряду относятся крестьяне. Разница эта объясняется не только тѣмъ, что государственные крестьяне были лучше надѣлены, но и тѣмъ, что и при крѣпостномъ правѣ ихъ экономическое положеніе было выше и, слѣдовательно, въ новыя условія они вступили болѣе обезпеченные, чѣмъ бывшіе владѣльческіе. Преобладаютъ земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ Вятской и Олонецкой губ.— болѣе 90% всей надѣльной, въ Казанской, Астраханской, Воронежской и Харьковской онѣ составляютъ отъ 80% до 90%. Наименьшій % ихъ приходится на Могилевскую, Симбирскую, Бессарабскую, Уфимскую и Оренбургскую губ. Главнымъ образомъ, какъ видите, земли бывш. государственныхъ крестьянъ распространены на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, т.-е. дальше отъ центра.

Остальные разряды крестьянъ составляютъ сравнительно съ предыдущими очень незначительное количество—$1,_8$ милліона, съ надѣломъ 21.635.694 десят., въ среднемъ 12 десятинъ на душу. Надѣлены они были лучше другихъ разрядовъ. Въ 21 губерн. мы ихъ совсѣмъ не встрѣчаемъ, а въ остальныхъ они распредѣляются различно.

Итакъ, разсмотрѣніе крестьянской надѣльной земли показало намъ, что на центральныя промышленныя и земледѣльческія губерніи приходятся минимальные надѣлы, которые растутъ по мѣрѣ удаленія отъ центра, и что изъ трехъ разрядовъ крестьянъ лучше всѣхъ надѣлены землей бывшіе государственные, и уже значительно ниже надѣлы бывшихъ удѣльныхъ и владѣльческихъ.

Несомнѣнно, со времени освобожденія крестьянъ до настоящаго времени произошли измѣненія въ величинѣ надѣловъ и распредѣленіи ихъ. За отсутствіемъ, однако, новыхъ данныхъ для всѣхъ мѣстностей, судить нельзя. По

тѣмъ же свѣдѣніямъ, какія имѣются, можно заключить, что измѣненія произошли въ неблагопріятномъ смыслѣ: увеличилось число безземельныхъ и имѣющихъ недостаточные надѣлы.

На разсмотрѣніи надѣльныхъ земель не приходится, однако, еще кончить съ крестьянскимъ землевладѣніемъ. О немъ приходится еще говорить и при разсмотрѣніи частнаго землевладѣнія. Прежде чѣмъ приступить къ обзору этого послѣдняго, укажу, что если взять крестьянское и частное землевладѣніе вмѣстѣ, то первое составитъ изъ общаго количества 60%, изъ которыхъ 47% всей площади (или 80% одной крестьянской) или почти половина частновладѣльческой и крестьянской надѣльной земли, взятыхъ вмѣстѣ, находится въ общинномъ пользованіи.

Крестьянское землевладѣніе мы встрѣчаемъ и среди частнаго, при чемъ крестьянскимъ нельзя считать только землевладѣніе лицъ, по сословію принадлежащихъ къ крестьянству; такимъ надо считать вообще все землевладѣніе лицъ, непосредственно прилагающихъ свой трудъ къ землѣ. Такъ, наприм., дѣлается на Западѣ, гдѣ распредѣляется земля не по сословіямъ, а по размѣрамъ, обусловливающимъ тотъ или другой способъ веденія хозяйства. Но у насъ дѣленіе на сословныя группы еще довольно устойчиво; поэтому разсмотримъ распредѣленіе землевладѣнія по сословіямъ владѣльцевъ.

Все частное землевладѣніе въ Россіи составляетъ по даннымъ, относящимся къ 80-мъ годамъ, около 93 милліон. десятинъ, т -е. 23,8% всей площади, при количествѣ владѣльцевъ свыше 481.000, что составляетъ болѣе ½% всего населенія Европейской Россіи. Въ дѣйствительности количество владѣльцевъ нѣсколько меньше, такъ какъ въ статистикѣ землевладѣнія существуетъ тотъ недостатокъ, что въ счетъ попадаетъ 2 и болѣе разъ одно и то же лицо, если оно имѣетъ землю въ нѣсколькихъ губерніяхъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ предѣлахъ одной губерніи. Слѣдующая таблица показываетъ, какъ распредѣляется частное землевладѣніе по сословіямъ владѣльцевъ:

Сословія.	Количество владѣній.	въ %	Количество земли десятинъ.	въ %	Въ среднемъ на 1 владѣніе десятинъ.
Дворяне . . .	114.716	23,8	73.163.744	79,8	637,8
Купцы. . . .	12.630	2,0	9 793 961	10,7	775,1
Мѣщане	58 004	12,1	1 909 603	2,1	32,9
Крестьяне . .	273.007	56,7	5 005 824	5,5	18,0
Остальн. сослов. .	22.934	4·8	1.732.713	1,9	75,5

Сюда не вошло еще около 2 милліон. десят., принадлежащихъ разнымъ акціонернымъ компаніямъ.

Приведенныя здѣсь данныя нѣсколько устарѣли. На сколько можно судить по позднѣйшимъ даннымъ, добытымъ земско-статистическими изслѣдованіями, по крайней мѣрѣ, гдѣ таковыя были произведены, число владѣльцевъ среди дворянъ уменьшается, увеличиваясь среди купцовъ и крестьянъ.

Если возьмемъ общее число частныхъ владѣній, безъ различія по сословіямъ владѣльцевъ, то преобладающими владѣніями являются такія, размѣръ которыхъ не превышаетъ того, что называется крестьянскимъ землевладѣніемъ. Болѣе $12^1/_2\%$ общаго числа владѣльцевъ имѣютъ менѣе 1 десят.; такой размѣръ не можетъ быть отнесенъ къ владѣніямъ, имѣющимъ сельскохозяйственное значеніе. Владѣнія отъ 1 до 10 десят. составляютъ 37,7%, при среднемъ размѣрѣ на одно владѣніе 5 десят.; такое землевладѣніе должно быть отнесено къ крестьянскому; этотъ размѣръ можетъ служить для сельскохозяйственныхъ цѣлей, но пользованіе имъ предполагаетъ, что самъ владѣлецъ прилагаетъ свой трудъ, т.-е. такое хозяйство представляетъ типъ крестьянскаго. Оба разряда вмѣстѣ—50,3% — не превышаютъ 10 десят. на каждое хозяйство.

Слѣдующій затѣмъ разрядъ—владѣнія отъ 10 до 50 дес. составляютъ 22,4%, въ среднемъ на одно владѣніе 23,8 десят. (въ нечерноземн. полосѣ 23,7 десят., въ черноземн.— 23,9 д.; по областямъ колеблется: отъ 21,5 д. въ Вятск. и Пермск. губ. и до 32,6 д. въ Прибалтійскомъ краѣ). Въ об-

щемъ въ этой группѣ рѣзко преобладаетъ размѣръ около 20 десят. на одно владѣніе, а при такомъ размѣрѣ эту группу можно также отнести къ крестьянскому землевладѣнію, какъ по размѣрамъ, такъ и по способу веденія хозяйства (замѣтимъ, что оно и по сословію здѣсь преобладаетъ). Во всѣхъ нашихъ земско-статистическихъ сборникахъ все землевладѣніе до 50 десят. причисляется, если не по сословію владѣльцевъ, то по условіямъ пользованія землей, къ крестьянскому. Итакъ, соединяя всѣ приведенныя сейчасъ группы частныхъ владѣній, мы видимъ, что почти $^3/_4$ (72,7%) составляетъ землевладѣніе, не превышающее 50 десят., или въ среднемъ 23 десят. на 1 владѣніе. Эти цифры въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ о преобладаніи и въ частновладѣльческихъ земляхъ мелкаго землевладѣнія въ Россіи.

По отдѣльнымъ областямъ, на которыя принято раздѣлять Европейскую Россію, владѣнія до 50 десят., безъ различія по сословіямъ владѣльцевъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ Пріуральск. губ.	91,8%	къ общему числу владѣній.
на крайнемъ сѣверѣ .	89,2 „	„
въ Московск. промышл.	84,6 „	„
„ Малороссійск. губ. .	82,5 „	„
„ Центр. землед. . . .	78,0 „	„
„ Пріозерныхъ. . . .	76,3 „	„
„ Литовскихъ	73,9 „	„
„ Новороссійск.	57,8 „	„
„ Нижневолжск. . . .	46,5 „	„
„ Прибалтійск.	62,2 „	„

Въ совершенно обратномъ порядкѣ располагаются крупныя владѣнія свыше 1.000 десят. Замѣтимъ, что число ихъ составляетъ 3,2% къ общему, хотя имъ принадлежитъ около 70% всѣхъ частно-владѣльческихъ земель. Гдѣ повышается % мелкихъ владѣній, тамъ понижается % крупныхъ и наоборотъ, что можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

въ Прибалтійск. губ. . .	11,4%	къ общему числу владѣній.
„ Нижневолжск.	14,9 „	„
„ Новороссійск.	9,6 „	„

въ Юго-западн. . . . . 6,3 „ къ общему числу владѣній.
„ Малороссійск. . . . . 1,5 „ „
„ Центр. землед. . . . 1,9 „ „
„ Московск. промышл. 1,3 „ „
на крайнемъ сѣверѣ. . 0,8 „ „
въ Пріуральск. губ. . . 3,2 „ „

Вообще же владѣнія свыше 1,000 дес. составляютъ:

Въ черноземной полосѣ	3,9%,	а земля 69,2%
Въ нечерноземной „	2,5 „	„ 71,8 „
Для 49 губерній.	3,2 „	„ 70,4 „

Число частныхъ владѣльцевъ въ 49 губ. составляетъ менѣе 0,7% всего населенія, а земля ихъ около 23% всей площади этихъ губерній.

Я привелъ данныя о количествѣ частныхъ владѣній. Посмотримъ, какъ распредѣляется по мѣстностямъ частновладѣльческая земля. Въ черноземной полосѣ она составляетъ 31,7% къ общей площади (крестьянская здѣсь занимаетъ 56,8%), въ нечерноземной 19,7% (крестьянская 20,9%). Половину площади частновладѣльческая земля превосходитъ въ 8 губерніяхъ: Минской, Эстляндской, Могилевской, Херсонской, Смоленской, Витебской, Псковской и Таврической. А въ 6 губерніяхъ: Оренбургской, Астраханской, Вятской, Архангельской, Вологодской и Пермской составляетъ менѣе 10%. Средній размѣръ на одно владѣніе для всѣхъ губерній—190 десят.: у купцовъ 775 десят., у дворянъ—638 д., у мѣщанъ—33 д., у крестьянъ—18 д.

Далѣе, крупнымъ собственникомъ является *государство*. По количеству находящихся въ его распоряженіи земель оно занимаетъ даже первое мѣсто среди другихъ владѣльцевъ.

Государственныхъ земель въ Европейской Россіи насчитывается 150.409.977 десят. — 38,5% всей площади. Въ нечерноземной Россіи государству принадлежитъ 56,8% земли, а въ черноземной 5,6%, т.-е. въ 10 разъ меньше, при чемъ наибольшій процентъ падаетъ на Архангельскую губ.—97,3%, наименьшій на Эстляндскую—0,2%. Такое значительное количество государственныхъ земель открывало

бы ихъ для поселенія крестьянъ, могло бы предохранить послѣднихъ отъ малоземелья. Но дѣло въ томъ, что большая часть государственныхъ земель расположена на сѣверѣ, мало удобна для заселенія и сельскохозяйственной культуры. Если изъ общаго количества государственныхъ земель выключить лѣсныя угодья, то останется всего около 4 милліоновъ десят. удобной земли.

Сводя всѣ данныя о распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Среди другихъ категорій землевладѣнія значительно преобладающимъ является *крестьянское надѣльное*. Затѣмъ земля въ Россіи находится въ значительно большемъ количествѣ рукъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ западно-европейскомъ государствѣ. Все это отличаетъ Россію отъ послѣднихъ. Для сравненія съ ними у Янсона приведены данныя, которыя, правда, нѣсколько устарѣли, но все же имѣютъ значеніе, такъ какъ за протекшій съ тѣхъ поръ промежутокъ времени рѣзкихъ измѣненій въ распредѣленіи землевладѣнія по размѣрамъ и по числу лицъ, владѣющихъ землею, не произошло ни въ Западной Европѣ, ни въ Россіи, и общій результатъ сравненія остается правильнымъ и для настоящаго времени. Число лицъ, владѣющихъ землей, и отношеніе его къ населенію составляетъ:

въ Европейской Россіи . .	20.515.359	или	36,0%	населенія.
„ Соединенномъ королев.	314.827	„	1,1 „	„
„ Франціи	3.799.759	„	10,1 „	„
„ Австріи	1.784.700	„	8,8 „	„
„ Прусіи.	1.525.901	„	7,9 „	„
„ Швеціи	444.229	„	10,4 „	„
„ Норвегіи.	149.013	„	8,5 „	„
„ Даніи	206.637	„	10,9 „	„
„ Италіи.	4.153.645	„	19,0 „	„
„ Испаніи	2.592.527	„	16,0 „	„

Профессоръ Янсонъ заключаетъ отсюда, что въ Россіи землевладѣніе является наиболѣе демократичнымъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ западно-европейскомъ государствѣ.

Далѣе, если мы обратимся къ размѣрамъ землевладѣнія, то увидимъ, что болѣе $^3/_4$ у насъ должны быть отнесены къ *мелкому*. Если мы будемъ считать мелкимъ владѣніе не болѣе 10 десятинъ, то такое землевладѣніе составитъ:

въ Россіи	до $99^1/_2$%	всего количества владѣній.
„ Венгріи. . . .	„ 94,5 „	„
„ Вюртембергѣ.	„ 91,5 „	„
„ Норвегіи. . .	„ 75,0 „	„
„ Шотландіи . .	„ 74,0 „	„
„ Уэльсѣ. . . .	„ 70,0 „	„
„ Ирландіи. .	„ 55,0 „	„
„ Франціи . . .	„ 52,0 „	„

Такимъ образомъ, и по преобладанію мелкаго землевладѣнія Россія занимаетъ 1-е мѣсто среди западно-европ. государствъ.

Не менѣе выгодно поставлена Россія и относительно *государственныхъ* земель, которыя занимаютъ здѣсь болѣе $^1/_3$ всей площади, тогда какъ, наприм.

во Франціи онѣ составляютъ	1,8%
„ Пруссіи.	10,6 „
„ Баваріи	11,3 „
„ Венгріи	5,6 „

Остается напомнить еще, что около $^1/_2$ той площади земли, которая находится въ крестьянскомъ и частномъ землевладѣніи вмѣстѣ, находится въ общинномъ владѣніи.

Таковы особенности, отличающія землевладѣніе въ Россіи отъ землевладѣнія въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Я отмѣтилъ факты; не дѣлаю пока выводовъ изъ нихъ, такъ какъ ихъ сейчасъ сдѣлать трудно. На основаніи анализа русскихъ экономическихъ условій приходится только отмѣтить, что условія эти настолько рѣзко отличны отъ условій, въ какихъ развился современный строй другихъ западно-европейскихъ государствъ, что переносить къ намъ цѣликомъ выводы относительно ихъ экономическаго разви-

тія невозможно. Много придется внести поправокъ въ выясненіе того, какимъ путемъ и подъ какими условіями развивается экономическая жизнь. До сихъ поръ выяснены пути развитія, совершившагося на Западѣ уже при отсутствіи тѣхъ условій, какія сохраняются еще въ Россіи.

Чтобы сказать, какъ отразятся эти условія на дальнѣйшемъ развитіи экономическихъ отношеній въ Россіи при всей совокупности остальныхъ современныхъ условій,—для этого надо еще очень и очень многое выяснить, прежде чѣмъ строить какія-либо заключенія.

Примѣчаніе. Данныя о распредѣленіи землевладѣнія въ Россіи находятся въ указанномъ уже выше сочиненіи **Фортунатова** и въ изданіи Департ. Земледѣлія и Сельской промышленности. Здѣсь слѣдуетъ еще указать на книгу **Ходскаго**· «Земля и земледѣлецъ», т. II-й; **Янсона:** «Сравнительная Статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ», т. II-й; **его же**: «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ»

V. Землепользованіе.

Въ предыдущемъ было показано, какъ распредѣляется земельная собственность, въ чьихъ рукахъ она находится. Я указалъ, что въ Россіи 36% населенія владѣютъ землей, тогда какъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ процентъ этотъ значительно ниже. Но вѣдь мы разсматриваемъ землю съ сельскохозяйственной точки зрѣнія. А съ этой точки зрѣнія одни не могутъ сами использовать обширныхъ площадей своихъ по недостатку соотвѣтствующихъ средствъ или по другимъ какимъ-либо причинамъ, другіе, наоборотъ, не могутъ использовать въ приложеніи къ землѣ своихъ рабочихъ силъ по ограниченности своихъ участковъ. Одни поэтому уступаютъ свои земли цѣликомъ или частью въ пользованіе для сельскохозяйственныхъ цѣлей другимъ, послѣдніе стараются ихъ получить. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ вопросу о *землепользованіи*, безъ котораго вопросъ о землевладѣніи, при современныхъ, по крайней мѣрѣ, условіяхъ, не получаетъ надлежащаго освѣщенія.

Наблюдаемыя теперь формы пользованія землей, какъ и другія экономическія отношенія, сложились исторически. Когда Европа была занята завоевателями, единственнымъ имуществомъ, которое можно было присвоить, была земля. Они объявляли землю своей и облагали населеніе податями за пользованіе ею. Многія земли оставались пустыми и служили фондомъ для нараждающагося населенія. Такимъ образомъ, исторически, въ силу экономической необходимости,

создалось *пользованіе* на разныхъ условіяхъ чужою землей. Сложившись издавна, эта необходимость прибѣгать къ пользованію чужою землей проходитъ черезъ средніе вѣка и до настоящаго времени. За недостаткомъ времени, я не могу войти здѣсь въ разсмотрѣніе тѣхъ разнообразныхъ формъ, какія претерпѣло за этотъ длинный періодъ землепользованіе, и тѣхъ различныхъ видовъ отношеній, какія создавались этимъ явленіемъ. Остановлюсь только на современномъ состояніи этого вопроса въ Россіи.

Значительная часть собственниковъ, главнымъ образомъ крупныхъ, либо совсѣмъ, либо частью не пользуются своей землей для сельскохозяйственныхъ цѣлей и сдаютъ ее для этого на разныхъ условіяхъ другимъ. Этими послѣдними являются тѣ, которые, тяготѣя къ земледѣльческому труду, совсѣмъ не имѣютъ земли или имѣютъ ее въ недостаточномъ количествѣ. Это основное условіе арендованія земли. У насъ въ Россіи необходимость аренды создалась подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Изъ частныхъ собственниковъ болѣе 12% у насъ, какъ мы видѣли, имѣютъ земли меньше 1 десят.; для сельскохозяйственныхъ цѣлей размѣръ этотъ совершенно недостаточенъ, приходится для этого арендовать землю. То же относится къ другимъ 37%, имѣющимъ до 10 десят.; здѣсь возможна сельскохозяйственная культура, но часто также при условіи пріарендованія земли.

Но главную массу мелкихъ собственниковъ у насъ составляютъ надѣльные крестьяне, большая часть которыхъ получила отъ 3 до 5 десят. на душу. Если въ семьѣ, наприм., 3 души, то на нее придется отъ 10 до 15 десят. Такой участокъ можетъ служить семьѣ для сельскохозяйственныхъ цѣлей, но далеко не всегда избавляетъ ее отъ необходимости арендовать землю. Такъ, при наличности 1 рабочей силы, наприм., семья можетъ использовать такой участокъ, но если такихъ рабочихъ силъ три или больше, а другихъ занятій, кромѣ земледѣльческихъ, нѣтъ, то приходится прибѣгать къ арендѣ. Но кромѣ такихъ общихъ соображеній такая необходимость у насъ въ Россіи создалась еще по другимъ причинамъ. Когда при освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ надѣ-

ляли ихъ землей, то почти исключительно принимали во вниманіе одну пашню, не брали въ разсчетъ ихъ нужду въ другихъ угодьяхъ, какъ покосъ, лѣсъ и пр. При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ отводилъ крестьянамъ, кромѣ пашни, еще лѣсъ и луга. Если по условіямъ даннаго года покосъ оказывался недостаточнымъ, помѣщикъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставлялъ крестьянамъ часть въ своихъ лугахъ. Почти у всѣхъ общинъ значительная часть такихъ угодій была отрѣзана при освобожденіи крестьянъ. Между тѣмъ во многихъ мѣстахъ сельскохозяйственная культура невозможна безъ удобренія; необходимо поэтому имѣть скотъ въ достаточномъ количествѣ, а для этого въ свою очередь нужны покосы и выгоны. А разъ ихъ у крестьянъ недостаточно, то является необходимость арендовать такія «отрѣзныя» земли, даже и при достаточномъ количествѣ пашни. Затѣмъ, я уже указывалъ на категорію, такъ называемыхъ, дарственниковъ, которые не брали полныхъ надѣловъ, имѣя въ виду арендовать землю у помѣщиковъ.

Такимъ образомъ, уже въ самыхъ условіяхъ надѣленія землей при отмѣнѣ крѣпостного права можно найти цѣлый рядъ основаній для арендованія земли крестьянами. Само собой разумѣется, что ростъ населенія долженъ былъ постепенно усиливать нужду крестьянъ въ землѣ и необходимость прибѣгать къ арендѣ.

Въ нѣсколько иныя условія относительно пользованія лѣсомъ, выгономъ и сѣнокосными угодьями поставлено крестьянское населеніе въ западномъ и юго-западномъ краѣ, чѣмъ и объясняется меньшая надобность тамъ въ арендованіи означенныхъ угодій. Дѣло въ томъ, что въ западномъ и юго-западномъ краѣ и до сихъ поръ существуютъ сервитуты, предоставляющіе крестьянамъ право въ извѣстное время года и въ извѣстныхъ мѣстахъ владѣльческихъ угодій пасти скотъ, производить косьбу. Для владѣльцевъ такое право крестьянъ создаетъ нѣкоторыя неудобства, такъ какъ ограничиваетъ право владѣльца распоряжаться своею землей, если на ней лежитъ сервитутъ: такую землю гораздо труднѣе продать. Поэтому въ настоящее время

идетъ законодальная работа объ отмѣнѣ сервитутовъ. Но такая отмѣна должна будетъ невыгодно отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ. Трудно, наприм., оцѣнить право пасти 100 головъ скота въ теченіе извѣстнаго времени. Еслибы даже крестьяне были вознаграждены за уступку этого права извѣстною суммой денегъ, то она все-таки не замѣнить имъ выгодъ отъ пастбища, такъ какъ на эту сумму не всегда можно пріобрѣсть землю въ данномъ мѣстѣ. Слѣдовательно, въ западномъ и юго-западномъ краѣ сервитуты до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, уменьшаютъ для крестьянъ необходимость арендовать землю для пастьбы. Въ другихъ же мѣстахъ сразу были раздѣлены права и обязанности помѣщиковъ и крестьянъ, и послѣднимъ приходится прибѣгать къ арендѣ земли для указанной цѣли, не говоря уже о необходимости въ арендѣ пашни тамъ, гдѣ размѣры ея недостаточны.

Итакъ, цѣлый рядъ условій, сложившихся исторически и образовавшихся при ликвидаціи стараго дореформеннаго хозяйства, а еще болѣе осложнившихся впослѣдствіи, вызываетъ теперь нужду въ арендѣ земли.

Въ настоящее время арендованіе вообще весьма распространено, съ одной стороны, тамъ, гдѣ невелико число собственниковъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточены земли, какъ, наприм., въ Англіи; съ другой стороны, гдѣ, какъ въ Россіи, хотя и много собственниковъ, но размѣры земли у большинства недостаточны. Я указалъ, что въ Россіи главнымъ мотивомъ для арендованія земли служитъ *недостаточность надѣловъ*, необходимость, слѣдовательно, вести хозяйство на своемъ участкѣ и невозможность ограничиться его размѣрами. Указанный мотивъ не является, конечно, исключительнымъ. Арендуютъ землю и съ *предпринимательскими цѣлями*. Особенно распространено это явленіе въ Англіи, гдѣ существуетъ съ одной стороны немногочисленный классъ крупныхъ собственниковъ, а съ другой — классъ фермеровъ-предпринимателей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи свободныя средства, которыя они вкладываютъ въ арендуемую землю точно такъ же, какъ они вложили бы ее въ какое-

нибудь торговое или промышленное предпріятіе. Въ Россіи такой видъ аренды развитъ сравнительно незначительно.

До сихъ поръ я излагалъ условія, которыя надо имѣть въ виду съ точки зрѣнія арендующихъ землю.

Разсмотримъ теперь уловія, при которыхъ не у насъ въ Россіи только, но и вообще крупному собственнику земли приходится сдавать землю въ аренду. Крупный собственникъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи большую площадь земли и желающій вести собственное хозяйство, долженъ соотвѣтственно этому имѣть большой капиталъ и наемный трудъ въ достаточномъ количествѣ. Приложеніе того и другого, какъ я уже это старался выяснить въ началѣ курса, сопряжено въ земледѣліи съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ въ фабричной промышленности. Существуютъ поэтому довольно тѣсные предѣлы, до которыхъ можно расширить свое хозяйство, а за этими предѣлами приходится либо, ограничивъ полевое хозяйство, вести какое-либо другое на свободной землѣ, обратить ее, наприм., подъ пастбища, либо сдавать эту землю въ аренду. Крупное капиталистическое земледѣліе все болѣе ограничивается въ послѣднее время, съ перемѣной въ условіяхъ сбыта, перевозки хлѣба, конкурренціи на всемірномъ рынкѣ и цѣлаго ряда другихъ условій, которыя особенно рѣзко выдвинулись въ послѣднее время и еще болѣе закрѣпили мысль о невыгодахъ единоличнаго и притомъ товарнаго крупнаго земледѣльческаго хозяйства. А это должно еще болѣе способствовать развитію аренды и притомъ мелкой, чему, какъ показано будетъ дальше, способствуютъ еще особыя условія.

Анализъ землепользованія показываетъ, что во многихъ случаяхъ земледѣльческое хозяйство ведется не на собственной, а на арендованной землѣ. Крупные собственники не въ состояніи вести хозяйство на своихъ обширныхъ пространствахъ, мелкіе — на своихъ ограниченныхъ участкахъ. Первые вынуждены сдавать землю, вторые—снимать. Понятно поэтому, что съ теченіемъ времени стали все болѣе и болѣе убѣждаться въ неосновательности тѣхъ мотивовъ, которые въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ на-

стоящаго столѣтія вызвали на Западѣ усиленный переходъ огромныхъ пространствъ въ частныя руки: личная инициатива, на которую возлагалось такъ много надеждъ, не могла выполнить возложенныхъ на нее задачъ. Крупное земледѣльческое хозяйство въ своемъ расширеніи было поставлено въ извѣстные предѣлы и должно было прибѣгнуть къ сдачѣ неутилизируемыхъ земель. Эти условія землепользованія были мало благопріятны и для устойчивости землевладѣнія. Мобилизація земли наблюдается вездѣ, гдѣ тому не ставятся какія-нибудь искусственныя ограниченія. Такъ, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Германіи по отношенію къ мелкой собственности, земля черезъ 3—4 поколѣнія переходитъ въ другія руки. Чтобы спасти крупное землевладѣніе отъ такой неустойчивости, вводится майоратъ. За то здѣсь это обстоятельство вызываетъ цѣлый рядъ другихъ неблагопріятныхъ условій: не желая обдѣлить другихъ дѣтей, отецъ заставляетъ старшаго сына произвести уплату другимъ ихъ доли деньгами; земля обременяется долгами, является задолженность, которая не выдерживается никакою культурой.

Всѣ эти обстоятельства подали мысль Родбертусу объ установленіи вѣчной ренты, т.-е. о передачѣ земли въ руки государства, которое уступаетъ ее уже не въ собственность, а только въ пользованіе за извѣстное вознагражденіе. Эта мысль была также развита Л. фонъ-Штейномъ: съ одной стороны, говоритъ онъ, крупная частная собственность на землю, подтачиваемая мобилизаціей и задолженностью, не представляется ни устойчивой, ни цѣлесообразной съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, съ другой—современныя условія аренды вызываютъ цѣлый рядъ невыгодныхъ послѣдствій. При современномъ капиталистическомъ строѣ каждое имущество имѣетъ цѣлью приносить доходъ, и притомъ наибольшій. Въ частности у землевладѣльцевъ существуетъ стремленіе сдать землю въ аренду съ наивозможно большею для себя выгодой, а для этого необходимо вызвать конкурренцію среди снимающихъ, увеличить число имѣющихъ возможность снять, т.-е надо сдавать въ аренду мел-

кими участками. Отсюда его законъ *„малыхъ арендъ“*: для землевладѣльца большею частью представляется болѣе выгоднымъ сдать землю не въ однѣ руки, а по частямъ, небольшими участками многимъ съемщикамъ. Далѣе, населеніе растетъ, спросъ на землю увеличивается, условія аренды становятся болѣе обременительными, а арендуемые участки все мельче, т.-е. становятся уже недостаточными для прокормленія семьи, и арендаторы становятся безсильными. Наступаетъ образованіе латифундій, эмиграція и цѣлый рядъ общественныхъ бѣдствій, связанныхъ съ ними. Единственный выходъ изъ этого положенія, по мнѣнію Л. фонъ-Штейна, какъ и Родбертуса, это—переходъ земли въ руки государства съ предоставленіемъ частнымъ лицамъ права пользованія землей, при чемъ основанія для сдачи земли у государства будутъ уже не тѣ же, что у частныхъ собственниковъ. Вотъ тѣ теоретическія основанія, по которымъ наилучшимъ видомъ отношенія къ землѣ является не право собственности на нее, а право постоянной аренды, постояннаго пользованія ею, пока лицо, пользующееся землею, разсматриваетъ ее какъ источникъ приложенія своихъ рабочихъ силъ къ землѣ, а не какъ средство извлеченія изъ нея дохода иными путями.

Сущность аренды заключается въ томъ, что извѣстное лицо получаетъ землю въ пользованіе и за это принимаетъ на себя опредѣленныя обязательства по отношенію къ собственнику земли. Въ зависимости отъ размѣровъ арендуемаго участка, характера его, срока аренды и способа уплаты за нее, различаются разнообразные виды аренды.

По *размѣрамъ* различается: а) мелкая аренда — участокъ небольшой, но самъ по себѣ достаточный для сельскохозяйственныхъ цѣлей, б) также мелкая аренда — участокъ, дополнительный къ недостаточному участку арендатора, в) крупная фермерская—сдается въ аренду цѣлое имѣніе съ угодьями и постройками, при чемъ арендаторъ пользуется уже наемнымъ трудомъ, и, наконецъ, г) также крупная аренда, распространенная въ Англіи, отчасти въ Россіи, а въ особенности въ Ирландіи,—когда большой участокъ арендуется

не съ цѣлью вести на немъ хозяйство своими средствами, а для того, чтобъ отъ себя сдавать его мелкими участками другимъ.

По *характеру* аренды различается: аренда цѣлыхъ имѣній для сельскохозяйственныхъ цѣлей, или аренда только отдѣльныхъ угодій—пашни, покоса и др.

По *срокамъ:* а) Уже мало распространенная вѣчно-наслѣдственная аренда, при которой семья имѣетъ наслѣдственное право пользованія землей, съ уплатой ежегодно опредѣленной суммы. Такая аренда близка къ праву собственности и прекращается либо съ прекращеніемъ рода, либо если сама семья откажется отъ нея. Съ ростомъ цѣнности земли этотъ видъ аренды уничтожается. б) Аренда долгосрочная; за ней раньше видѣли большія преимущества, такъ какъ полагали, что арендаторъ въ этомъ случаѣ можетъ рѣшиться на производство такихъ улучшеній, которыя окупаются только въ цѣломъ рядѣ лѣтъ. Но съ народно-хозяйственной точки зрѣнія этотъ видъ аренды не представляетъ большихъ выгодъ, такъ какъ арендаторъ предъ окончаніемъ срока аренды стремится извлечь изъ покидаемой земли все, что только возможно, и часто оставляетъ землю уже значительно истощенной. в) Безсрочная аренда, въ томъ смыслѣ, что земля не сдается на какой-нибудь опредѣленный срокъ. Онъ устанавливается обычаемъ: земля остается въ пользованіи арендатора изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ не найдетъ для себя болѣе выгоднымъ сдать землю новому арендатору. Гдѣ обычай крѣпокъ, тамъ такое арендованіе представляетъ значительныя выгоды, въ противномъ случаѣ—большія неудобства для арендаторовъ. г) Краткосрочная, большею частью на годъ; имѣетъ крупныя невыгоды: арендаторъ здѣсь заинтересованъ вложить въ землю возможно меньше, такъ какъ земля остается въ его распоряженіи въ теченіе весьма непродолжительнаго времени. Впрочемъ, такой арендаторъ и средствъ, большею частью, не имѣетъ для какихъ-нибудь капитальныхъ затратъ, такъ какъ къ годичной арендѣ прибѣгаютъ только наименѣе обезпеченные. Итакъ, по срокамъ одни виды

аренды представляются невыгодными съ точки зрѣнія интересовъ собственника земли, другіе съ сельскохозяйственной точки зрѣнія. Наиболѣе выгодной въ послѣднемъ отношеніи представляется вѣчная аренда въ томъ видѣ, какъ ее предлагалъ Родбертусъ. Но такая аренда не можетъ установиться, пока земля составляетъ частную собственность.

По *способу уплаты* различается уплата: а) денежная, б) довольно распространенная, особенно въ прежнее время, натуральная—за отработки, при чемъ формы отработки весьма разнообразны: такъ, наприм., встрѣчается круговая отработка, которая заключается въ томъ, что арендаторъ обязуется произвести у владѣльца цѣлый кругъ работъ — обработать яровое поле, вспахать, убрать, или же обязуется исполнить отдѣльные виды работъ или отработать опредѣленное число дней и т. д. Иногда это бываетъ цѣлый рядъ работъ, не заранѣе опредѣленныхъ, а какія будутъ указаны, т.-е. не опредѣляется напередъ ни характеръ, ни даже время работъ, а только число дней. Такая неопредѣленность въ срокѣ отработки вызывается характеромъ сельскохозяйственныхъ работъ: когда, наприм., стоитъ хорошая погода, землевладѣлецъ спѣшитъ убрать поскорѣй сѣно; въ это время ему необходимо такое количество рабочихъ, какое держать все время онъ не можетъ, такъ какъ у него и работы для нихъ не хватитъ Для арендатора это представляетъ крупныя невыгоды, такъ какъ ему приходится являться на работу къ владѣльцу земли именно въ такое время, когда и ему самому надо было бы торопиться съ уборкой на своемъ участкѣ. в) Половничество, аренда исполу: арендаторъ получаетъ участокъ земли, иногда еще сѣмена; за это онъ обязуется обработать землю своимъ трудомъ, орудіями и скотомъ; а урожай дѣлится или пополамъ, или изъ извѣстной доли, смотря по высотѣ арендной платы въ данное время. г) Смѣшанная, когда арендаторъ расплачивается частью деньгами, частью какою-нибудь работой.

Такое разнообразіе въ формѣ арендной платы вызывается различными условіями. Съ одной стороны, владѣлецъ можетъ потребовать отработку, главнымъ образомъ, только

въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе имѣетъ скотъ, сельскохозяйственныя орудія, т.-е. имѣетъ все необходимое для земледѣльческихъ работъ. Съ другой стороны, населеніе бываетъ иногда даже вынуждено отдавать свой трудъ, когда землевладѣлецъ, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, не соглашается сдавать землю на иныхъ условіяхъ, либо когда населеніе, нуждаясь въ деньгахъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хозяйство еще приближается къ натуральному, можетъ въ уплату аренды предложить только свой трудъ.

Наконецъ, приходится различать еще, арендуется ли земля цѣлымъ обществомъ или отдѣльнымъ лицомъ. Первое имѣетъ мѣсто у насъ, главнымъ образомъ, по отношенію къ такъ называемымъ *отрѣзнымъ* землямъ, которыя при крѣпостномъ правѣ были въ пользованіи этихъ обществъ и безъ которыхъ имъ обойтись невозможно. Но съ теченіемъ времени арендованіе цѣлыми обществами уменьшается, въ зависимости отъ дифференціаціи въ экономическомъ положеніи членовъ общины: одни совсѣмъ выходятъ изъ нея, другіе не имѣютъ средствъ платить арендныя деньги, когда аренда денежная; или не имѣютъ достаточнаго инвентаря для отработки, когда аренда натуральная. Поэтому аренда цѣлыми обществами постепенно уступаетъ мѣсто арендѣ товариществами или отдѣльными лицами, имѣющими къ тому возможность. Таковы условія аренды.

Останавливаясь на составѣ лицъ арендующихъ, приходится сказать, что почти исключительно распространено у насъ въ Россіи пріарендованіе земли крестьянами. Фермерская же аренда, на подобіе англійской, встрѣчается у насъ рѣдко. При этомъ крестьянская аренда у насъ мелкая, на небольшіе сроки, большею частью на годъ, и опять-таки въ значительномъ числѣ случаевъ не за деньги, а за исполненіе различныхъ работъ. Вызывается такой характеръ аренды тѣмъ, что у насъ она является результатомъ не желанія улучшить хозяйство, а стремленіемъ этимъ путемъ избѣжать нужды, удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ. Больше всего распространена крестьянская аренда пашни на югѣ, гдѣ, во І-хъ, много даровыхъ надѣловъ и,

во 2-хъ, продолжительнѣе періодъ времени, въ теченіе котораго земледѣлецъ можетъ приложить свой трудъ къ землѣ, а слѣдовательно, и къ большему пространству, чѣмъ на сѣверѣ. Кромѣ этихъ причинъ, на большее распространеніе аренды пашни на югѣ вліяетъ еще то обстоятельство, что на сѣверѣ, при существованіи кустарныхъ промысловъ, крестьянинъ можетъ недовырученное отъ земли выручить отъ промысловъ, тогда какъ на югѣ ихъ нѣтъ, и потому, чтобы добыть денегъ для уплаты податей и для своихъ собственныхъ нуждъ, приходится производить хлѣбъ для продажи, а для этого приходится обращаться къ арендѣ, такъ какъ своей земли для всего этого не хватаетъ. Въ нечерноземной полосѣ гораздо меньше распространена аренда пашни, за то часто арендуются сѣнокосныя угодья. Объясняется это тѣмъ, что при арендѣ на годъ, главнымъ образомъ распространенной у насъ, арендаторъ черноземной полосы можетъ засѣять пашню, не прибѣгая къ удобренію, такъ какъ объ удобреніи при годичной арендѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ нечерноземной же полосѣ оставлять пашню безъ удобренія невозможно; для удобренія же необходимо держать скотъ, а для этого—арендовать сѣнокосныя угодья; если тамъ приходится арендовать и пашню, то стараются снять ее уже на нѣсколько лѣтъ, чтобъ окупить затраты на удобреніе. Встрѣчается и здѣсь аренда пашни на годъ, но уже не для хлѣба, а преимущественно для льна, и при томъ запущенной пашни, дающей первый годъ хорошій сборъ льна.

Я останавливался до сихъ поръ, главнымъ образомъ, на *внѣнадѣльной* крестьянской арендѣ, т.-е. внѣ крестьянскаго надѣла. Но рядомъ съ такой арендой существуетъ еще аренда надѣльныхъ же земель у своихъ односельчанъ, которые не обработываютъ своихъ участковъ, потому что живутъ на сторонѣ, или своего инвентаря не имѣютъ. Наиболѣе зажиточные домохозяева арендуютъ землю у покидающихъ ее, либо у продолжающихъ оставаться здѣсь же бѣдняковъ, которые часто поступаютъ въ батраки къ своему же арендатору. Такимъ образомъ, и при общинномъ

землевладѣніи фактически, хотя и не формально, является сосредоточеніе земельныхъ участковъ въ рукахъ болѣе зажиточныхъ домохозяевъ.

Изложивъ вкратцѣ общія основанія и виды аренды, я приведу теперь нѣкоторыя данныя, характеризующія распространенность аренды вообще въ Россіи и по отдѣльнымъ районамъ. Для опредѣленія общаго количества земли, арендуемой крестьянами въ каждой губерніи, можно воспользоваться данными центральнаго статистическаго комитета. Что же касается количества арендующихъ дворовъ, то данныя по этому вопросу имѣются только въ земско-статистическихъ сборникахъ для 126 уѣздовъ. Такъ какъ земско-статистическія изслѣдованія были произведены въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ Россіи, то это даетъ возможность сдѣлать нѣкоторыя обобщенія изъ этихъ данныхъ. Главнымъ образомъ, внѣнадѣльная аренда распространена на юго-востокѣ, югѣ и западѣ. Въ изслѣдованныхъ 126 уѣздахъ отношеніе арендующихъ дворовъ къ наличному числу всѣхъ дворовъ колеблется отъ 10% до 85%. Еще большія колебанія представляетъ отношеніе арендуемой внѣнадѣльной земли къ надѣльной: отъ 0,9% до 76,6%. Такое подавляющее значеніе, какъ при послѣдней и близкихъ къ ней цифрахъ, аренда имѣетъ въ сравнительно небольшомъ числѣ уѣздовъ, а именно: въ 26 уѣздахъ отношеніе арендуемой земли къ надѣльной составляетъ отъ 30% до 76,6%, въ 45 уѣзд. отъ 15% до 30% и въ 54 уѣзд. не болѣе 15%. На одинъ дворъ въ среднемъ по изслѣдованнымъ уѣздамъ приходится отъ 0,1 десят. до 23,7 десят., при чемъ, если исключить 4 уѣзда, въ которыхъ эта цифра превышаетъ 10 десят., то максимальнымъ размѣромъ арендуемой земли на 1 дворъ будетъ 9,9 десят.

Я ограничился весьма немногими данными, наиболѣе характерными. Кто желаетъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ, тотъ найдетъ много интересныхъ данныхъ въ книгѣ проф. Н. А. Карышева „Крестьянская внѣнадѣльная аренда“, откуда и мною приведены сейчасъ нѣкоторыя данныя.

Послѣднія цифры, которыя я приводилъ, показываютъ предѣлы размѣровъ аренды на 1 дворъ. Разсмотримъ теперь, въ какой зависимости стоитъ величина аренды отъ большей или меньшей степени обезпеченности надѣльною землей, а потомъ—рабочими силами семьи и скотомъ.

По первому вопросу, т. -е. относительно зависимости аренды отъ земельнаго надѣла, надо думать, что разъ крестьяне вынуждены арендовать землю для удовлетворенія насущныхъ потребностей, то чѣмъ мельче надѣлъ, тѣмъ большимъ количествомъ дворовъ будетъ арендоваться земля. Это заключеніе вполнѣ подтверждается при сопоставленіи количества арендуемой земли съ размѣрами надѣла у разрядовъ крестьянъ, различно надѣленныхъ землей, т.-е. у государственныхъ, бывшихъ владѣльческихъ и имѣющихъ дарственный надѣлъ. Составленную по такому пріему таблицу мы находимъ у проф. Карышева въ его книгѣ „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды". Надо раньше замѣтить, что всю территорію онъ раздѣляетъ на полосу меньшихъ и полосу бо̀льшихъ арендъ, смотря по ихъ распространенности въ той и другой. Таблица составлена для каждой полосы отдѣльно:

Разряды крестьянъ.	Число арендующихъ дворовъ.	Размѣръ арендуемыхъ участковъ въ десятки.
I. Полоса меньшихъ арендъ:		
Государствен.-душевые.	21,9%	1,3
Четвертные	23,8	0,9
б. влад. временно-обязан.	39,3	1,6
„ „ собственники.	46,6	1,6
„ „ дарственники	66,6	4,3
II. Полоса бо̀льшихъ арендъ:		
Четвертные	35,3%	1,9
Государств.-душевые	36,6	2,9
Казаки.	50,3	1,7
б. влад.-собственники.	55,9	3,1
б. удѣльные	60,5	5,3
б. влад. временно обязан.	61,7	4,3
„ „ дарственники	65,1	6,9

Не трудно видѣть, что и количество арендующихъ дворовъ и средній размѣръ на 1 дворъ вездѣ выше у б. владѣльческихъ, вообще хуже надѣленныхъ, чѣмъ бывш. государственные. Отсюда и заключали, что съ уменьшеніемъ надѣла увеличивается аренда, и что, такимъ образомъ, аренда восполняетъ нужду въ землѣ наименѣе обезпеченныхъ ею.

Иначе разсматриваетъ это явленіе и къ инымъ выводамъ приходитъ проф. Карышевъ въ названной книгѣ. Онъ разсматриваетъ аренду по размѣрамъ надѣла для каждаго разряда крестьянъ. Приведу для наглядности одну такую таблицу:

Камышинскій уѣздъ.

	Арендуется пахота на 1 надѣльный дворъ въ десятинахъ.						
Число десятинъ надѣльной земли на 1 дворъ	0.	0—2,5	2,5—5	5—10	болѣе 10	болѣе 20	Среднее.
Дарственные	4,6	7,1	9,1	9,2	12,2	17,7	6,7
Собственники.	1,1	3,8	3,7	5,6	10,3	22,0	5,0
Удѣльные	0,5	2,3	3,2	5,5	8,4	47,4	3,8
Государственные . . .	1,7	3,3	3,1	4,1	6 2	10,7	5,1
Поселяне собственники.	0,7	2,3	2,6	4,7	6,8	10,5	6,2

Такимъ же образомъ располагается цѣлый рядъ другихъ уѣздовъ. Получается, какъ видите, выводъ обратный тому, какой мы имѣли раньше: теперь съ увеличеніемъ надѣла увеличивается и аренда. Сопоставляя рядъ такихъ таблицъ, проф. Карышевъ приходитъ къ тому заключенію, что въ общемъ по разрядамъ больше земли арендуютъ дѣйствительно разряды менѣе обезпеченные землей, т.-е., наприм., б. владѣльческіе больше, чѣмъ бывш государственные, но

что внутри этихъ разрядовъ аренда растетъ уже не съ уменьшеніемъ надѣла, а съ увеличеніемъ его. Этотъ фактъ, въ свою очередь, по мнѣнію проф. Карышева, объясняется тѣмъ, что съ увеличеніемъ земельной обезпеченности растутъ и прочіе факторы хозяйственнаго достатка крестьянина, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность расширить свое хозяйство, арендовать землю. Этимъ выводамъ, полагаетъ проф. Карышевъ, нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ общемъ на разрядъ б. владѣльческихъ приходится больше аренды, чѣмъ на б. государственныхъ. Сравнительно высокая общая цифра аренды у первыхъ объясняется тѣмъ, что надѣлы ихъ находятся въ мѣстахъ доступныхъ и годныхъ для арендованія, тогда какъ б. государственные далеко не вездѣ поставлены въ такія условія. Главнымъ фондомъ аренды являются частновладѣльческія земли, а не государственныя, а въ этомъ отношеніи замѣчается, что гдѣ больше аренда, тамъ государственныхъ земель мало; гдѣ преобладаютъ государственные крестьяне, тамъ нѣтъ рядомъ частновладѣльческихъ земель.

Въ результатѣ такого анализа проф. Карышевъ приходитъ къ заключенію, что аренда у насъ находится въ зависимости отъ предложенія земли частными владѣльцами. Нужда въ землѣ въ общемъ настолько велика, что стремленіе къ арендѣ существуетъ при всякихъ условіяхъ, но не вездѣ можетъ осуществиться это стремленіе, не вездѣ существуетъ предложеніе частновладѣльческихъ земель. Съ другой стороны, величина аренды зависитъ отъ того, насколько дворъ снабженъ рабочими руками и скотомъ, а это, въ свою очередь, находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ величиной надѣла, почему и арендуетъ больше тотъ, кто имѣетъ больше земли. Рядъ таблицъ, приводимыхъ проф. Карышевымъ, подтверждаетъ зависимость аренды отъ количества рабочихъ силъ и скота: съ увеличеніемъ рабочихъ силъ на 1 дворъ, аренда растетъ; такой же ростъ аренды замѣчается съ уменьшеніемъ числа безлошадныхъ дворовъ.

Но эта послѣдняя зависимость аренды отъ количества

рабочихъ силъ и скота въ хозяйствѣ вноситъ существенное измѣненіе въ то положеніе проф. Карышева, что арендуютъ больше тамъ, гдѣ надѣлы крупнѣе. Если расположить дворы съ разною величиной надѣла, но съ одинаковымъ количествомъ скота, какъ это сдѣлано въ сборникѣ по Хвалынскому у. и какъ это допускаютъ сдѣлать сборники по нѣкоторымъ другимъ уѣздамъ, то получимъ, что чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ больше арендуютъ, что̀ и показываетъ, что разъ аренда земли восполняетъ недостатокъ въ собственной, то потребность въ землѣ съ уменьшеніемъ надѣла растетъ, но внѣшнее выраженіе этой потребности получается различное, въ зависимости отъ состава рабочихъ силъ семьи и рабочато скота: гдѣ больше надѣлъ, тамъ возможно содержать больше скота, а слѣдовательно, возможно больше земли арендовать. Такимъ образомъ, аренда зависитъ не только отъ предложенія земли, но въ то же время и отъ элементовъ двора: рабочихъ силъ и скота. А разъ это такъ, то и положеніе, что арендуемая земля восполняетъ недостаточность надѣловъ остается вѣрнымъ; но нельзя ставить аренду въ зависимость только отъ размѣровъ надѣла, надо брать во вниманіе еще рабочія силы и количество скота въ данномъ хозяйствѣ.

Объ арендной платѣ и срокахъ я уже упоминалъ. Наиболѣе распространенной арендною платой является денежная, до $^3/_4$ всѣхъ арендъ. Испольная и обработочная аренды преобладаютъ на югѣ и въ центральной земледѣльческой полосѣ. Если мы обратимъ вниманіе на *высоту* арендной платы, то увидимъ, что она колеблется въ зависимости отъ размѣровъ частновладѣльческой земли: гдѣ послѣдней больше, тамъ, слѣдовательно, предложеніе земли больше и арендная плата ниже, и наоборотъ. Съ другой стороны, съ увеличеніемъ взрослаго рабочаго населенія и съ уменьшеніемъ числа безлощадныхъ, арендная плата повышается, такъ какъ увеличивается спросъ на землю. Что касается *сроковъ* аренды, то, какъ я уже говорилъ, наиболѣе распространенной является аренда на короткіе сроки. Это указываетъ на то, что аренда главнымъ образомъ производит-

ся изъ нужды малоимущими хозяевами, у которыхъ нѣтъ капиталовъ для затратъ, связанныхъ съ долгосрочной арендой.

Вѣчно-наслѣдственная аренда у насъ не распространена. Вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ представляли у насъ чиншевики въ Западномъ краѣ. Когда земли тамъ были заняты крупными владѣльцами, явилась необходимость привлечь рабочихъ. Они привлекались на такихъ условіяхъ: владѣлецъ давалъ имъ усадьбу съ разными угодьями, за что они должны были платить чиншъ, а иногда отбывать нѣкоторыя натуральныя повинности. Письменныхъ обязательствъ при этомъ не заключали, но такъ какъ потребность въ населеніи была, то послѣднее и оставалось на владѣльческихъ земляхъ. Такъ было до 40-хъ годовъ. Въ это время запрещено было привлекать новыхъ чиншевиковъ. Это дало возможность владѣльцамъ не признавать правъ чиншевиковъ, такъ какъ правительство какъ бы не признавало, по мнѣнію владѣльцевъ, прежнихъ отношеній. Владѣльцы находили для себя выгоднымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сгонять чиншевиковъ и продавать землю. Поэтому въ 1886 г. изданъ былъ законъ, по которому чиншевикамъ предоставлено было право выкупить въ собственность земли, которыя они занимали. Это право было предоставлено тѣмъ, кто занялъ землю до 40-хъ годовъ. Но такъ какъ сдача земель чиншевикамъ продолжалась и послѣ 40-хъ годовъ, то и этимъ предоставлено было право выкупа, но только если земля ими была занята не позднѣе, чѣмъ за 10 лѣтъ до изданія закона о выкупѣ, и при этомъ на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ первымъ. Для выкупа установленъ былъ срокъ. Государство считало лучшимъ превращеніе вѣчно-наслѣдственной аренды въ право собственности, такъ какъ это обезпечивало крестьянъ отъ притязаній владѣльцевъ.

Я въ краткихъ чертахъ изобразилъ внѣнадѣльную крестьянскую аренду. Но кромѣ крестьянъ арендаторами являются, хотя въ значительно меньшей мѣрѣ, и другія сословія. У послѣднихъ другіе мотивы аренды, а потому естественно ожидать, что и условія другія. Такъ какъ земля арендует-

ся ими не изъ нужды, а со спекулятивными цѣлями, то и плата у нихъ ниже, чѣмъ у арендаторовъ-крестьянъ. Сравнительно рѣдко арендуютъ они земли для непосредственной сельскохозяйственной эксплоатаціи. Въ большинствѣ же случаевъ они снимаютъ большіе участки земли, разбиваютъ ихъ на мелкіе и сдаютъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, и здѣсь земля въ концѣ концовъ переходитъ въ пользованіе крестьянъ.

Остается разсмотрѣть, кто *сдатчики*. Сдаются государственныя земли, удѣльныя и частновладѣльческія. Но первыя двѣ категоріи земель сдаются въ аренду сравнительно мало, и при томъ, главнымъ образомъ, не крестьянамъ, а другимъ сословіямъ, которыя либо сами эксплоатируютъ землю, либо—и это бываетъ очень часто — сдаютъ ее опять-таки крестьянамъ небольшими участками. Что касается послѣдней категоріи, частновладѣльческихъ земель, то онѣ арендуются почти исключительно крестьянами. Сдаютъ частные владѣльцы по уѣздамъ отъ 1,2% до 30% всей своей земли, а если брать одну только пашню, которая преимущественно и арендуется, въ особенности въ черноземной полосѣ, то изъ нея сдается отъ $^1/_3$ и болѣе до 57%. Не стану повторять здѣсь мотивовъ, вынуждающихъ частныхъ владѣльцевъ къ сдачѣ земли, такъ какъ объ этомъ я уже говорилъ раньше. Тамъ же мною было указано, почему сдаютъ свои земли въ аренду за деньги или отработку больше крупные владѣльцы, чѣмъ средніе. Указанное положеніе частновладѣльческаго хозяйства въ Россіи подтверждается кромѣ земско-статистическихъ изслѣдованій еще данными Дворянскаго банка объ оцѣнкѣ заложенныхъ земель. Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что изъ общаго числа заложенныхъ имѣній, сдается въ аренду земля въ нечерноземной полосѣ въ 29,7% имѣній, а въ черноземной—въ 28,2%. Изъ остального количества собственными средствами хозяйство ведется далеко не во всѣхъ имѣніяхъ. Такъ, менѣе чѣмъ въ 40% (39,9% въ нечерноземн., 39,2% въ черноземн.) имѣній хозяйство ведется за счетъ владѣльцевъ собственнымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ;

9% составляютъ имѣнія, гдѣ хозяйство совсѣмъ не ведется. Изъ тѣхъ же свѣдѣній Дворянскаго банка мы узнаемъ, что около 40% всего числа частновладѣльческихъ хозяйствъ не имѣютъ своего скота и, слѣдовательно, въ нихъ приходится прибѣгать къ обработкѣ полей крестьянскимъ скотомъ. Всѣ эти данныя достаточно убѣдительно говорятъ о томъ, что крупные землевладѣльцы только въ весьма недостаточной степени могутъ у насъ использовать свой земельный фондъ, почему и предоставляютъ большую часть его въ пользованіе крестьянамъ, а съ другой стороны свидѣтельствуютъ о томъ, насколько несамостоятельно ведутъ они свои хозяйство даже въ предѣлахъ собственнаго пользованія своей землей.

Итакъ, фактическія данныя относительно распространенности и условій земельной аренды въ Россіи приводятъ къ тому, что помимо огромной площади надѣльной земли, и изъ внѣнадѣльной большая часть поступаетъ для сельскохозяйственныхъ цѣлей въ пользованіе крестьянъ. Если землю и арендуютъ крупные съемщики, то опять-таки въ огромномъ большинствѣ случаевъ не для того, чтобы вести собственное крупное хозяйство, а для передачи въ руки тѣхъ же крестьянъ. Такимъ образомъ, какъ разсмотрѣніе землевладѣнія, такъ и землепользованія въ Россіи, даже при томъ бѣгломъ обзорѣ, которому мы могли удѣлить здѣсь время, показываетъ, что главная масса земли на тѣхъ или иныхъ условіяхъ сосредоточена у насъ въ рукахъ массы населенія, прилагающаго къ ней непосредственно свой трудъ, пользующагося ею какъ источникомъ приложенія своего труда и добыванія для себя этимъ путемъ средствъ существованія. Это, конечно, не составляетъ специфической особенности Россіи и представляетъ собою картину прошлаго и многихъ другихъ странъ, значительно сократившихъ у себя эту массу крестьянства, но... не при тѣхъ историческихъ условіяхъ, не при томъ строѣ и развитіи международнаго рынка и, можно сказать, всемірнаго хозяйства, при которыхъ у насъ въ Россіи существуетъ такая масса земледѣльческаго населенія. И если та значительно меньшая раз-

ница въ историческихъ условіяхъ сравнительно съ Англіей, при которой вступили на стезю капиталистическаго развитія Франція, Германія, Австрія,—не могла искоренить тамъ крестьянства, то еще менѣе возможности представляется къ тому въ Россіи. А въ такомъ случаѣ и нашему капитализму предстоятъ иные пути развитія, и изученіе этихъ путей, условій, послѣдствій его развитія возможно только путемъ тщательнаго ознакомленія съ условіями нашей дѣйствительности. Впрочемъ, намъ еще придется вернуться къ этому при дальнѣйшемъ чтеніи моего курса.

Примѣчаніе. Для ознакомленія съ вопросомъ объ арендѣ въ его теоретической постановкѣ, выясняемой на фактахъ дѣйствительной жизни, нельзя рекомендовать ничего лучшаго, какъ книгу **А. А. Мануилова:** „Аренда земли въ Ирландіи". М. 1895 г. Съ условіями и распространенностью аренды у насъ знакомитъ на основаніи земско-статистическихъ изслѣдованій книга **Н. А. Карышева:** „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды". Дерптъ 1892 г.

Общія замѣчанія, по поводу двухъ предшествующихъ отдѣловъ.

Описаніемъ землевладѣнія и землепользованія заканчивается одинъ изъ самыхъ существенныхъ отдѣловъ сельскохозяйственной экономіи. Какъ я уже упоминалъ въ прежнихъ лекціяхъ, при отмѣнѣ крѣпостного права существовало мнѣніе, что произведенное тогда надѣленіе землей избавитъ Россію отъ тѣхъ тяжелыхъ фазисовъ соціальной эволюціи, которые переживала Западная Европа. Однако, рядъ отступленій отъ первоначальнаго проекта реформы не замедлилъ вскорѣ обнаружить необезпеченность населенія землей, которая съ ростомъ населенія должна была еще постепенно увеличиваться. Не замедлилъ выдвинуться на очередь вопросъ о переселеніи, правильнаго рѣшенія котораго мы не имѣемъ и до сихъ поръ, хотя самый фактъ переселенія не только продолжаетъ существовать, но даже все настойчивѣе требуетъ опредѣленной организаціи. Разъ возникшая земельная необезпеченность постепенно растетъ и въ свою очередь вызываетъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для экономической жизни послѣдствій. Такъ, цѣлымъ рядомъ изслѣдованій подтверждается, что въ прямомъ отношеніи къ величинѣ надѣла стоитъ степень обезпеченности даннаго хозяйства рабочими силами, живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Прежде всего можно отмѣтить, что *населеніе* размножается въ зависимости отъ величины надѣла. По исчисленіямъ за 25 лѣтъ со времени послѣдней ревизіи 1858 года оказывается, что при надѣлѣ до 5 десятинъ на 1 хозяйство приростъ

населенія составляетъ 15,7%, отъ 5 до 10 десят.— 29,4%, до 15 десят.— 35,4%, отъ 15 до 20 десят.— 40,8%, болѣе 20 десят.— 54,8 десят., въ среднемъ, 31 9%. Приведенныя цифры достаточно ясно иллюстрируютъ указанную зависимость, при чемъ приведенное сопоставленіе одинаково сохраняетъ свою силу для всей Россіи. По отношенію къ *элементамъ хозяйственной жизни* для всей Россіи такого сопоставленія сдѣлать нельзя, но можно отмѣтить по отдѣльнымъ уѣздамъ измѣненіе разныхъ хозяйственныхъ факторовъ въ зависимости отъ величины надѣла въ одномъ направленіи, т.-е. ослабленіе этого фактора съ уменьшеніемъ надѣла и наоборотъ. Такъ, наприм., съ увеличеніемъ надѣла увеличивается количество *скота* въ каждомъ хозяйствѣ, и наоборотъ, число безлошадныхъ дворовъ увеличивается съ уменьшеніемъ размѣровъ надѣла. Не лишнимъ будетъ указать здѣсь, что число дворовъ безъ рабочаго скота, составляющее 25.3% къ общему числу дворовъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ доходитъ до 40%. Это данныя до 1891 голоднаго года, когда отношеніе это выразилось еще рѣзче и число безлошадныхъ дворовъ увеличилось еще больше. Но затѣмъ нельзя еще признать вполнѣ хозяйственными тѣ дворы, которые имѣютъ только одну лошадь, такъ какъ въ среднемъ на 1 дворъ приходится больше 1 рабочей силы и вести хозяйство съ 1 лошадью далеко не всегда представляется возможнымъ. Если теперь къ 25.3% безлошадныхъ прибавить дворы съ 1 лошадью, то вмѣстѣ это составитъ 51% ко всему числу дворовъ. Остается упомянуть еще, что около 7% составляютъ у насъ бывшіе дворовые, вовсе не получившіе надѣла, и наконецъ, по даннымъ земско-статистическихъ изслѣдованій, относящимся, слѣдовательно, не ко всей Россіи, а только къ цѣлому ряду уѣздовъ, гдѣ эти изслѣдованія были произведены,— не обрабатывающіе своихъ надѣловъ и не сдающіе ихъ въ аренду, а просто забрасывающіе ихъ, составляютъ 2,1%, сдающіе въ аренду весь надѣлъ — 5%, сдающіе часть надѣла въ аренду, или весь въ обработку, или часть обрабатывающіе своимъ инвентаремъ, часть наемнымъ—15,6%; къ этому при-

соединяется еще небольшая группа недостаточно обезпеченныхъ скотомъ на югѣ, гдѣ 2 двора соединяютъ свой инвентарь (воловъ, наприм.) для обработки; такихъ дворовъ— 6,8%.

И приведенныхъ цифръ достаточно, чтобы ясно видѣть, что и у насъ довольно значительно число лицъ, которыя фактически не имѣютъ возможности приложить свой трудъ къ землѣ или имѣютъ къ тому не полную возможность. Слѣдовательно, и у насъ требуетъ разрѣшенія вопросъ, какія условія создаются существованіемъ этой необезпеченной массы подобно западно европейскому пролетаріату? Неурожай 1891 г. и нѣкоторыя экономическія явленія, выразившіяся за послѣдніе годы на поверхности экономической жизни, оживили споры о капитализмѣ: развивается онъ у насъ или нѣтъ? Я уже говорилъ, что здѣсь невѣрна самая постановка вопроса. Даже независимо отъ изложенныхъ сейчасъ фактовъ, можно рѣшить этотъ вопросъ утвердительно, такъ какъ капитализмъ явленіе международное, свойственное всѣмъ странамъ, а не отдѣльнымъ только. Но и помимо международнаго характера капитала, помимо того, что капиталы переходятъ изъ Россіи и въ Россію, самая отмѣна крѣпостного права вызывалась тѣмъ, что необходимымъ являлось измѣнить условія производства въ зависимости отъ развитія экономической жизни, требовавшей большаго простора для развитія промышленности, для развитія капиталистическихъ отношеній; къ тому же нѣкоторыя условія владѣнія землей въ то время, а затѣмъ и впослѣдствіи, благопріятствовали по мѣстамъ отдѣленію части населенія отъ земли и переходу на фабрики.

Но если невѣрна такая постановка вопроса, то совершенно правомѣрнымъ является вопросъ: какой путь для развитія капитализма представляютъ условія русской экономической жизни? Изъ существованія этого вопроса не вытекаетъ необходимость полной аналогіи съ другими странами въ его рѣшеніи. Каждое явленіе въ своемъ развитіи выливается въ извѣстныя формы въ зависимости отъ обстановки. Россія въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторыя экономическія

особенности, на которыхъ я неоднократно останавливался въ продолженіе своего курса. Въ главѣ о распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи я указалъ на то, что въ Россіи число лицъ, владѣющихъ землей, составляетъ 36% ко всему населенію, тогда какъ въ другихъ государствахъ, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ въ томъ же мѣстѣ цифръ, отношеніе это въ значительной степени ниже. Это обстоятельство представляетъ отличіе, налагающее особенную печать на русскую экономическую жизнь еще потому, что въ земледѣліи капитализмъ не имѣетъ такой почвы для своего развитія, какъ въ обработывающей промышленности. Даже въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ капитализмъ достигъ значительнаго развитія, мы въ земледѣльческомъ хозяйствѣ не находимъ такихъ крупныхъ формъ, какъ въ обработывающей промышленности.

Но и помимо того, что въ земледѣліи не замѣчается капитализаціи въ тѣхъ размѣрахъ и въ тѣхъ формахъ, какъ въ обработывающей промышленности,—въ немъ при мелкомъ землевладѣніи значительная часть того, что извлекается изъ земли, потребляется самимъ производителемъ. Если мы обратимся къ фабричному или ремесленному производству, то увидимъ, что въ основѣ его лежитъ производство для сбыта, и та часть продуктовъ, которая идетъ непосредственно производителю, составляетъ такую ничтожную долю всего производства, что ее не приходится даже брать въ разсчетъ. Производство здѣсь разсчитано исключительно на сбытъ, а слѣдовательно благосостояніе рабочаго всецѣло зависитъ отъ состоянія рынка, отъ спроса и цѣны. Въ земледѣліи по отношенію къ мелкому производителю дѣло стоитъ иначе: если взять небольшой участокъ земли, то большая часть его обработывается подъ такіе продукты, которые идутъ на непосредственное потребленіе семьи производителя. Въ особенности рѣзко бросается это въ глаза тамъ, гдѣ земледѣліе не составляетъ исключительнаго промысла населенія, а именно въ промышленной области, гдѣ населеніе занимается еще земледѣліемъ. Здѣсь мелкій землевладѣлецъ прямо уже ограничиваетъ

производство продуктами обычнаго ежедневнаго потребленія; главная, если не единственная задача его земледѣлія въ удовлетвореніи своихъ пищевыхъ потребностей, а не въ производствѣ на сбытъ, а слѣдовательно и устойчивость его земледѣльческаго хозяйства не стоитъ въ такой зависимости отъ рынка, какъ въ обработывающей промышленности. Если онъ произвелъ достаточное для себя количество продуктовъ, то онъ и не справляется о состояніи рынка. Если даже на рынкѣ хлѣбъ дешевле, чѣмъ ему обошелся, то и тогда онъ не прекращаетъ своего хозяйства, такъ какъ переходъ къ другому занятію былъ бы для него выгоднѣе только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ могъ извлечь тогда больше; но на фабрикѣ ему дали бы не больше того, что необходимо для удовлетворенія его насущныхъ потребностей. Поэтому-то и порываютъ съ земледѣліемъ крестьяне въ большинствѣ случаевъ только тогда, когда средства производства ихъ настолько недостаточны, что веденіе собственнаго хозяйства дѣлается уже прямо невозможнымъ. Въ силу сказаннаго, у насъ даже въ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ преобладающимъ остается потребительное, а не рыночное значеніе производства, а это, при указанномъ уже преобладаніи крестьянскаго хозяйства у насъ, составляетъ опять-таки особенность русской экономической жизни.

Если мы обратимся къ землепользованію, поскольку оно выражается въ *арендѣ*, то и здѣсь мы увидимъ значительную разницу въ существованіи этого явленія у насъ и на Западѣ. Въ Россіи распространенъ тотъ же типъ аренды, что и въ Ирландіи, т.-е. на короткіе сроки, но тамъ аренда производится населеніемъ, не имѣющимъ никакой собственности, а въ Россіи—населеніемъ, которое имѣетъ свою землю. Рядъ неблагопріятныхъ условій, вытекающихъ изъ существованія аренды въ Ирландіи, наблюдается и у насъ, но не въ такой сильной степени, такъ какъ здѣсь имѣетъ мѣсто фактъ собственности. Но, съ другой стороны, въ Ирландіи обращено вниманіе на регулированіе арендныхъ отношеній: государство предоставляетъ собственнику сдавать или не

сдавать свою землю въ аренду; но разъ она сдана, государство беретъ на себя охрану и регулированіе отношеній собственника и арендатора, и послѣдній всегда можетъ получить то, что онъ затратилъ. У насъ же арендныя отношенія еще не урегулированы и общественное значеніе этого факта еще не признано. Анализъ землевладѣнія и землепользованія въ Россіи приводитъ насъ къ тому заключенію, что у насъ оба эти явленія соединены въ такой комбинаціи, какой мы не замѣчаемъ на Западѣ.

Я указалъ на нѣкоторыя особенности русской экономической жизни. Не предрѣшая значенія этихъ особенностей, я счелъ необходимымъ указать на нихъ, какъ на status quo нашей экономической жизни, какъ на фактическое состояніе, которое необходимо должно быть принято во вниманіе при различныхъ соображеніяхъ о дальнѣйшемъ развитіи страны. Приведенныя мною указанія далеко не претендуютъ на подробное изображеніе современнаго состоянія Россіи. По недостатку времени я, конечно, не могу остановиться на этомъ въ ущербъ другимъ отдѣламъ моего курса. Не предлагая вамъ никакихъ готовыхъ рѣшеній, я хотѣлъ только поставить предъ вами вопросъ. Подробное и непредубѣжденное изученіе его, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ фактическомъ отношеніи, можетъ вывести Васъ на путь болѣе или менѣе правильнаго его разрѣшенія.

По вопросу о развитіи у насъ капитализма въ обрабатывающей промышленности я уже высказался въ свое время. Въ этой области вопросъ этотъ, еще сравнительно недавно вызывавшій сомнѣнія у нѣкоторыхъ, можно считать теперь рѣшеннымъ утвердительно. Другое дѣло—въ сельскомъ хозяйствѣ. И до сихъ поръ нельзя считать выясненнымъ: поскольку сельское хозяйство представляетъ благопріятную почву для развитія капитализма. Но во всякомъ случаѣ эволюція капитализма совершается здѣсь по инымъ путямъ, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности.

А разъ вопросъ этотъ, представляющій особенную важность для Россіи, не выясненъ, разъ болѣе $^1/_3$ населенія у насъ владѣетъ землей, болѣе 60% является земледѣль-

ческимъ и только немного болѣе 1 милліона насчитывается въ фабричной промышленности, тогда какъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ въ послѣдней насчитывается болѣе $^1/_3$ населенія, при чемъ не только бо̀льшая часть сельскаго, но и нѣкоторая часть фабричнаго населенія является у насъ надѣленной землей,—разъ, повторяю, существуютъ рядомъ съ этимъ нѣкоторыя экономическія особенности, на которыя я указывалъ, то заключать отсюда, игнорируя все это, о полной аналогіи съ другими странами экономической эволюціи у насъ—представляется совершенно невозможнымъ.

Только внимательная провѣрка добытыхъ наукой теоретическихъ положеній на фактахъ русской дѣйствительности, внимательное изученіе, безъ всякой предвзятой мысли, какъ прогрессивныхъ, такъ и регрессивныхъ явленій русской экономической эволюціи, въ зависимости отъ условій времени, мѣста и всей исторической обстановки, могутъ указать намъ путь дѣйствительнаго развитія, а не какого нибудь фатальнаго или желательнаго намъ, при чемъ всѣ приведенныя данныя не позволяютъ намъ въ настоящее время намѣтить даже, что предстоящій намъ путь является исполненнымъ меньшихъ или большихъ препятствій, чѣмъ то было на Западѣ. Но само собой разумѣется, что чѣмъ болѣе ясное представленіе выработаемъ мы объ этомъ пути, чѣмъ сильнѣе и отчетливѣе будетъ у массы населенія сознаніе объ условіяхъ развитія экономическихъ отношеній, тѣмъ болѣе это развитіе можетъ совершаться, при равенствѣ прочихъ условій, сообразно интересамъ массы населенія и тѣмъ выше будетъ благосостояніе страны.

VI. Распредѣленіе земли по угодьямъ.

Говоря о распредѣленіи земли между различными категоріями владѣльцевъ, я бралъ во вниманіе всю площадь, занятую 49 губерніями Европейской Россіи. Обыкновенно же по отношенію къ сельскому хозяйству изъ всей этой площади выдѣляютъ только *производительную поверхность*, которая въ данное время либо занята производительнымъ хозяйствомъ, либо для него предназначается. Но необходимо имѣть въ виду, что понятіе „производительная поверхность“ не есть что-то неизмѣнное: производительная въ данное время поверхность можетъ, въ силу какихъ-нибудь естественныхъ условій или вслѣдствіе чрезмѣрнаго истощенія ея человѣкомъ, сдѣлаться непроизводительной, и наоборотъ, непроизводительная теперь поверхность можетъ перейти въ категорію производительныхъ, благодаря воздѣйствію на нее человѣка.

По *естественнымъ* условіямъ не принадлежатъ къ производительной поверхности: сыпучіе пески (находятся, однако, такія растенія, которыя вырастаютъ на пескѣ, связываютъ почву и подъ вліяніемъ климатическихъ и атмосферическихъ условій допускаютъ обработку земли), овраги, недоступныя гористыя мѣстности, различныя обнаженія гранита (въ извѣстныхъ случаяхъ и эта поверхность можетъ быть обращена въ производительную). Часть земли относится къ непроизводительной въ сельскохозяйственномъ смыслѣ, вслѣдствіе другого хозяйственнаго назначенія ея, какъ-то: площадь подъ городами, селеніями, дорогами. Всѣ перечисленныя ка-

тегоріи, кромѣ земель подъ городами и селами, носятъ названіе *неудобныхъ* земель. Процентное отношеніе такихъ земель въ каждой странѣ зависитъ отъ природныхъ условій, густоты населенія и, наконецъ, отъ степени сельскохозяйственной культуры. Для нѣкоторыхъ странъ это отношеніе выражается слѣдующими цифрами: въ Великобританіи производительная поверхность составляетъ 37% изъ общей площади, въ Шотландіи—28%, во Франціи—84%, въ Австріи—95%, въ Пруссіи—86%, въ Баденѣ—99%. Въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи неудобной земли считается около 19%, но по областямъ она распредѣляется далеко не равномѣрно. Наибольшій процентъ (28%) падаетъ на казенныя земли. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что казнѣ принадлежитъ часть такихъ земель, которыхъ никто не бралъ (солончаки, пески), а, съ другой стороны, казенное землевладѣніе преобладаетъ на сѣверѣ, гдѣ большая площадь неудобна для земледѣльческой культуры (тундры). Въ крестьянскомъ землевладѣніи неудобной земли числится около 8%. Вычитаніемъ непроизводительной площади опредѣлится вся площадь, предназначенная для сельскохозяйственной культуры (около 80%).

Удобная земля дѣлится на различныя части, *угодья*, соотвѣтственно ихъ назначенію. Дѣленіе это обусловливается отчасти естественными условіями, отчасти характеромъ воздѣйствія человѣка на почву. Примѣромъ перваго можетъ служить лѣсъ, второго—пашня. Итакъ, соотвѣтственно своему назначенію земля дѣлится на угодья: *лѣсныя*, *луговыя* (покосы заливные, поемные, лѣсные и др.), *пастбищныя или выгонныя*, *пашни*, *сады*, *огороды*, *усадебныя*. Наибольшее значеніе изъ перечисленныхъ угодій имѣетъ *пашня*, такъ какъ она предназначена производить главный предметъ потребленія—хлѣбъ, и кромѣ того она требуетъ больше труда и создана этимъ трудомъ. По пространству, занимаемому пашней среди другихъ угодій, измѣряется интенсивность сельскохозяйственной культуры, и въ силу этого системы различаются по чередованію пашни: трехпольная, плодопеременная и другія системы полеводства. Всѣ сѣнокосныя угодья

предназначаются для корма скота, но и въ пашнѣ встрѣчаются кормовыя травы. Разъ назначеніе пашни – производить пищу для человѣка, то можно было бы ожидать, что съ увеличеніемъ населенія въ странѣ будетъ расти и количество пашни на счетъ лѣсовъ и выгоновъ. Исторически это, конечно, вѣрно, т.-е. съ теченіемъ времени распахивалось все больше земли. Но если въ данное время сравнить страны съ различною плотностью населенія, то получатся слѣдующіе выводы. Въ Англіи приходится населенія на кв. килом. 100 человѣкъ, во Франціи—60, въ Россіи—17. Между тѣмъ въ Англіи пашня составляетъ 30% всей удобной площади, во Франціи—60%, въ Россіи около 30%, а на каждаго жителя приходится въ Англіи 0,3 килом. пашни, во Франціи—0,6.

Такая разница зависитъ, помимо естественныхъ условій (гористая, болотистая, ровная, черноземная мѣстность), еще отъ различной системы культуры, различнаго приложенія труда и капитала. Въ Россіи, напримѣръ, въ значительной степени распространена еще залежная система хозяйства, тогда какъ въ Англіи мы застаемъ сельскохозяйственную культуру на довольно высокой ступени. Но приведенныя сейчасъ обстоятельства не даютъ еще полнаго объясненія разсматриваемому явленію. Такъ, если взять страны съ одинаковыми естественными условіями и одинаковой земледѣльческою культурой, то разница въ количествѣ пашни на 1 жителя все же продолжаетъ существовать. Очевидно, кромѣ указанныхъ надо искать еще другихъ причинъ. И дѣйствительно, мы находимъ ихъ въ соціально-экономическихъ условіяхъ страны, въ условіяхъ землевладѣнія. Статистическія данныя показываютъ, что при мелкомъ землевладѣніи пищевая площадь составляетъ большій процентъ, чѣмъ при крупномъ. При первомъ каждый стремится прежде всего произвести пищу для себя. И чѣмъ меньше бюджетъ хозяйства, тѣмъ большій % падаетъ на удовлетвореніе потребности въ пищѣ. Такъ, по даннымъ американской статистики, при общемъ бюджетѣ хозяйства въ 200 долларовъ, расходъ на пищу составляетъ

49,6%, при бюджетѣ 200—300 дол.—44,26%, далѣе вмѣстѣ съ ростомъ бюджета этотъ % падаетъ, такъ что, наприм., при бюджетѣ 1.200 долларовъ—составляетъ 28,63% и т. д. Это же явленіе наблюдается и у насъ. Статистическія данныя для Воронежской губ., по Острогожскому уѣзду, показываютъ, что у бывш. государственныхъ крестьянъ, при среднемъ годовомъ бюджетѣ 541 р. 30 к. на хозяйство, расходъ на пищу составляетъ 161,2 руб.; у бывш. владѣльческихъ крестьянъ, при бюджетѣ 417 р. 70 к., тотъ же расходъ составляетъ 168 р. 70 к. При такихъ условіяхъ мелкое землевладѣніе прежде всего обезпечиваетъ себѣ пищу, а такъ какъ земли въ данномъ случаѣ немного, то подъ пашню уходитъ больше всего; то или иное количество ея опредѣляется составомъ семьи и наличностью рабочаго скота. Понятно, что для мелкаго землевладѣнія существуютъ иные разсчеты, чѣмъ для крупнаго. При пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, мелкій землевладѣлецъ будетъ продолжать свое земледѣльческое хозяйство, тогда какъ крупный станетъ сокращать запашку, и если, наприм., повышается цѣна на мясо, то послѣдній рядомъ съ такимъ сокращеніемъ станетъ расширять пастбищное хозяйство. А въ такомъ случаѣ онъ значительно сокращаетъ количество рабочихъ и рабочаго скота, который онъ не можетъ при земледѣльческомъ хозяйствѣ эксплоатировать круглый годъ.

Изъ слѣдующей таблицы (для Ирландіи) можно видѣть, какъ съ увеличеніемъ всей площади уменьшается относительно часть, находящаяся подъ пашней:

Фермы	подъ пустошами	подъ кормами	подъ растит пищей
до 0,4 гект.	8,8	5,8	84 3
„ 2	8.3	27,7	63,0
„ 7	8,4	42,7	47,7
„ 12	11.0	47,8	40,7
„ 20	13,5	50,4	35,3
„ 40	15,7	54,1	29,0
„ 80	20,2	56,5	21,3
„ 200	30,4	52,0	12,9
болѣе 200	61,3	32,2	3,2

Съ ростомъ перваго столбца правильно понижается послѣдній. Вотъ почему въ Англіи, странѣ крупнаго землевладѣнія, болѣе $^3/_4$ всей производительной площади предназначается для корма скота. Рядомъ съ этимъ постепеннно сокращается площадь подъ пшеницей, увеличиваясь подъ овсомъ. Для англійскаго крупнаго хозяйства при настоящихъ условіяхъ представляется болѣе выгоднымъ сокращать площадь подъ хлѣбами, расширяя пастбища, и извлекать, такимъ образомъ, доходы съ наименьшимъ приложеніемъ труда и капитала, и это несмотря на то, что цѣны на мясо тамъ не растутъ. Иначе представляется все это для мелкаго собственника, который прежде всего долженъ при помощи земледѣлія обезпечить себѣ продовольствіе Все сказанное мною сейчасъ подтверждается наблюденіями и фактами, относящимися и къ Россіи, къ разсмотрѣнію которыхъ я и перехожу.

Въ Россіи, кромѣ 19,1% неудобныхъ земель, остальная удобная площадь распредѣляется слѣдующимъ образомъ: пахатныя земли составляютъ 26,2%, луга и выгоны—15,9%, лѣса—38,8%. *Лѣсная* площадь преобладаетъ на сѣверѣ (въ Вологодской губ., наприм., 86,3%), въ черноземной полосѣ она составляетъ 15,3%, въ нечерноз.—53,5%. По категоріямъ владѣльцевъ лѣса распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ земляхъ казенныхъ и удѣльныхъ они составляютъ наибольшій %—64,3%, въ частновладѣльческихъ—почти такой же, какъ въ среднемъ для всей Россіи—37,6%, въ крестьянскихъ всего меньше—10,1%. Если мы обратимся къ *пашнѣ*, то увидимъ здѣсь распредѣленіе обратное распредѣленію лѣсовъ: въ черноземной полосѣ она занимаетъ почти $^1/_2$ этой площади—49.4%, въ нечерноземной—12,6%. Наибольшій % пашни приходится на губ. Курскую (74,2%) и Тульскую (73%), что объясняется характеромъ этихъ мѣстъ, черноземныхъ и безлѣсныхъ, и кромѣ того стоитъ въ связи съ условіями землевладѣнія. Наименьшій % пашни въ Астраханской, Пермской и трехъ сѣверныхъ губ. (въ Архангельской 0,8%). Таково территоріальное распредѣленіе пашни. Далѣе, по категоріямъ владѣній, только 1,7%

занимаетъ пашня въ земляхъ казны и удѣловъ, которые извлекаютъ доходъ главнымъ образомъ отъ эксплоатаціи лѣса; у частныхъ владѣльцевъ пашня составляетъ около 27%, а у крестьянъ всего больше—53,7%, при чемъ по полосамъ эта цифра колеблется отъ 46,1% для нечерноземной полосы до 58,3% для черноземной. Разница, какъ видно, небольшая, тогда какъ у дворянъ % пашни доходитъ до 41,1% въ черноземной полосѣ, составляя только 10,6% въ нечерноземной, т.-е. разница почти въ 4 раза. Очевидно, предѣлы крестьянской пашни гораздо ближе и не допускаютъ такихъ рѣзкихъ колебаній, какія допускаются болѣе крупными не крестьянскими владѣніями. Наконецъ, даже среди крестьянскихъ земель можно замѣтить, что бывшіе государственные крестьяне, лучше надѣленные, распахиваютъ меньше, чѣмъ бывшіе владѣльческіе, хотя въ данномъ случаѣ надо имѣть въ виду невыгодную сторону чрезмѣрно мелкихъ владѣній: можетъ распахиваться болѣе, чѣмъ то допускаютъ естественныя условія. Изъ слѣдующаго ряда цифръ для частныхъ владѣній нашей черноземной полосы можно еще разъ убѣдиться въ обратной зависимости между общею площадью даннаго владѣнія и количествомъ пашни:

владѣнія	пашня въ%
до 200 дес.	62,5
отъ 200 до 500	58,2
отъ 500 „ 1000	52,6
свыше 1000	33,4

То же и для нечерноземной полосы.

Обратимся къ другимъ угодьямъ: *луговымъ* и *пастбищнымъ*. У крестьянъ первыя преобладаютъ надъ послѣдними, такъ какъ они дорожатъ лугами и часть пастбища стараются обратить въ луга, а скотъ пасутъ на пару и жнитвѣ. Частные владѣльцы относительно этихъ угодій стоятъ въ другихъ условіяхъ: у нихъ пастбище преобладаетъ надъ лугомъ и часть его они нерѣдко сдаютъ крестьянамъ въ аренду. Тѣмъ не менѣе по отношенію къ пашнѣ крестьяне бѣднѣе лугомъ, чѣмъ частные владѣльцы, что

крайне неблагопріятно отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ: при трехпольной системѣ, наиболѣе распространенной у насъ и требующей достаточнаго количества удобренія, для того чтобы хозяйство велось успѣшно, необходимо, чтобъ отношеніе луга къ пашнѣ приблизительно составляло 60:40, тогда какъ въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ отношеніе это значительно ниже. И наконецъ, угодья *огородныя* и *усадебныя* у крестьянъ составляютъ 3,6—4% всей площади, у частныхъ владѣльцевъ—1%.

Разсмотримъ теперь подробнѣе *пахатныя* угодья. Здѣсь, при преобладающей у насъ трехпольной системѣ, различается обыкновенно посѣвная площадь, которая находится въ данномъ году подъ посѣвомъ и паръ, который къ нему подготовляется. Но рядомъ съ трехпольнымъ хозяйствомъ у насъ и до сихъ поръ продолжаетъ существовать залежное: распаханная нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ земля оставляется на болѣе или менѣе продолжительное время, такъ сказать для отдыха, пока снова не подвергнется обработкѣ. Съ одной стороны залежь такъ и входитъ въ систему земледѣлія, съ другой—большое количество залежей у насъ образовалось послѣ отмѣны крѣпостного права: до отмѣны его помѣщики разработывали столько земли, сколько при сократившемся количествѣ рабочихъ силъ, послѣ 19 февраля 1861 г., представлялось невозможнымъ, и масса распаханныхъ къ тому времени земель перестала обработываться. Въ среднемъ по всей Россіи изъ 40%, занятыхъ паромъ и залежью, около 25% находится подъ паромъ и около 15% подъ залежью.

У крестьянъ паръ составляетъ относительно, конечно, почти ту же площадь, что и у частныхъ владѣльцевъ — 25 — 30%. Послѣдняя цифра прямо уже указываетъ на трехпольное хозяйство. Но такъ какъ отклоненія отъ этой средней гораздо чаще встрѣчаются и гораздо рѣзче у частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ у крестьянъ, то остается, слѣдовательно, заключить, что залежное хозяйство болѣе распространено въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крестьянскихъ, что подтверждается и цифровыми дан-

ными, по которымъ въ первыхъ залежи составляютъ 21,5%, въ послѣднихъ 12,1%.

За вычетомъ 40%, находящихся подъ паромъ и залежью, остальные 60% пашни составляютъ собственно посѣвную площадь, которая распредѣляется между крестьянами и частными владѣльцами такимъ образомъ, что у первыхъ она въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ у послѣднихъ. Въ посѣвной площади мы замѣчаемъ различные виды посѣва; главные изъ нихъ—зерновые хлѣба: пшеница, рожь, ячмень и овесъ. Названные хлѣба занимаютъ въ среднемъ 91,9% всей посѣвной площади: у крестьянъ — 92,9%, у частныхъ владѣльцевъ — 89%, при чемъ отношеніе между пространствами подъ этими хлѣбами можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

% въ посѣвной площади.

	Всего	У крестьянъ	У частн влад.
Рожь	37	38,7	32,2
Пшеница. .	16,6	14,9	21,0
Овесъ . . .	12,7	12,6	12,7
Ячмень . .	13,9	20,9	19,9

По полосамъ рожь преобладаетъ въ нечерноземной полосѣ — 42,5%, опускаясь въ черноземной до 33%. Почти вся пшеничная площадь приходится на черноземную полосу — 95%, и только 5% на нечерноземную.

Большая часть посѣвной площади, какъ у частныхъ владѣльцевъ, такъ въ особенности у крестьянъ, занята рожью. Для послѣднихъ это объясняется тѣмъ, что они сѣютъ хлѣбъ главнымъ образомъ для собственнаго потребленія, а для этой цѣли крестьянамъ почти исключительно служитъ рожь. Что же касается частныхъ владѣльцевъ, то преобладаніе ржаныхъ посѣвовъ у нихъ объясняется тѣмъ, что наша рожь очень цѣнится на всемірномъ рынкѣ, куда главнымъ поставщикомъ этого хлѣба является Россія.

Значительно меньше, какъ можно видѣть изъ приведенной таблицы, находится подъ пшеницей, всего 16,6%, при чемъ меньше у крестьянъ — 14,9% и больше у частныхъ

владѣльцевъ—21,9%, во всей же частновладѣльческой землѣ пшеничная площадь занимаетъ 4,1%.

Далѣе я указалъ, что подъ овсомъ у насъ находится 12,7% всей площади и подъ ячменемъ 13,9%. Надо замѣтить, что ячмень по цѣнѣ выше овса, такъ какъ составляетъ суррогатъ ржи у крестьянъ, идетъ, между прочимъ, на приготовленіе пива, и сѣять его было бы гораздо выгоднѣе, чѣмъ овесъ. Ячмень и занималъ бы поэтому бо̀льшую площадь, но дѣло въ томъ, что онъ требуетъ особой почвы и менѣе выдерживаетъ неблагопріятныя климатическія условія.

Итакъ, я указалъ, какую часть всей площади составляетъ такъ называемая удобная земля, сколько изъ этой послѣдней занято подъ посѣвами, указавъ главнѣйшіе изъ нихъ. Остается, слѣдовательно, площадь пара, той или иною величиной которой обыкновенно характеризуются разныя системы земледѣлія, къ разсмотрѣнію которыхъ перехожу теперь.

Примѣчаніе. О значеніи распредѣленія земли по угодьямъ см. **Янсонъ**: „Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ“ Т. II. С.-Пб. 1880 г. О фактическомъ распредѣленіи угодій въ Россіи см. „**Сельское и лѣсное хозяйство Россіи**“. Изд. Деп. Землед., и **А. Фортунатовъ**· „Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи“.

VII. Системы земледѣлія.

Распредѣленіе разныхъ способовъ обработки земли съ различнымъ сочетаніемъ труда и капитала, какъ по территоріи, такъ и по времени, имѣетъ свою законосообразность. Если мы разсмотримъ обрабатывающую промышленность въ ея послѣдовательномъ развитіи, то увидимъ разныя формы съ различнымъ приложеніемъ труда и капитала и различными результатами: ремесленную, мануфактурную и, наконецъ, машинную. Мы замѣчаемъ здѣсь извѣстную историческую послѣдовательность, переходъ отъ одной системы къ другой, въ связи съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ знаній. Въ обрабатывающей промышленности вмѣстѣ съ этими условіями явилась возможность сосредоточенія въ одномъ мѣстѣ массы сырья, а отсюда и возможность широкаго раздѣленія труда и сосредоточенія орудій обработки—машинъ. Посмотримъ теперь, какъ развивалось земледѣліе.

Различнымъ формамъ въ обрабатывающей промышленности соотвѣтствуютъ различныя системы въ земледѣліи. И здѣсь одна система отличается отъ другой различнымъ приложеніемъ труда, капитала и различною комбинаціей ихъ. Постепенно экстенсивныя системы земледѣлія, разсчитанныя главнымъ образомъ на большія пространства свободныхъ земель, съ ростомъ населенія замѣняются системами болѣе интенсивными, требующими при меньшей площади болѣе значительнаго приложенія труда и капитала. Такимъ образомъ, за извѣстными предѣлами густота населенія прямо вынуждаетъ переходъ къ высшей системѣ земледѣлія. Такова основная

тенденція въ развитіи земледѣльческаго хозяйства, нарушаемая, однако, различными историческими условіями: такъ, съ одной стороны, переселенія, служа какъ бы противовѣсомъ естественному росту населенія, отдаляютъ моментъ перехода къ вышей системѣ земледѣлія; съ другой стороны, страны, въ которыхъ преобладаетъ крупное замлевладѣніе, вынуждаются къ такому переходу раньше, чѣмъ страны съ преобладающимъ мелкимъ землевладѣніемъ, при одинаковой, конечно, плотности населенія, такъ какъ въ первомъ случаѣ большая масса лишена возможности непосредственно приложить свой трудъ къ землѣ. Переходъ къ высшей системѣ обыкновенно требуетъ большаго количества скота, усовершенствованныхъ орудій, большаго приложенія труда, такъ какъ приходится съ той же площади извлекать больше продукта, чѣмъ раньше. Дѣло въ томъ, что земля подъ вліяніемъ атмосферическихъ условій и разложенія неотдѣленныхъ отъ нея частей растеній накопляетъ почву, т.-е. тѣ составныя части, которыя необходимы для произрастанія зерна. Такой слой можетъ образоваться подъ вліяніемъ либо естественныхъ, либо искусственныхъ условій. Въ первомъ случаѣ требуется довольно продолжительное время. Когда земли много, распахивается сравнительно небольшая часть (распахиванье имѣетъ цѣлью привести въ соприкосновеніе съ атмосферой отдѣльныя частицы почвы). Распаханный участокъ подвергается обработкѣ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, послѣ чего переходятъ къ другому участку, оставляя первый въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ необработаннымъ, пока въ немъ снова накопится достаточное количество элементовъ, способныхъ питать посѣвы. По мѣрѣ сокращенія свободной земли, періоды возвращенія къ прежнимъ участкамъ сокращаются, но за то и урожаи становятся хуже, да и снимать хлѣбъ приходится уже не столько лѣтъ подъ рядъ, такъ какъ вслѣдствіе частаго распахиванья въ землѣ меньше возобновляются извлеченные изъ нея элементы.

Для возстановленія плодородія почвы при этой системѣ требуется обыкновенно отъ 15 до 20 лѣтъ; годною для

обработки землю считаютъ, когда она поростетъ ковылью. Система эта распространена у насъ (хотя съ каждымъ годомъ сокращается) въ Уфимской, Оренбургской, Астраханской, восточной части Самарской губ., въ области Войска Донского, въ Кубанской области, а у частныхъ владѣльцевъ даже въ Таврической, Екатеринославской и Херсонской губ. Такова *залежная* система, встрѣчающаяся, главнымъ образомъ, какъ это видно изъ приведеннаго сейчасъ перечня, въ степяхъ обильныхъ землей. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ этой системѣ соотвѣтствуетъ *лѣсопольная* или *подсѣчная* система, называемая также *огневой* Система эта заключается въ томъ, что лѣсъ въ такихъ мѣстахъ выжигается, а выжженная такимъ образомъ площадь распахивается, при чемъ пепелъ представляетъ удобреніе. Но вслѣдствіе легкости и рыхлости почвы урожаи здѣсь ниже, нежели въ степныхъ мѣстахъ, да и снимать приходится ихъ меньше; затѣмъ такой участокъ забрасывается лѣтъ на 25 и обращаются къ другому. Невыгодную сторону этой системы нѣкоторые видятъ въ томъ, что при ней истребляются лѣса. Упрекъ этотъ, однако, основателенъ только для такихъ мѣстностей, гдѣ количество лѣса уже ограничено, гдѣ, наконецъ, вслѣдствіе этого такое пользованіе лѣсомъ и не представляетъ уже выгодъ, почему и можетъ встрѣчаться лишь какъ исключеніе. Въ мѣстахъ же обильныхъ лѣсомъ, каковъ, наприм., нашъ сѣверъ, система эта содѣйствуетъ какъ земледѣльческой, такъ и всякой другой культурѣ: истребляются звѣри, основываются поселенія, и непроходимые лѣса, даже не эксплоатировавшіеся человѣкомъ, обращаются въ болѣе культурныя мѣста. Обѣ отмѣченныя системы: залежная и подсѣчная или огневая носятъ общее названіе *переложной*. Примѣненіе ея допускается до тѣхъ поръ, пока это позволяютъ незначительная плотность населенія и большіе земельные участки. Но съ теченіемъ времени первая растетъ, а вторые сокращаются. На извѣстной ступени этого процесса является необходимость въ сокращеніи періода возстановленія плодородія почвы на томъ же участкѣ, а это можетъ быть достигнуто только искусственнымъ путемъ:

удобреніемъ и чередованіемъ посѣвовъ разныхъ растеній, предъявляющихъ, такъ сказать, спросъ не на одинаковыя составныя части почвы Далѣе становится необходимымъ введеніе такихъ растеній, которыя даже обогащаютъ почву на счетъ подпочвенныхъ слоевъ. Однако ростъ населенія и сокращеніе участковъ совершаются не сразу, а потому и переходъ отъ залежной системы къ той интенсивной, о которой я только что упомянулъ, совершается довольно медленно и между этими крайностями существуетъ рядъ переходовъ.

Переложная система смѣняется *двухпольной* и *трехпольной*, при которыхъ возобновленіе плодородія почвы все еще предоставляется естественнымъ условіямъ, хотя съ теченіемъ времени, какъ мы увидимъ, начинаетъ примѣняться здѣсь и удобреніе. При двухпольной системѣ—въ одномъ полѣ рожь, другое подъ паромъ; при трехпольной—въ одномъ—рожь, въ другомъ—яровое, а третье подъ паромъ. Двухпольная система существовала въ древней Греціи, существуетъ и до сихъ поръ во Франціи, встрѣчается мѣстами и у насъ. Наиболѣе распространенной у насъ является трехпольная система, при чемъ къ удобренію прибѣгаютъ иногда даже въ черноземной полосѣ, гдѣ вообще условія для естественнаго возобновленія плодородія почвы болѣе благопріятны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и потому тамъ удобреніе начинаетъ примѣняться позднѣе, по мѣрѣ истощенія почвы.

Но и при трехпольной системѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ зависимости, конечно, отъ свойствъ почвы, время, которое земля остается подъ паромъ, оказывается недостаточнымъ, чтобы возстановить плодородіе почвы. Такое чрезмѣрное истощеніе послѣдней вызываетъ переходъ отъ трехпольной системы къ улучшенной *травяной*, которая характеризуется травосѣяніемъ. Здѣсь участокъ дѣлится на 4—6 и часто на 8 полей, при чемъ наблюдается болѣе правильное чередованіе посѣвовъ: изъ семи, наприм., лѣтъ только два года поле подъ зерновыми хлѣбами, остальные подъ травами, большей частью—подъ клеверомъ. Послѣдній притѣняетъ землю широкими листьями, а корни уходятъ глу-

боко въ землю и не истощаютъ почву, а даже, наоборотъ, способствуютъ утолщенію слоя почвы путемъ превращенія подпочвеннаго слоя въ почву, и земля, такимъ образомъ, накопляетъ питательные элементы для зерновыхъ хлѣбовъ.

Замѣчу здѣсь, о чемъ я уже упоминалъ въ первомъ полугодіи, что травосѣяніе наблюдалось на нѣкоторыхъ надѣльныхъ земляхъ, при чемъ общинное землевладѣніе не только не препятствовало, но даже способствовало введенію травосѣянія. При незначительныхъ надѣлахъ отдѣльному крестьянину не представлялось возможнымъ раздѣлить свой участокъ на 6 или 8 полей, такъ какъ въ этомъ случаѣ подъ рожью, наприм., у него оставалась бы незначительная доля, тогда какъ цѣлая община отводила подъ новые посѣвы сначала участки, раньше почему-либо не подвергавшіеся обработкѣ, а затѣмъ уже вводила новое растеніе въ сѣвооборотъ. Но, понятно, это возможно только въ томъ случаѣ, если крестьянское хозяйство находится, по крайней мѣрѣ, на ступени средняго благосостоянія, такъ какъ нуженъ хотя бы небольшой запасъ средствъ, чтобы пережить переходный моментъ, когда на время сокращается площадь подъ зерновыми хлѣбами, кромѣ затратъ еще на сѣмена для новыхъ посѣвовъ.

Слѣдующій шагъ представляетъ *плодосмѣнная* система. Стараются чередовать растенія такъ, чтобы каждое извлекало изъ почвы то, что ему необходимо, не извлекая того, что необходимо другому растенію. Такъ, по мнѣнію нѣмецкаго ученаго Тайэра, торгово-промышленныя растенія извлекаютъ изъ почвы необходимые для нихъ элементы, оставляя въ ней тѣ, которые необходимы для зерновыхъ хлѣбовъ. Посѣвы льна, наприм., могутъ не отражаться вредно на зерновыхъ растеніяхъ, а затѣмъ можно ввести въ сѣвооборотъ кормовыя травы, обогащающія почву. При такой системѣ нѣтъ надобности оставлять землю подъ паромъ. Плодосмѣнная система на томъ и основана, что вся земля находится подъ посѣвами: одна часть площади предназначена для производства пищевыхъ продуктовъ, другая—

для торгово-промышленныхъ растеній, третья—для кормовыхъ. Но само собой разумѣется, что хотя каждый продуктъ извлекаетъ только тѣ элементы, которые для него необходимы, все же послѣ нѣкотораго чередованія посѣвовъ почва истощилась бы, еслибъ взятое изъ нея не возвращалось ей искусственнымъ путемъ, такъ какъ при отсутствіи пара естественнаго возобновленія здѣсь не можетъ быть. Поэтому при этой системѣ необходимость въ правильномъ удобреніи является болѣе настоятельной, чѣмъ при прежнихъ. Для этого уничтожаютъ выгоны, скотъ кормится въ стойлахъ, а это даетъ возможность сберегать удобреніе. Кромѣ естественнаго удобренія—навоза, стали прибѣгать въ послѣднее время къ искусственному, которое, помимо прочихъ достоинствъ, можетъ повести къ устраненію одного, повидимому, неблагопріятнаго условія—содержанія скота въ стойлахъ круглый годъ: въ послѣдніе годы стали замѣчать развитіе легочныхъ болѣзней у скота, объясняемое тѣмъ, что скотъ вынужденъ круглый годъ оставаться въ стойлахъ. Какъ можно видѣть изъ сказаннаго, при этой системѣ, кромѣ большаго приложенія труда и капиталовъ, требуется и больше знаній для правильнаго чередованій растеній, въ зависимости отъ климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій. У насъ система эта встрѣчается въ Остзейскомъ краѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить *промышленную* систему, при которой производится нерѣдко одинъ какой-либо видъ растеній, и *спекулятивную* или *вольную*, гдѣ прямо уже условіями рынка опредѣляются и въ зависимости отъ нихъ мѣняются роды культуръ. Рядомъ съ послѣдней стоитъ и *огородная* культура, распространяющаяся обыкновенно близъ городовъ; существованіе ея обусловливается, съ одной стороны, предъявляемымъ горожанами спросомъ на овощи, съ другой — обиліемъ доставляемаго городомъ удобренія. Всѣ перечисленныя культуры имѣютъ то общее, что здѣсь въ основѣ всего хозяйства лежитъ наиболѣе интензивное приложеніе капитала и труда, пересиливающее, такъ сказать, вліяніе природныхъ условій. Какъ на примѣры *огород-*

ной и садовой культуры, укажу на распространеніе ихъ въ трехъ подмосковныхъ волостяхъ на крестьянскихъ земляхъ.

Съ системами *земледѣлія* не слѣдуетъ смѣшивать системы *хозяйства*. Послѣднія могутъ быть различны, въ зависимости отъ разстоянія даннаго хозяйства отъ рынка, климатическихъ и разныхъ другихъ условій. Когда говорятъ о системѣ земледѣлія, то рѣчь идетъ не о всемъ строѣ хозяйства, а только о соотношеніи угодій, о различномъ назначеніи и различномъ пользованіи отдѣльными пространствами всей земельной площади имѣнія. При разныхъ системахъ хозяйства можетъ быть одна и та же система земледѣлія и, наоборотъ, при одной и той же системѣ земледѣлія могутъ быть разныя системы хозяйства, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ *способовъ извлеченія дохода:* въ зависимости отъ того, кладется ли въ основу хозяйства скотоводство, полевое хозяйство или отчужденіе переработанныхъ продуктовъ и т. д.

Кромѣ чисто-полевой системы хозяйства, на которой я подробнѣе останавливался, можно указать еще, напр., на *лѣсную*, *молочную* и др. Значеніе послѣднихъ системъ, я полагаю, понятно и безъ объясненій.

Въ краткихъ чертахъ я изобразилъ разныя системы въ ихъ исторической послѣдовательности и современномъ состояніи. Но раньше чѣмъ указанныя системы были сведены въ той послѣдовательности, въ которой я изобразилъ ихъ сейчасъ, нѣмецкій экономистъ Тюненъ представилъ схему, къ которой можно было свести всѣ системы. Надо замѣтить, что онъ имѣлъ въ виду выясненіе того, какъ измѣняется рента въ зависимости отъ разстоянія отъ рынка. Въ его сочиненіи „Уединенное Государство“ предполагается, что разсматриваемое государство не находится въ сношеніяхъ съ другими государствами, обладаетъ на всемъ своемъ протяженіи одинаковой почвой и климатомъ, въ центрѣ этого государства находится рынокъ. Затѣмъ онъ разсматриваетъ, какъ будутъ измѣняться системы хозяйства въ зависимости отъ разстоянія ихъ отъ рынка. Одинаковые климатъ и почва предположены для того, что-

бы выяснить разницу въ системѣ хозяйства, въ зависимости не отъ климата и почвы, а только отъ разстоянія отъ рынка. Построивши государство такимъ образомъ, онъ намѣчаетъ, какія системы будутъ ближе и какія дальше отъ рынка, и какъ это отразится на рентѣ. Надо замѣтить еще, что государство круглой формы, и хозяйства расположены концентрическими кругами. Въ первомъ кругѣ этого государства—вольное хозяйство; оно даетъ продукты, которые не выдерживаютъ дальней перевозки и требуютъ обильнаго удобренія, доставляемаго изъ города; въ этомъ кругѣ мы находимъ, напр., молочное хозяйство, продукты котораго не могутъ быть перевозимы на большихъ разстояніяхъ; при чемъ надо помнить, что во времена Тюнена желѣзныя дороги не получили еще настоящаго развитія. Во второмъ кругѣ—лѣсное хозяйство: лѣсъ—не дорогой матеріалъ, но очень громоздкій. Въ дѣйствительности это расположеніе не оправдывается, ибо лѣсное хозяйство въ большинствѣ случаевъ находится въ отдаленныхъ отъ центра мѣстностяхъ. Тюненъ имѣлъ въ виду сухопутную перевозку, упустивъ совершенно водную. Далѣе идутъ различныя системы зернового хозяйства, съ уменьшающейся степенью интенсивности по мѣрѣ удаленія отъ города, такъ что за плодоперемѣннымъ будетъ слѣдовать улучшенное зерновое, затѣмъ—трехпольное; здѣсь, хотя и много поглощается перевозкой, но высокія цѣны даютъ все-таки возможность получать ренту. Въ слѣдующихъ затѣмъ кругахъ располагаются: переложное хозяйство, скотоводство, но безъ молочнаго хозяйства, затѣмъ охота и рыболовство. Не трудно видѣть, что въ основаніи предложенной Тюненомъ схемы лежитъ большее или меньшее разстояніе каждаго круга отъ центра. Но дѣло въ томъ, что широкое развитіе парового транспорта, достигнутое въ послѣднее время, въ очень сильной степени парализовало этотъ факторъ—разстояніе, а это подрываетъ и самое основаніе разсматриваемой схемы. Такъ напр., битое мясо (скотоводство въ одномъ изъ послѣднихъ круговъ у Тюнена) перевозится теперь на самыя дальнія разстоянія; сѣно прес-

суется, дѣлается менѣе громоздкимъ и также выдерживаетъ дальнюю перевозку и т. д.

Далѣе, если въ историческимъ развитіи различныхъ системъ замѣчается намѣченная Тюненомъ послѣдовательность отъ послѣднихъ круговъ къ центру, то въ настоящее время мы далеко не всегда наблюдаемъ такіе послѣдовательные переходы отъ одной системы къ слѣдующей. Такъ, на югѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ овцеводства, которое тамъ значительно сокращается, совершается переходъ непосредственно къ виноградарству. Нельзя однако не указать на то, что до послѣдняго времени и въ значительной мѣрѣ еще и теперь расположеніе системъ земледѣлія въ Россіи во многомъ напоминаетъ схему Тюнена, хотя, конечно, съ отступленіями.

Примѣчаніе. Для знакомства съ системами земледѣлія и распредѣленіемъ ихъ въ Россіи можно рекомендовать, какъ прекрасное и очень полное руководство, соч. **А. С. Ермолова:** „Организація полевого хозяйства“. Изд. 3-е. С-Пб. 1894.

VIII. Мертвый и живой инвентарь.

Въ земледѣльческой, какъ и въ обработывающей промышленности, орудія обработки, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, *мертвый инвентарь*, имѣютъ огромное вліяніе какъ на технику производства, такъ черезъ это и на экономическое положеніе производителей. Далѣе, подобно тому, какъ въ обработывающей промышленности, точно также и въ земледѣльческой различныя измѣненія въ орудіяхъ обработки вызываютъ соотвѣтствующія измѣненія и въ самыхъ формахъ производства. Такъ напр., переходъ отъ ручной молотьбы къ молотилкѣ требуетъ соединенія нѣсколькихъ мелкихъ хозяевъ, такъ какъ пріобрѣсть ее одному не подъ силу, да и использовать ее онъ не могъ бы по ограниченности своего хозяйства. Выгоды же отъ такого пріобрѣтенія, конечно, несомнѣнны: не только сберегается время, но и молотьба чище, чѣмъ ручная. Въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ наблюдались случаи пріобрѣтенія отдѣльными общинами или обществами молотилокъ, жнеекъ и т. д. Впрочемъ, такіе случаи примѣненія наиболѣе усовершенствованныхъ орудій у насъ еще мало распространены. Изъ орудій обработки наибольшее значеніе имѣютъ соха и плугъ. Первая до сихъ поръ является у насъ болѣе распространеннной, хотя постепенно вытѣсняется послѣднимъ. Общее вліяніе величины надѣла на хозяйство сказывается и здѣсь: гдѣ надѣлы больше, тамъ и плуги больше распространены. Въ Московской губ. свыше 20% всѣхъ домохозяевъ замѣнили сохи плугами, при чемъ гдѣ надѣлы больше, тамъ и

процентъ выше; въ общемъ же онъ изъ года въ годъ растетъ, и есть уже волости въ той же губерніи, гдѣ всѣ надѣлены плугами. Большую службу въ дѣлѣ распространенія плуговъ сослужили земства: замѣтивъ спросъ на плуги въ крестьянствѣ, земскія управы стали выписывать ихъ и продавать крестьянамъ на льготныхъ условіяхъ, т.-е. закупая ихъ по оптовой цѣнѣ, продавали по такой же съ небольшой надбавкой и допускали разсрочку въ уплатѣ. А это повело къ тому, что и торговцы должны были сбавить цѣну на плуги и, кромѣ того, появилось кустарное производство послѣднихъ. Кромѣ Московской губ., о которой я говорилъ, еще въ Вятской и Пермской плуги составляютъ 20,2% къ общему числу хозяйствъ. Такой значительный процентъ въ сравнительно, конечно, короткое время составился, съ одной стороны, благодаря посредничеству земства въ этомъ дѣлѣ, а съ другой—кустарное производство плуговъ значительно возросло вмѣстѣ со спросомъ на нихъ. Въ другихъ губерніяхъ процентъ этотъ ниже, хотя точныхъ данныхъ объ этомъ для всѣхъ мѣстъ не имѣется. Еще рѣже и даже почти совсѣмъ не встрѣчаются въ крестьянскомъ хозяйствѣ другія усовершенствованныя орудія. Только на югѣ, въ Таврической губ. у крестьянъ встрѣчаются жнейки и косилки, да еще въ Орловской и Воронежской губ. въ крестьянскомъ хозяйствѣ замѣтно распространены молотилки и вѣялки. Чаще встрѣчаются усовершенствованныя орудія въ отдѣльныхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, нерѣдко вынуждаемыхъ къ пріобрѣтенію ихъ недостаткомъ рабочихъ рукъ въ такое время, когда требуются особенно спѣшныя работы, какъ напр., уборка хлѣба. Но приведенное обстоятельство еще не говоритъ объ общемъ состояніи частновладѣльческаго хозяйства: по отдѣльнымъ мѣстамъ мертвый инвентарь въ частныхъ хозяйствахъ значительно уступаетъ крестьянскому. Сказанное въ достаточной мѣрѣ подтверждается данными о заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ имѣніяхъ: изъ 8000 заложенныхъ имѣній имѣютъ свой инвентарь въ черноземной полосѣ 51%, безъ инвентаря—49%; въ нечерноземной по-

лосѣ: съ инвентаремъ—около 67%, остальные 33%—безъ инвентаря; а въ среднемъ для всей Россіи изъ 11.000 заложенныхъ имѣній имѣютъ свой инвентарь только 49%, слѣдовательно, болѣе половины безъ инвентаря. Какъ можетъ здѣсь вестись хозяйство, объ этомъ я еще буду говорить въ одной изъ слѣдующихъ лекцій; пока достаточно отмѣтить, что въ отношеніи мертваго инвентаря, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ цифръ, частновладѣльческое хозяйство является далеко не обезпеченнымъ.

Перейдемъ теперь къ *живому инвентарю*. Къ нему относятъ только тотъ скотъ, при помощи котораго производятся земледѣльческія работы; исключается, такимъ образомъ, отсюда скотъ, имѣющій какое-нибудь другое назначеніе въ хозяйствѣ: убойный скотъ или, напр., доставляющій молочные продукты, заводскія лошади и др. Со сдѣланными оговорками къ живому инвентарю должны быть отнесены: лошади, волы, верблюды, гдѣ они встрѣчаются; сюда не могутъ быть причислены у насъ коровы, хотя въ Германіи и онѣ служатъ для земледѣльческихъ работъ, при чемъ иногда впрягаютъ тамъ въ плугъ корову и лошадь вмѣстѣ. Если изъ приведеннаго перечня исключить верблюдовъ, которые встрѣчаются у насъ въ очень немногихъ мѣстахъ, и воловъ, распространенныхъ только на югѣ, то для всей Россіи почти исключительно придется говорить о лошади. Каково же количество этого главнаго и почти исключительнаго вида живого инвентаря? Матеріаломъ для опредѣленія количества лошадей служатъ у насъ, съ одной стороны, конскія переписи, которыя производятся для опредѣленія количества годныхъ для войска лошадей, а съ другой—земско-статистическія изслѣдованія.

Конскою переписью 1882 года въ 48-ми губерніяхъ Европейской Россіи зарегистровано 18½ милліоновъ лошадей, въ среднемъ на 100 чел.—26 лошадей, а если брать одно сельское населеніе, то на 100 чел. приходилось 28 лошадей. Городскія лошади составляли 2,3% общаго числа лошадей, крестьянскія—86,7% всего числа и въ 8 разъ больше владѣльческихъ, составлявшихъ только 11%. По обла-

стямъ въ средней части Россіи приходилось 2,35 лошад. на 1 лошадный дворъ; значительно ниже это отношеніе на сѣверѣ, гдѣ мало распаханныхъ земель, и на югѣ, гдѣ распространены волы. Всего больше лошадей приходилось на юго-востокѣ—4 на 1 лошадный дворъ, меньше въ промышленныхъ губерніяхъ — 1,5 на дворъ. Процентъ безлошадныхъ дворовъ оказался весьма значительнымъ: въ 45 губерніяхъ — 26,8% Въ общемъ же замѣчалась обратная зависимость между величиной надѣла и % безлошадныхъ. По переписи 1888 года, въ 9-ти губерніяхъ число лошадей на дворъ увеличилось, въ 9-ти не измѣнилось и въ 10-ти уменьшилось. Процентъ безлошадныхъ въ общемъ уменьшился, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ увеличился.

Разсматривая раньше крестьянское хозяйство, я указывалъ на то, что отъ величины надѣла зависитъ способность каждаго хозяйства къ разнаго рода улучшеніямъ: гдѣ надѣлы больше, тамъ выше % хозяйствъ съ травосѣяніемъ, тамъ же выше и % плуговъ. Посмотримъ теперь, въ какой зависимости отъ величины надѣла стоитъ степень обезпеченности крестьянскаго хозяйства живымъ инвентаремъ, т.-е. главнымъ образомъ — лошадью. Для освѣщенія этого явленія воспользуюсь данными, заключающимися въ ст. Вихляева, гдѣ обработанъ матеріалъ земско статистическихъ сборниковъ по 313 уѣздамъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что количество лошадей на дворъ стоитъ въ тѣсной связи съ размѣрами надѣла, т.-е. съ уменьшеніемъ послѣдняго уменьшается и число лошадей на дворъ. Такъ, при подраздѣленіи на 8 группъ, при чемъ въ первой получается 17,39 д. надѣла и, при послѣдовательномъ уменьшеніи, въ послѣдней— 7,71 д. надѣла, лошадей на дворъ въ первой группѣ приходится 1,94, въ послѣдней—1,49. Но лошадь имѣетъ главнымъ образомъ значеніе для обработки пашни, поэтому для правильной характеристики значенія лошади въ хозяйствѣ надо сопоставить количество лошадей съ пространствомъ пашни. По отдѣльнымъ областямъ мы имѣемъ, что пространство пашни занимаетъ въ крестьянскомъ надѣлѣ отъ 50% до 75% всей надѣльной площади. По этимъ рай-

онамъ вмѣстѣ и по каждому изъ нихъ отдѣльно получается, что сокращеніе площади надѣла идетъ параллельно съ пониженіемъ площади удобной земли и пашни, приходящейся на одну лошадь, а это значитъ, что съ пониженіемъ надѣла, съ одной стороны, понижается количество кормовыхъ средствъ, которыя могутъ быть добыты для прокормленія скота, а съ другой — сокращается производительное примѣненіе силъ лошади, такъ какъ на долю ея приходится меньшее пространство обработываемой земли. То-же получается и въ томъ случаѣ, если взять надѣльную землю вмѣстѣ съ арендованной, такъ что при надѣлѣ менѣе 5 д. на 1 лошадь приходится 2,93 дес. земли, а при надѣлѣ болѣе 25 д. — 5,17 д.

Насколько степень обезпеченности крестьянскаго хозяйства скотомъ зависитъ отъ величины надѣла, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ о безлошадныхъ:

величина надѣловъ	% дворовъ безъ рабочаго скота
17	12
14	16
12	18
11	20
10	21
9,74	20,97
9,22	23,70
7,71	26,23

Съ уменьшеніемъ надѣла, какъ видно изъ этихъ цифръ, правильно повышается % безлошадныхъ. Это и понятно. При небольшомъ надѣлѣ нѣтъ возможности использовать рабочую силу лошади; на нее идетъ больше, чѣмъ она производитъ. Держать ее круглый годъ невыгодно, приходиться на зиму продавать. А при томъ экономическомъ положеніи, которое создается продажей лошади, въ случаѣ невозможности опять купить ее на лѣто, прекращается возможность арендовать землю. Такимъ образомъ, сокращается площадь приложенія крестьянскаго труда, сокращается площадь, съ которой производителю приходится прокармливать себя. Продавши лошадь окончательно, крестьянинъ

еще не сразу бросаетъ свое хозяйство. Онъ первое время еще пытается обработать свою землю при помощи найма лошади у сосѣдей. Но эта попытка большей частью оканчивается неудачей: естественно, что сосѣди уступаютъ ему лошадь только тогда, когда сами обработаютъ свою землю. А несвоевременность работъ въ земледѣліи роковымъ образомъ отражается на результатѣ: урожай у нашего крестьянина значительно меньше, и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ такихъ попытокъ онъ совершенно раззоряется. Вѣрность этого предположенія подтверждается не только логическими соображеніями, но и цифровыми данными, гдѣ таковыя были собраны. Въ Воронежской губ. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ число безлошадныхъ доходитъ до 41%, средняя величина арендуемаго на дворъ участка составляетъ 0,2 десят., тогда какъ въ мѣстахъ, гдѣ 15% безлошадныхъ, на одинъ дворъ въ среднемъ приходится арендуемой земли уже 4,9 десят. И такъ, прежде всего прекращается аренда, лошадь продается, а надѣлъ обработывается нанятой у сосѣда лошадью; хозяйства безъ рабочаго скота увеличиваются, а обработка своимъ скотомъ падаетъ. Но на этомъ процессъ раззоренія, конечно, не останавливается, онъ идетъ далѣе: среди безлошадныхъ процентъ бездомовыхъ составляетъ отъ 8 до 10,2%, тогда какъ у лошадныхъ только 0,3% — 0,4% бездомовыхъ. Здѣсь мы уже имѣемъ дѣло съ полнымъ и безповоротнымъ превращеніемъ крестьянина въ пролетарія. Но что же сдѣлалось съ его землей? Быть можетъ, она попала въ руки другого нуждающагося въ землѣ, и такимъ образомъ паденіе одного бѣдняка вывело до нѣкоторой степени изъ нужды другого? Но и этого нѣтъ: земля попадаетъ въ руки болѣе обезпеченныхъ, которые вообще лучше поставлены въ экономическомъ отношеніи. Это видно изъ того, что при наибольшемъ надѣлѣ мы находимъ наименьшее число безлошадныхъ и наоборотъ.

Далѣе, мы уже знаемъ, что крестьянскіе надѣлы вообще недостаточны и земля пріарендовывается. Какъ же относится количество арендуемой земли съ надѣломъ къ лошади? Изъ сопоставленія цифровыхъ данныхъ получается, что количество земли, арендуемой на 1 лошадь, возрастаетъ съ

уменьшеніемъ надѣла, т. е. арендуется тѣмъ больше земли, чѣмъ больше избытокъ конской силы. Но здѣсь такой недостаточно надѣленный землей встрѣчаетъ опаснаго конкурента въ лицѣ другого, имѣющаго больше лошадей и рабочихъ силъ въ своемъ дворѣ и, сверхъ того, лучше надѣленнаго, т.-е. такого, который обладаетъ не только бо́льшимъ избыткомъ рабочихъ силъ, но и большей фактической способностью къ арендѣ; при равной величинѣ надѣла больше земли арендуется тѣми, у кого лошадей больше.

Все это приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: величина надѣла — главный факторъ, опредѣляющій отношеніе лошади къ землѣ. Съ уменьшеніемъ надѣла сокращается пространство земли на 1 лошадь; отсюда стремленіе арендовать, которое тѣмъ болѣе осуществляется, чѣмъ больше лошадей приходится на дворъ и чѣмъ меньше надѣлъ. Но количество работниковъ, увеличивая надѣлъ двора и число лошадей, способствуетъ арендѣ въ большихъ размѣрахъ. При большомъ надѣлѣ возрастаетъ число лошадей, находящихъ работу на надѣльной землѣ; при маломъ — увеличеніе числа лошадей вызываетъ необходимость аренды, которая существуетъ при маломъ надѣлѣ и при одной лошади. Отсюда и низкія цѣны на хлѣбъ не уменьшаютъ аренды, ибо для увеличенія обработки не требуется увеличеніе живого инвентаря, хотя въ то же время больше держится лошадей, чтобъ имѣть возможность больше арендовать, но это и служитъ признакомъ обычнаго избытка рабочей силы лошади и влечетъ меньшую у насъ производительность труда и бѣдность. Для повышенія же производительности труда необходимо созданіе такихъ условій, при которыхъ рабочая сила утилизировалась бы сполна.

Я раньше привелъ нѣкоторыя данныя о количествѣ лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ до 1882 года. Съ этого времени и по 1888 годъ количество лошадей возросло на 5,47%; въ то же время понизился % безлощадныхъ, при чемъ бо́льшее пониженіе произошло въ многонадѣльныхъ группахъ. Указанный благопріятный фактъ могъ произойти какъ въ зависимости отъ увеличенія населенія, такъ и отъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто

въ періодъ съ 1882 по 1888 годъ, какъ, наприм , отмѣна подушной подати, пониженіе выкупныхъ платежей, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнилось нѣсколько неблагопріятное отношеніе платежей къ доходамъ. Если прибавить сюда, что съ 1882 по 1888 г. было нѣсколько урожайныхъ годовъ, то станетъ понятнымъ, почему за этотъ періодъ увеличилось количество лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но уже 1891 голодный годъ вызвалъ обратное явленіе: распродажу крестьянскаго скота въ большомъ количествѣ за безцѣнокъ, и не только въ губерніяхъ, постигнутыхъ голодомъ, гдѣ это, конечно, главнымъ образомъ наблюдалось, но и въ другихъ мѣстахъ вслѣдствіе общей дороговизны хлѣба въ то время; такъ, по конской переписи 1894 года въ Тверской губ. количество лошадей съ 1888 года уменьшилось на 9500 лош., т.-е. на 3,1%, и это даже при томъ условіи, что слѣдующіе за 1891 и 1892 урожайные года, при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, дали возможность населенію не прибѣгать къ продажѣ своего скота.

Что касается живого инвентаря въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, то точныхъ данныхъ объ этомъ не имѣется. Изъ данныхъ о заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ имѣніяхъ можно видѣть, что болѣе 49% всѣхъ заложенныхъ имѣній не имѣютъ вовсе рабочаго скота.

Итакъ, анализъ мертваго и живого инвентаря привелъ насъ къ тому же заключенію, къ какому мы пришли изъ анализа земледѣльческой культуры. Тамъ мы видѣли, что гдѣ меньше надѣлы, тамъ меньше наблюдается случаевъ перехода къ болѣе интензивнымъ системамъ земледѣлія. Здѣсь величина надѣла оказываетъ вліяніе въ томъ же направленіи: гдѣ надѣлы меньше, тамъ меньше усовершенствованныхъ орудій, меньше рабочаго скота и, наконецъ, меньше возможности использовать его. Словомъ, недостаточность надѣловъ обусловливаетъ и низкую степень производительности труда.

Примѣчаніе Цифровыя данныя о живомъ и мертвомъ инвентарѣ можно найти въ указанномъ уже ранѣе трудѣ **А. Ф. Фортунатова**; болѣе же детальную разработку вопроса о значеніи лошади въ крестьянскомъ хозяйствѣ см. въ ст. **П. Вихляева**: „Рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ (журналъ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, № 8, 1895 г.)

IX. Сельскохозяйственные рабочіе.

Я почти не останавливался до сихъ поръ на рабочей силѣ самого человѣка. Между тѣмъ, какъ земля, такъ и орудія обработки имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они нужны для приложенія рабочей силы человѣка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда производитель имѣетъ возможность непосредственно приложить свой трудъ къ землѣ, иначе говоря, имѣетъ достаточное количество земли и необходимыя орудія и средства производства, — вопросъ этотъ рѣшается самъ собой. Но всѣ эти условія, какъ объ этомъ уже неоднократно приходилось мнѣ говорить въ теченіе курса, далеко не всегда имѣются въ наличности у нашего крестьянства. Съ одной стороны, недостаточность земельныхъ надѣловъ, съ другой—отсутствіе необходимаго количества живого и мертваго инвентаря нерѣдко создаютъ избытокъ рабочихъ силъ надъ средствами и условіями приложенія ихъ. Этотъ избытокъ рабочихъ силъ, не находя себѣ приложенія въ собственномъ хозяйствѣ, по необходимости долженъ отчуждаться на сторону. Формы отчужденія труда отличаются въ нашемъ крестьянствѣ большимъ разнообразіемъ: здѣсь играетъ роль, отчуждаетъ ли крестьянинъ всю свою рабочую силу, порвавши совершенно съ собственнымъ хозяйствомъ, или же, сохраняя, хотя и не совсѣмъ въ чистомъ видѣ, типъ крестьянина, онъ продолжаетъ поддерживать свое хозяйство, но, имѣя недостатокъ въ средствахъ производства, вынужденъ отчуждать часть рабочей силы на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, диктуемыхъ экономическими особенностями каждой мѣстности.

Еще въ эпоху барщиннаго труда, при крѣпостномъ правѣ, помѣщики отводили своимъ крестьянамъ приблизительно столько земли, сколько необходимо было для приложенія трехдневнаго труда, находившагося въ распоряженіи крестьянъ, ибо въ остальные три дня рабочая сила крестьянина принадлежала помѣщику, какъ вознагражденіе за предоставленныя послѣднимъ первому средства производства. Такимъ образомъ, еще при барщинной системѣ крестьянство было обезпечено средствами производства лишь настолько, что только половина рабочаго времени занята была въ собственномъ хозяйствѣ, другая половина отдавалась помѣщику. Съ теченіемъ времени это отношеніе измѣнилось, но не къ выгодѣ крестьянства Во-первыхъ, надѣлы, отведенные крестьянамъ при отмѣнѣ крѣпостного права, оказались ниже тѣхъ нормъ, которыя приняты были при крѣпостномъ правѣ помѣщиками для обезпеченія трехдневнаго крестьянскаго труда, а во вторыхъ, съ того времени, съ постепеннымъ ростомъ населенія, растетъ и земельная необезпеченность его. Понятно отсюда, что если раньше у крестьянина оставалось три дня свободныхъ, то теперь такого избыточнаго времени еще больше Здѣсь мы и находимъ объясненіе тому сильному стремленію къ арендѣ земли, которое мы наблюдаемъ теперь у насъ. Но чтобы арендовать землю, необходимо оплачивать наемъ, нужны деньги. А такъ какъ таковыхъ у нашего крестьянства большею частью не бываетъ, то и является необходимость отчуждать непосредственно рабочую силу въ видѣ различныхъ работъ въ постороннемъ хозяйствѣ. Частные владѣльцы, а также и наиболѣе состоятельные крестьяне получаютъ такимъ образомъ возможность пользоваться рабочими силами, необходимыми для ихъ хозяйства. Съ перваго взгляда здѣсь существуетъ даже какъ бы нѣкоторая гармонія: у однихъ земля, у другихъ рабочія силы и возможность безъ посредства денегъ, при помощи отчужденія рабочей силы въ пользу собственника, получать недостающую землю. Но стоитъ только ближе вглядѣться въ эти отношенія, чтобъ убѣдиться, насколько призрачна эта гармонія. Во

первыхъ, нашъ крестьянинъ-арендаторъ далеко не въ такія условія поставленъ, какъ англійскій фермеръ, который арендуетъ землю исключительно съ предпринимательскими цѣлями, чтобы получить % на свой капиталъ. Онъ скорѣе напоминаетъ ирландскаго фермера, который вынужденъ арендовать, чтобъ имѣть возможность существовать. Ясно, что аренда при такихъ условіяхъ не можетъ вести къ улучшеніямъ въ хозяйствѣ. Во-вторыхъ, крестьянину, вынужденному арендовать землю за отработки, приходится по необходимости соглашаться на такія условія, которыя даютъ ему возможность только поддерживать свое существованіе, такъ какъ здѣсь достигается взаимное соглашеніе при неодинаковомъ положеніи соглашающихся сторонъ. Одна изъ распространенныхъ формъ состоитъ въ томъ, что за извѣстный участокъ земли арендаторъ долженъ произвести рядъ работъ на остающейся свободной отъ аренды землѣ. Далѣе, кромѣ разсмотрѣнной группы арендаторовъ-рабочихъ, не мало и такихъ крестьянъ, которые совсѣмъ забросили свое хозяйство или не имѣютъ достаточно работъ на своей землѣ либо по незначительности надѣла, либо вслѣдствіе большого состава семьи. При послѣднемъ условіи случается, что гдѣ даже хорошо ведется крестьянское хозяйство, нѣкоторая часть рабочихъ силъ ищетъ работы на сторонѣ.

Таковы условія, при которыхъ создается контингентъ рабочихъ для хозяйствъ, нуждающихся въ наемномъ трудѣ. Неодинаковыя климатическія условія, при крайне обширной территоріи Россіи, вызываютъ то, что сельскохозяйственныя работы производятся въ различныхъ мѣстахъ въ разное время и въ разныхъ размѣрахъ на югѣ, наприм., посѣвы больше, колебанія урожаевъ рѣзче, а потому и притокъ рабочихъ туда больше, чѣмъ на сѣверъ и въ центральныя губерніи, гдѣ распашки меньше и рабочихъ рукъ для обработки земли нужно меньше.

Способы отчужденія рабочей силы весьма разнообразны. Я уже упоминалъ объ одномъ видѣ такого отчужденія въ вознагражденіе за аренду. Крестьянинъ за аренду какого-

нибудь участка обязуется явиться по требованію владѣльца въ его хозяйство и отработать тамъ опредѣленное число дней или произвести извѣстныя работы, часто даже со своимъ инвентаремъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ частновладѣльческія хозяйства, гдѣ нѣтъ ни живого, ни мертваго инвентаря: земля обработывается крестьянскимъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Это аренда *за отработки*. Такая отработка, производимая обыкновенно изъ нужды (за муку солому, кредитъ, проценты) не только отдѣльными лицами, но и цѣлыми товариществами, не можетъ вести къ улучшенію частновладѣльческаго хозяйства. *Зимняя наемка* — это тотъ же заемъ на уплату податей, въ задатокъ за аренду или на текущія потребности. Испытывая сильную нужду въ деньгахъ для удовлетворенія этихъ потребностей, крестьянинъ нанимается зимой на лѣто, при чемъ при наймѣ ему выдается задатокъ. Такая наемка обходится собственнику на 20 и больше % дешевле, но соотвѣтственно этому и самая работа ниже Затѣмъ аренда изъ доли или *половничество*, что прежде было сильно распространено въ Западной Европѣ. Прежде крестьянинъ при такой арендѣ получалъ землю и сѣмена, иногда даже постройки и часть инвентаря, а продуктъ дѣлился пополамъ съ владѣльцемъ. Но съ теченіемъ времени это отношеніе мѣняется: вмѣсто $^1/_2$ урожая, наприм., крестьянинъ оставляетъ себѣ только $^1/_3$. Иногда при половничествѣ ставится условіе, что за десятину арендуемой земли крестьянинъ обязуется обработать десятину на владѣльца земли. Недостатокъ этой формы аренды тотъ, что одинъ старается отдать меньше, другой работать меньше, и при этихъ условіяхъ трудно разсчитывать на улучшенія въ хозяйствѣ; къ тому же половничество у насъ не наслѣдственное, какъ это было на Западѣ, а обыкновенно на годъ, почему при немъ и нѣтъ у насъ выгодъ вводить многолѣтнюю культуру.

Далѣе, *батрацкое* хозяйство, гдѣ рабочіе нанимаются на годъ, на лѣто и поденно На поденную работу можетъ пойти и хорошій работникъ-хозяинъ, если онъ справился со своимъ хозяйствомъ. Но въ большинствѣ случаевъ въ батраки

нанимаются тѣ, у кого собственное хозяйство оказывается недостаточнымъ. Одной изъ причинъ, побуждающихъ уходить на заработки, является излишекъ рабочихъ силъ въ семьѣ, при невозможности приложить эти силы въ собственномъ хозяйствѣ. Такъ, земско-статистическія изслѣдованія нѣкоторыхъ уѣздовъ Воронежской губ. даютъ указанія на то, что средняя семья, изъ которой не отпускаются рабочіе, состоитъ изъ 6,9 человѣкъ, и лицъ въ рабочемъ возрастѣ на такую семью приходится 1,65; семьи же, выставляющія рабочихъ, состоятъ въ среднемъ изъ 6,6 человѣкъ, а лицъ въ рабочемъ возрастѣ въ такой семьѣ 1,78, т.-е. больше.

Въ то же время, при данныхъ условіяхъ землевладѣнія, уходъ на заработки не всегда долженъ разсматриваться, какъ явленіе отрицательное; уходъ этотъ не всегда объясняется бѣдностью семьи, а иногда богатствомъ рабочихъ силъ, такъ какъ отношеніе числа лицъ въ рабочемъ возрастѣ къ общему числу лицъ въ семьѣ часто явленіе случайное. Я останавливаюсь на этомъ потому, что у насъ, безъ дальнѣйшаго анализа, распространено мнѣніе, что отхожіе промыслы явленіе печальное. Не стану отрицать, что въ большинствѣ случаевъ это дѣйствительно такъ. Понятно, если бы было больше земли, то не могло бы быть и рѣчи объ избыткѣ рабочихъ силъ, и рабочіе не уходили бы изъ своего хозяйства. Но при данныхъ условіяхъ землевладѣнія уходъ на заработки вызывается иногда желаніемъ приложить къ чему-нибудь лишнія рабочія силы, являясь средствомъ заработать больше и улучшить положеніе семьи, и такимъ образомъ совершается иногда и не изъ нужды. Отходъ на заработки имѣетъ и хорошія стороны, по скольку онъ способствуетъ знакомству уходящихъ съ условіями другихъ мѣстностей, расширенію ихъ умственнаго кругозора. Затѣмъ отходъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ кустарныхъ промысловъ, является часто выгоднымъ приложеніемъ рабочей силы въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. Такъ, наприм., плотничій отходъ, по наблюденіямъ относительно образа жизни и хозяйства уходящихъ на мѣ-

стахъ, откуда они уходятъ, свидѣтельствуютъ о сравнительной ихъ зажиточности. Но кромѣ указанной причины—излишка рабочихъ силъ въ семьѣ, существуютъ и другія условія, побуждающія къ отходу. Если распредѣлить семьи по величинѣ надѣловъ, то наибольшій % уходитъ оттуда, гдѣ надѣлы меньше, и наоборотъ. Такъ, по 9 уѣздамъ Воронежской губ , которые я бралъ раньше:

	Десятинъ земли на 1 хозяйство.	Арендующихъ землю, % ко всѣмъ хозяйствамъ.	Въ среднемъ на 1 хоз. аренд. земли десятинъ.
Среднія по 9 уѣздамъ. . . .	11,4	43,6	5,6
У поставляющихъ батраковъ.	9,7	28,4	3,5

Очевидно, гдѣ надѣлы меньше, оттуда и батраковъ уходитъ больше. Рядомъ съ земельной необезпеченностью здѣсь оказываетъ вліяніе и недостатокъ скота: процентъ не имѣющихъ его совсѣмъ или имѣющихъ его въ недостаточномъ количествѣ больше среди хозяйствъ, поставляющихъ батраковъ, чѣмъ среди непоставляющихъ, что подтверждается данными по тѣмъ же уѣздамъ Воронежской губ.

	Не обрабатывающихъ землю.	Не имѣющихъ рабочаго скота.	Безъ всякаго скота.
	Въ процентахъ ко всѣмъ хозяйствамъ.		
Въ среднемъ по 9 уѣздамъ . .	9,4	23	11,2
У поставляющихъ батраковъ.	14,8	38,5	21,1

Далѣе при недостаточныхъ надѣлахъ на отходъ оказываетъ вліяніе близость и величина частновладѣльческихъ имѣній, при чемъ не столько вліяетъ общее количество, сколько именно количество распаханной частновладѣльческой земли. Если взять по разнымъ уѣздамъ процентъ уходящихъ въ наемъ на сельскохозяйственныя работы и сопоставить съ величиной надѣловъ и распаханной частновладѣльческой земли, то съ уменьшеніемъ надѣловъ и увеличеніемъ частновладѣльческой пашни увеличивается число батраковъ. Итакъ, количество батраковъ зависитъ отъ цѣлаго ряда условій. отъ величины надѣловъ, возможности арендованія земли, количества и близости частновладѣль-

ческихъ хозяйствъ, способа веденія послѣднихъ, отъ развитія внѣземледѣльческихъ промысловъ и т. д. Но изъ всѣхъ этихъ причинъ величина надѣловъ и количество частновладѣльческихъ земель отражается все-таки болѣе замѣтно на количествѣ батраковъ

Обращаюсь теперь къ *платѣ* за сельскохозяйственныя работы Соотвѣтственно условіямъ найма на круглый годъ, на лѣто или поденно, и плата устанавливается годовая, лѣтняя или поденная. Послѣдняя выдерживаетъ вообще весьма значительныя колебанія, въ зависимости отъ условій года и даже момента сельскохозяйственныхъ работъ, не говоря уже, конечно, о вліяніи большаго или меньшаго притока рабочихъ. Большей опредѣленностью отличается плата годовая и лѣтняя. Наиболѣе точнымъ выраженіемъ высоты платы служила бы, конечно, денежная плата, но такъ какъ она не вездѣ у насъ распространена, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается плата частью деньгами, частью натурой, либо исключительно натурой, какъ наприм., хлѣбомъ, либо уступкой земли въ арендное пользованіе въ разныхъ формахъ, то слѣдуетъ раньше остановиться на томъ, гдѣ и какой именно видъ платы преобладаетъ. Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ преобладаетъ наемъ годовой, лѣтній или поденный пришлыхъ рабочихъ изъ центральныхъ губерній, а не мѣстныхъ, на хозяйскихъ харчахъ, а годовыхъ даже на хозяйской одеждѣ. Въ восточныхъ степныхъ губерніяхъ, за Волгой—плата издѣльная и часто прямо хлѣбомъ. Въ центральной черноземной полосѣ отъ Днѣпра до Волги и еще въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской, гдѣ густое населеніе и избытокъ рабочихъ, а надѣлы малы,—распространена сдача земли въ аренду во всѣхъ формахъ: за деньги, исполу, за отработки, и, при отсутствіи промысловъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большой нуждѣ, зимняя наемка, т.-е. когда нужда въ деньгахъ достигаетъ наибольшихъ размѣровъ, при условіи, что работа будетъ произведена крестьянскимъ инвентаремъ, при чемъ заработная плата значительно дешевле, что отражается и на платѣ пришлымъ сюда рабочимъ. Въ привислянскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ

много безземельныхъ и бездомовыхъ, поэтому тамъ нѣтъ найма крестьянъ съ ихъ инвентаремъ, а нанимаются только батраки. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ: Московской, Ярославской, Владимірской, Смоленской, Тверской, Новгородской и др., гдѣ частновладѣльческіе посѣвы малы, годовыхъ рабочихъ очень мало; существуютъ здѣсь лѣтніе рабочіе, при чемъ распространена обработка крестьянскимъ же инвентаремъ, а затѣмъ самые разнообразные способы найма: поденный, издѣльный, зимняя наемка и пр.

Различныя экономическія условія всѣхъ названныхъ мѣстностей вызываютъ и различную плату сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Наибольшая годовая и лѣтняя плата рабочимъ на крайнемъ югѣ, гдѣ запашки больше и большая часть года занята работами; рабочій здѣсь пришлый. Съ другой стороны, высокая заработная плата въ промышленныхъ губерніяхъ: промышленная жизнь вызываетъ здѣсь большой отливъ рабочихъ на фабрики, и въ различные промыслы. Самая низкая земледѣльческая плата въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, гдѣ много безземельныхъ и относительно малы площади пахатныхъ земель у частныхъ владѣльцевъ. Приведу нѣкоторыя цифры для характеристики сказаннаго:

Районы.	Плата годовымъ рабочимъ.	Плата лѣтнимъ рабочимъ.
	Въ рублях ъ.	
Южныя степныя губерніи	88,60 (отъ 50 до 120)	54,90 (отъ 35 до 95)
Прибалтійскія „	82 („ 60 „ 110)	53,33 („ 40 „ 65)
Сѣверозападныя „	77 („ 50 „ 120)	53,25 („ 35 „ 90)
Промышленныя „	64 („ 36 „ 90)	42,86 („ 25 „ 60)
Сѣверн. нечернозем. „	63 („ 40 „ 90)	46 66 („ 28 „ 70)
Восточн. и юговосточ. „	60 86 („ 35 „ 120)	38,16 („ 20 „ 80)
Среднія черноземныя „	60 („ 40 „ 80)	43,17 („ 30 „ 56)
Средне-волжскія „	58 („ 40 „ 90)	39,33 („ 30 „ 60)
Сѣверныя черноземн „ (Курск., Пенз. и др.)	51,79 („ 35 „ 70)	36,79 („ 20 „ 55)
Западныя „	44 („ 25 „ 60)	32,75 („ 24 „ 50)
Юго-западныя „	41,67 („ 20 „ 90)	37,50 („ 26 „ 50)
	Средняя.	
Для черноземной полосы	64	42,86
„ нечерноземной „	62,63	44,25

Средняя земледѣльческая плата для всей Россіи: лѣтняя 43,14, годовая 61,22 руб. Какъ можно видѣть изъ приведенной выше таблицы, въ большинствѣ случаевъ, кромѣ трехъ, годовая плата либо очень близка къ средней для всей Россіи, либо даже ниже ея, а эта плата (61,22) не покрываетъ расходовъ на пищу семьи, если въ ней 3,2 человѣка безъ рабочаго.

Остается упомянуть еще о косаряхъ. Еще съ весны цѣлыя массы такихъ рабочихъ направляются изъ среднихъ и сѣверныхъ черноземныхъ губерній въ Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Ставропольскую губ., въ область Войска Донского, въ Кубанскую область. Проходятъ они туда и обратно около мѣсяца, а работаютъ отъ 1 до 4 мѣсяцевъ. Но такъ какъ движеніе это не урегулировано и косари отправляются въ разныя мѣста, основываясь на однихъ только слухахъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ мѣстахъ спросъ еще существуетъ и въ какихъ онъ уже удовлетворенъ, то они нерѣдко продолжаютъ переходить съ мѣста на мѣсто, пока не найдутъ работу. Случается, что работа совсѣмъ не находится. Въ газетахъ нерѣдко приходится встрѣчать сообщенія о томъ, что цѣлыя партіи такихъ рабочихъ, не найдя никакой работы, возвращаются къ своимъ мѣстамъ, поддерживая въ дорогѣ свое существованіе милостыней.

Въ заключеніе этого отдѣла отмѣчу нѣкоторыя особенности вопроса о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ одной изъ предыдущихъ лекцій я уже говорилъ, что одной изъ главныхъ заботъ въ крупныхъ хозяйствахъ является забота объ обезпеченіи хозяйства рабочими силами. Крупныя хозяйства повсюду почти не бываютъ обезпечены рабочими силами настолько, чтобы на этомъ можно было строить какіе-нибудь опредѣленные разсчеты относительно предпринимаемыхъ работъ. Малѣйшее измѣненіе въ цѣнѣ на сельскохозяйственные продукты, въ климатическихъ условіяхъ, сейчасъ отражается на колебаніи рабочей платы въ горячее рабочее время, и стоитъ сосѣду сдѣлать только незначительную прибавку къ прежней платѣ, чтобы рабочіе шли къ нему.

Къ этому сводится множество жалобъ сельскихъ хозяевъ, и жалобы эти, надо сказать, не безосновательны въ томъ смыслѣ, что возможность извлекать прибыль изъ приложенія чужого труда въ обработывающей и добывающей промышленности должна бы быть поставлена въ одинаковыя условія На дѣлѣ же замѣчается большая разница. Каждая рабочая сила, нанятая на годъ или лѣто, въ случаѣ неблагопріятныхъ, напр., климатическихъ условій даннаго года, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени пропадаетъ для нанимателя даромъ. И на мелкомъ хозяйствѣ отражаются, конечно, тяжело неблагопріятныя климатическія условія, но крестьянинъ, не пользующійся трудомъ чужой рабочей силы, не терпитъ и прямыхъ убытковъ отъ бездѣйствія, такъ какъ не тратитъ наемной платы, а свою собственную рабочую силу онъ можетъ въ такое неблагопріятное время приложить въ нѣкоторыхъ случаяхъ и къ какому-нибудь другому занятію. Чѣмъ больше хозяйство, тѣмъ больше колебанія въ числѣ рукъ, необходимыхъ для разныхъ временъ года, и тѣмъ неблагопріятнѣе это условіе. Если всегда держать только такое количество рукъ, которое найдетъ себѣ занятіе въ теченіе круглаго года, то опять-таки является неувѣренность, что онѣ будутъ найдены въ достаточномъ количествѣ въ горячую пору, когда работы должны быть произведены спѣшно и рабочихъ рукъ потребуется сразу большое количество. Опасенія эти не напрасны, такъ какъ несвоевременность работъ можетъ принести въ сельскомъ хозяйствѣ огромные убытки. Неблагопріятныя послѣдствія, вытекающія именно изъ этихъ неустойчивыхъ условій, не имѣютъ мѣста при отсутствіи товарнаго хозяйства, когда продукты производятся главнымъ образомъ для собственныхъ нуждъ.

Примѣчаніе Болѣе подробныя свѣдѣнія о сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Россіи можно найти въ ст. **С Ф. Руднева:** „Сельскохозяйственные рабочіе“ (Саратовскій Земскій Сборникъ, 1894 г., № 9). Оттуда заимствованы и многія изъ приведенныхъ въ этомъ отдѣлѣ данныхъ. Достаточно матеріала сгруппировано въ книгѣ: **Кн. Н. Шаховскаго:** „Сельскохозяйственные отхожіе промыслы“, М 1896. Значеніе рабочихъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ и общія условія, опредѣляющія ихъ положеніе въ немъ, выясняются въ соч. **Н. А. Каблукова:** „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ М 1884.

X. Условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ и задолженность землевладѣнія.

Въ предыдущей лекціи были указаны нѣкоторыя неблагопріятныя условія земледѣльческихъ хозяйствъ, производящихъ на сбытъ. Теперь приходится коснуться другихъ условій.

Въ сельскомъ хозяйствѣ капиталъ не одинаково утилизируется въ разное время года: живой и мертвый инвентарь, работая лѣтомъ, очень мало, а иногда и совсѣмъ не утилизируется зимой. Эта невозможность воспроизводить непрерывно въ теченіе круглаго года затраченный капиталъ, помимо еще другихъ условій, служитъ причиной той огромной задолженности землевладѣнія, которая имѣетъ мѣсто не только въ Россіи, но и вездѣ, кромѣ Англіи. Начало образованія задолженности относится къ тому времени, когда земля поступила въ обращеніе, когда она превратилась въ товаръ. Но цѣнность земли опредѣляется не такъ, какъ цѣнность другихъ товаровъ. Цѣнность послѣднихъ опредѣляется, какъ извѣстно, количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени, затрачиваемаго на ихъ производство. Земля, не представляя результата человѣческаго труда, не можетъ быть, конечно, оцѣняема по этому масштабу. Но такъ какъ она дѣлается товаромъ въ капиталистическую эпоху, то цѣнность ея и приравнивается къ условіямъ, по которымъ обмѣниваются различные продукты. Главной функціей капитала является прибыль, которую капиталистъ разсчитываетъ получить; отсюда и цѣнность земли

опредѣляется по прибыли, которую она приноситъ. Цѣнность земли, такимъ образомъ, опредѣляется путемъ капитализаціи изъ обычнаго процента приносимаго ею дохода, который находится въ зависимости отъ цѣнности ея продуктовъ. Но цѣнность послѣднихъ колеблется изъ года въ годъ. Въ обработывающей промышленности переработывается опредѣленное количество матеріала и выходъ продукта заранѣе опредѣленъ, заранѣе, слѣдовательно, можетъ быть опредѣлена и цѣнность продукта, а колебанія въ цѣну его вводитъ уже рынокъ, а не самыя условія производства Иначе стоитъ дѣло въ сельскохозяйственномъ производствѣ: при одинаковыхъ затратахъ въ одномъ году могутъ получиться одни результаты, въ другомъ другіе, часто совсѣмъ неожиданные; даже въ одномъ и томъ же году въ двухъ имѣніяхъ, при одинаковой почвѣ, но при различіи климатическихъ вліяній, получаются различные результаты, а слѣдовательно, и цѣна продуктовъ будетъ разная. Стало быть, уже въ стадіи производства создаются колебанія въ отношеніи произведенныхъ затратъ и ихъ результатовъ, а далѣе, само собой разумѣется, колебанія въ цѣнѣ, которыя производитъ рынокъ. Такимъ образомъ, если тревоги фабриканта начинаются только съ поступленіемъ продукта на рынокъ, то для сельскаго хозяина такое тревожное состояніе начинается гораздо раньше

Если неблагопріятныя климатическія условія повторяются нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, то это значитъ, что при прежнихъ же затратахъ количество продуктовъ уменьшается, а нерѣдко и качество ихъ понижается, доходъ съ земли уменьшается, а соотвѣтственно этому падаетъ и цѣнность ея. Слѣдовательно, купившій землю въ годъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ является владѣльцемъ меньшаго капитала, сравнительно съ тѣмъ, что она стоитъ, когда цѣны на хлѣбъ и землю падаютъ. Далѣе, съ развитіемъ международнаго обмѣна, указанныя колебанія увеличиваются еще больше, такъ какъ цѣна хлѣба, а тѣмъ самымъ и земли, зависитъ не только отъ состоянія внутренняго рынка, но и международнаго. Между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ земледѣль-

ческая культура распространилась на такія страны, гдѣ раньше не было и ноги человѣка. Нѣкоторыя изъ такихъ странъ даютъ возможность производить больше продуктовъ при меньшихъ затратахъ, чѣмъ въ странахъ старыхъ, и, наприм., англійское производство оказывается болѣе дорогимъ, чѣмъ австралійское. Вслѣдствіе этого на международномъ рынкѣ цѣны на хлѣбъ падаютъ, падаютъ цѣны земель, т.-е. вложенный въ нихъ капиталъ какъ бы уменьшается. Въ случаѣ такихъ неблагопріятныхъ условій, сельскій хозяинъ, затрачивая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ капиталъ на веденіе хозяйства и не воспроизводя его въ количествѣ, достаточномъ для покрытія потребностей и дальнѣйшаго веденія дѣла, приходитъ къ той же необходимости, какая создается и для фабриканта неблагопріятными рыночными условіями онъ вынужденъ обратиться къ кредиту, если у него нѣтъ достаточныхъ запасныхъ средствъ. Но здѣсь, въ сельскомъ хозяйствѣ, кредитъ имѣетъ иную форму и иное значеніе, чѣмъ въ обработывающей промышленности. Въ послѣдней онъ большей частью краткосроченъ и обезпечивается продуктами производства, а не самимъ имуществомъ, т.-е. не орудіями и средствами производства, а если бываетъ послѣднее, то это значитъ, что производство даннаго лица не пользуется достаточнымъ довѣріемъ. Обыкновенно же кредитъ дается только подъ вексель, обезпечиваемый только тѣмъ, что въ данное время производится товаръ, который въ моментъ сбыта покроетъ заемъ. Иныя условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ: здѣсь нѣтъ увѣренности въ выходѣ продуктовъ, а потому послѣдніе и не могутъ служить надежнымъ обезпеченіемъ кредита. Вслѣдствіе этого онъ дается здѣсь въ большинствѣ случаевъ только подъ залогъ недвижимости, иначе говоря, самымъ распространеннымъ здѣсь является ипотечный кредитъ подъ залогъ самого имѣнія. Такой кредитъ создаетъ очень часто самыя затруднительныя положенія для хозяйства. Допустимъ, наприм., такой случай, далеко не рѣдкій. Въ данномъ году, вслѣдствіе неурожая и недостатка денегъ, имѣніе закладывается, ссуда затрачивается на про-

изводство. Въ слѣдующемъ году снова либо неурожай, либо урожай неудовлетворительный: приходится снова прибѣгать къ кредиту, чтобы вести дальше хозяйство. Но мы сейчасъ увидимъ, насколько даже только вторичнымъ займомъ осложняется затруднительное положеніе. Дѣло въ томъ, что подъ землю никогда не выдается полная ссуда, т.-е., эквивалентъ стоимости земли, а выдаются только $^2/_3$ этой стоимости, именно въ виду того, что вслѣдствіе колебаній, о которыхъ я говорилъ раньше, цѣнность земли можетъ понизиться. Эта остающаяся $^1/_3$ даетъ землевладѣльцу возможность воспользоваться ссудой въ другой разъ, что онъ и дѣлаетъ, закладывая эту часть въ другія руки. Но эта часть представляетъ для кредитора меньше гарантій, соотвѣтственно чему и % за эту вторичную ссуду выше, чѣмъ при первомъ залогѣ. Если прежде на имѣніи лежалъ долгъ и оно не могло выполнить лежавшихъ на немъ обязательствъ, то теперь, съ повышеніемъ % и большей задолженностью, положеніе еще хуже. Если на землѣ 2 закладныя, то въ случаѣ необходимости новаго обращенія къ кредиту, приходится занимать уже подъ инвентарь Послѣдній еще меньше обезпечиваетъ ссуду, а потому условія займа подъ него еще тяжелѣе.

Таково положеніе большей части частновладѣльческихъ хозяйствъ въ Европейскихъ государствахъ, и необходимы самыя благопріятныя условія, чтобы изъ этого положенія выйти. Это обстоятельство подробно развито Лоренцомъ фонъ-Штейномъ въ его книгѣ „Die drei Fragen des Grundbesitzes“. Его разсужденія по этому вопросу весьма поучительны, а потому я въ нѣсколькихъ словахъ приведу ихъ здѣсь. Земля, разсуждаетъ онъ, является въ современномъ обществѣ орудіемъ капитализаціи: сдавая ее въ аренду, владѣлецъ получаетъ возможность собирать капиталъ, не прилагая непосредственно своего труда, хотя самое хозяйство на арендуемой землѣ въ большинствѣ случаевъ ведется либо не на капиталистическихъ началахъ, если хозяйство мелкое, либо, если и на капиталистическихъ началахъ, то въ мелкой формѣ. Съ другой стороны, въ томъ случаѣ, когда хозяйство ведется самимъ собственникомъ, земля, если на ней

лежитъ долгъ, а это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, способствуетъ капитализаціи тѣхъ, кто даетъ подъ нее деньги. Въ результатѣ владѣльцемъ въ сущности, при такой задолженности, при обязательствѣ платить % за занятый капиталъ, является собственно не юридическій владѣлецъ, а тотъ, кому уплачиваются проценты. По мнѣнію Л. Ф.-Штейна, три обстоятельства вызываютъ задолженность. Во-первыхъ, при наслѣдованіи дробится земля, а вмѣстѣ съ ней мертвый и живой инвентарь; часто это вызываетъ иной строй хозяйства, для чего новымъ владѣльцамъ приходится, въ случаѣ недостатка свободныхъ средствъ, прибѣгать къ займу. Если-же все имѣніе оставляетъ за собой одинъ изъ наслѣдниковъ, то для уплаты остальнымъ ихъ долей въ наслѣдствѣ опять-таки является необходимость въ займѣ. Другая причина — покупка земли съ переводомъ долга. Въ этомъ случаѣ для пріобрѣтенія требуется наличнаго капитала меньше, чѣмъ цѣнность пріобрѣтаемаго имущества, но за то послѣднее является уже съ самаго начала новаго владѣнія обремененнымъ долгомъ. Наконецъ, 3-я причина та, что имѣніе, съ увеличеніемъ интензивности хозяйства, требуетъ различныхъ улучшеній. Если на это не хватаетъ средствъ, то приходится пользоваться кредитомъ. Но всякія улучшенія такого рода сказываются не тотчасъ-же, а въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а потому и самый заемъ дѣлается на продолжительный срокъ и уплата процентовъ производится въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Такъ создается задолженность, которая постепенно растетъ еще потому, что послѣдняя причина имѣетъ мѣсто и въ первыхъ двухъ случаяхъ, т.-е. съ теченіемъ времени требуется переходъ къ болѣе интензивной культурѣ, что нерѣдко ведетъ къ новой задолженности. А къ этому присоединяются еще затрудненія, вызываемыя всемірнымъ хозяйствомъ

Я уже говорилъ, что нужны весьма благопріятныя условія, чтобы владѣлецъ имѣнія, обремененнаго долгами, могъ выйти изъ такого затруднительнаго положенія. Но очевидно, если такія условія не наступили, несмотря на всѣ уси-

лія владѣльца, то тяжесть долговъ увеличивается, такъ какъ съ каждымъ новымъ займомъ, имѣніе должно оплатить не только расходы и обычную прибыль, но и всѣ проценты по долгамъ, и, наконецъ, имѣніе, послѣ нѣкоторыхъ стараній владѣльца удержать его въ своихъ рукахъ, поступаетъ въ продажу. Сильная мобилизація земли, наблюдаемая въ разныхъ Европейскихъ государствахъ, подтверждаетъ эти предположенія: въ среднемъ земля въ однѣхъ рукахъ остается отъ 12 лѣтъ въ Австріи до 16 лѣтъ въ Пруссіи. Въ фабричной промышленности такой краткій срокъ владѣнія встрѣчается гораздо рѣже. Итакъ, въ однѣхъ странахъ, какъ Англія, земля для сельскохозяйственнаго пользованія находится въ рукахъ фермеровъ, слѣдовательно, уже въ силу самыхъ условій аренды, только временно. Въ другихъ, какъ Австрія и Пруссія, земля недолго остается въ однѣхъ рукахъ вслѣдствіе сильной мобилизаціи земельной собственности. Такое краткое пользованіе землей не можетъ въ достаточной степени способствовать развитію сельскаго хозяйства въ имѣніяхъ, построенныхъ на капиталистическихъ началахъ. Все сказанное мною указываетъ на нѣсколько иное положеніе капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ, нежели въ обрабатывающей промышленности.

Обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію изображеннаго сейчасъ явленія, т.-е. задолженности землевладѣнія въ Россіи. Но прежде укажу въ нѣсколькихъ словахъ на существующіе виды кредита въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь слѣдуетъ различать три вида. Во-первыхъ, кредитъ подъ *движимое* имущество. Онъ обыкновенно дается на небольшіе сроки, но не менѣе года, такъ какъ полный оборотъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ совершается въ теченіе года. Въ Россіи этотъ видъ кредита почти не развитъ, если не считать ростовщичества въ деревняхъ; были попытки организовать для этого рода кредита ссудо-сберегательныя товарищества, но существенныхъ послѣдствій эти попытки не имѣли. Успѣшнѣе другихъ функціонировали Рафэйзеновскія товарищества въ Гер-

маніи, названныя такъ по имени ихъ основателя; здѣсь кредитъ выдается за круговой порукой и на опредѣленныя нужды. Второй видъ кредита — *меліоративный*. Онъ дается для производства какихъ-либо прочныхъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя окупаются, а нерѣдко и производятся, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, почему и самый кредитъ дается на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ первый видъ. Наконецъ, кредитъ подъ залогъ недвижимаго имѣнія—*ипотечный*, о которомъ я уже говорилъ раньше. Изъ двухъ послѣднихъ виловъ кредита у насъ первымъ по времени является ипотечный. Онъ существовалъ у насъ еще въ то время, когда вся сила землевладѣнія лежала въ крестьянахъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ землей собственность владѣльца. Первое поземельное кредитное учрежденіе, въ видѣ двухъ дворянскихъ банковъ, основано было при Елизаветѣ въ 1754 году. Ссуды выдавались въ началѣ на 2 года, но вслѣдствіе неисправности плательщиковъ уже въ 1761 году вмѣсто этихъ краткосрочныхъ ссудъ введены были ссуды долгосрочныя. При Екатеринѣ II въ 1786 году банки эти преобразованы были въ Государственный заемный банкъ, „дабы всякій хозяинъ могъ удержать свои земли“. Выдавалось изъ этого банка по 40 руб. на каждую ревизскую душу, срокомъ на 20 лѣтъ. Замѣтимъ, что уже въ 1859 г. въ этомъ учрежденіи было заложено болѣе $^2/_3$ общаго числа крѣпостныхъ душъ. Тѣ же операціи по выдачѣ ссудъ совершали сохранная казна и приказы общественнаго призрѣнія. Но нужда въ кредитѣ росла и вызывала кредитныя учрежденія: въ 1802 году основанъ былъ Эстляндскій дворянскій банкъ, въ 1825 году такой же въ Привислянскихъ губерніяхъ, въ 1841 году—Нижегородскій дворянскій банкъ; изъ этого послѣдняго выдавалось по 60 руб. на ревизскую душу, срокомъ на 26 и 37 лѣтъ. Но въ 1859 году Государственный заемный банкъ былъ уничтоженъ и до 1864 года не было организованнаго земельнаго кредита. Мы подошли, такимъ образомъ, къ моменту отмѣны крѣпостного права. Въ эпоху послѣдняго не было большой нужды въ капиталѣ для сельскохозяйственнаго производства: надобности въ наемномъ трудѣ не

было; тамъ, гдѣ владѣльцы сами вели хозяйство, земля обработывалась крестьянскимъ инвентаремъ; гдѣ-же крестьяне были на оброкѣ, тамъ владѣльцы большей частью вовсе не вели своего хозяйства. Задолженность же, которую мы находимъ и при крѣпостномъ правѣ, объясняется отчасти тѣмъ, что большая часть землевладѣльцевъ того времени—дворяне, владѣвшіе крестьянами, являлись служилыми людьми и должны были нести разные расходы по службѣ въ формѣ денегъ, которыхъ они, при натуральномъ хозяйствѣ того времени, не могли получить въ требуемомъ количествѣ отъ своихъ имѣній. Были и другія причины, лежавшія во всемъ строѣ крѣпостной жизни, но во всякомъ случаѣ кредитъ не служилъ сельскохозяйственному производству. Таковъ характеръ задолженности землевладѣнія до реформы 1861 года. Частью задолженность эта была погашена реформой, но потомъ она снова стала расти. Освобожденіе крестьянъ рѣзко измѣнило всю экономическую жизнь Россіи, а въ частности измѣнило и весь характеръ частновладѣльческаго хозяйства: потребовался наемный трудъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ владѣльцы стали обзаводиться мертвымъ и живымъ инвентаремъ. Для всего этого требовались деньги. Въ отвѣтъ на эту потребность стали возникать разныя кредитныя учрежденія: въ 1864 году былъ основанъ первый частный земельный банкъ—Херсонскій, въ 1866 году основалось Общество взаимнаго поземельнаго кредита, а потомъ и другія. Съ 1886 года открылъ свои операціи Государственный дворянскій земельный банкъ: ссуды выдавались въ бо́льшихъ размѣрахъ и на льготныхъ условіяхъ.

Тридцатилѣтній періодъ существованія пореформенныхъ кредитныхъ учрежденій даетъ нѣкоторыя данныя для характеристики современной задолженности частновладѣльческихъ имѣній въ Россіи. Въ 1894 году на этихъ имѣніяхъ лежалъ долгъ въ 1 милліардъ 174 милліона руб. съ лишнимъ Изъ этой суммы на долю Европейской Россіи, кромѣ Прибалтійскаго края, приходится около 1 милліарда, въ среднемъ на каждый годъ около 40 милліоновъ. Изъ всей частно-

владѣльческой земли (около 115 милліоновъ десятинъ) въ залогѣ было около 47 милліоновъ дес., или 41,3%; число заложенныхъ имѣній 108394. Вся заложенная земля оцѣнена болѣе чѣмъ въ 2 милліарда. По различнымъ мѣстностямъ % заложенной земли колеблется, составляя свыше 70% въ губ. Эстляндской (96,4%) и Лифляндской (86,2%); свыше 50% и до 70% въ Херсонской (68,4%), Екатеринославской, Подольской, Пензенской, Минской, Харьковской, Кіевской, Тамбовской, Курляндской, Казанской, Саратовской, Тульской, Уфимской, Гродненской, Симбирской, Полтавской и Бессарабской (50,3%), всего въ 18-ти губерніяхъ, принадлежащихъ къ южной полосѣ, центральной земледѣльческой и частью Приволжскому району; отъ 40% до 50% въ 13-ти губерніяхъ степной и черноземной полосы, въ томъ числѣ Витебская, Орловская, Воронежская, Курская и Таврическая губ.; отъ 30% до 40% въ 13-ти губерніяхъ, въ томъ числѣ Черниговская, Калужская, Оренбургская, Самарская, Рязанская, Петербургская, Смоленская; отъ 20% до 30% въ 8 губерніяхъ, въ томъ числѣ: Псковская, Нижегородская, Пермская, Московская и Костромская губ.; наименьшій % падаетъ на Елизаветпольскую губ. (1,5%) и на Вятскую (5,5%). Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что наибольшая задолженность частновладѣльческихъ имѣній встрѣчается въ прибалтійскихъ губерніяхъ, центральныхъ земледѣльческихъ, южныхъ степныхъ и приволжскихъ, т.-е. по преимуществу земледѣльческихъ; наоборотъ, наименьшая — кромѣ Кавказа, въ губерніяхъ сѣверныхъ и промышленныхъ, т.-е. въ мѣстахъ, которыя имѣютъ наименѣе земледѣльческій характеръ.—Всѣ эти долги образовались въ теченіе 30 лѣтъ, увеличиваясь съ каждымъ годомъ на сумму около 40 милліоновъ рублей. Впрочемъ надо замѣтить, что приведенныя цифры не даютъ еще полнаго представленія о размѣрахъ задолженности. Дѣло въ томъ, что эти данныя говорятъ только о размѣрахъ займовъ подъ первыя закладныя, но, какъ я уже говорилъ, подъ первую закладную выдается ссуда только въ размѣрѣ $^2/_3$ цѣнности земли; остальную $^1/_3$ можно заложить въ частныя руки подъ вторую за-

кладную. Къ этому прибѣгаютъ нерѣдко и такихъ долговъ тоже довольно много. По исчисленію за 1888 г. такихъ займовъ было сдѣлано на сумму 36 милліоновъ рублей.

Не трудно видѣть, что данныя по Россіи подтверждаютъ все то, что мною было сказано о задолженности вообще. Существуетъ попытка объяснить задолженность между прочимъ непроизводительнымъ употребленіемъ ссудъ. Объясненіе, конечно, недостаточное. Несомнѣнно, что если бы хотя $^1/_2$ суммы долга приложена была къ земледѣльческому хозяйству, то оно имѣло бы иной видъ, сравнительно съ настоящимъ. Но, повторяю, одно только употребленіе полученныхъ ссудъ не по назначенію ихъ не даетъ еще достаточнаго объясненія разсматриваемому явленію. Для этого слѣдуетъ разсмотрѣть всѣ условія, въ которыхъ стоитъ землевладѣніе не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ.

Задолженность дворянскаго землевладѣнія неоднократно обращала на себя вниманіе правительства, и неоднократно принимались мѣры къ его поддержанію. Такое значеніе имѣлъ учрежденный въ 1885 году Государственный дворянскій земельный банкъ, призванный удержать дворянское землевладѣніе отъ перехода въ руки другихъ сословій. Тѣмъ не менѣе, по даннымъ относительно перехода земель послѣ 1885 года переходъ дворянскихъ земель въ руки другихъ сословій продолжался съ неменьшей силой. При этомъ замѣчается слѣдующая зависимость: если сопоставить задолженность по разнымъ годамъ съ годами высокихъ и низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, то оказывается, что наибольшая убыль дворянскаго землевладѣнія происходитъ въ годы высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, и въ тѣ же годы растетъ землевладѣніе другихъ сословій. Фактъ на первый взглядъ непонятный: казалось бы, что въ годы высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ должно было бы быть меньше побужденій продавать землю. Но это показываетъ, что стремленіе продавать землю всегда есть, спросъ-же на землю въ годы низкихъ цѣнъ на хлѣбъ меньше, да и цѣнность земли ниже, почему продать землю въ такое время либо возмож-

но только на очень невыгодныхъ для собственника условіяхъ, либо совсѣмъ не представляется возможнымъ. Въ годы же высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ наоборотъ, спросъ на землю увеличивается, цѣнность ея повышается, и значительная часть продаваемыхъ земель дѣйствительно поступаетъ въ продажу. Это обстоятельство заслуживаетъособеннаго вниманія потому, что въ самые послѣдніе годы затруднительное положеніе частнаго землевладѣнія пытались объяснить только низкими цѣнами на хлѣбъ. Но уже изъ сказаннаго мною можно видѣть, что причины сокращенія дворянскаго землевладѣнія совсѣмъ иныя, и вовсе не низкія цѣны ведутъ къ этому. Оставляя въ сторонѣ послѣдніе 2—3 года, въ послѣднія 30 лѣтъ наиболѣе высокія цѣны на хлѣбъ были въ 1879—85 гг., и это же годы наибольшаго сокращенія дворянскаго землевладѣнія. А въ это время не было еще Крестьянскаго поземельнаго банка, по поводу учрежденія котораго также были предположенія, что онъ облегчитъ переходъ дворянскихъ земель въ другія руки. Крестьянскій банкъ былъ учрежденъ въ 1884 году, а функціонировать началъ только въ 1885 году. Дѣло, очевидно, не въ Крестьянскомъ банкѣ и не въ низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, а въ тѣхъ общихъ условіяхъ, въ которыхъ стоитъ все частное землевладѣніе вообще, среди котораго у насъ дворянское землевладѣніе, какъ это указано въ предыдущихъ лекціяхъ, является преобладающимъ; на немъ рельефнѣе всего и выражаются условія частнаго землевладѣнія.

Изъ приведенныхъ данныхъ о задолженности вполнѣ вытекаютъ тѣ заключенія Л. Ф.-Штейна, которыя я приводилъ раньше. Логически неизбѣжно частное землевладѣніе, съ тѣхъ поръ какъ земля стала товаромъ, становится въ подчиненное положеніе къ денежному капиталу и большая часть землевладѣльцевъ становятся данниками капиталистовъ. Землевладѣлецъ извлекаетъ доходы изъ земли, чтобы уплачивать проценты капиталисту, и фактически земля становится собственностью тѣхъ лицъ, которыя ссужаютъ капиталы, а замлевладѣльцы какъ бы управляютъ ихъ землей. Слѣдовательно, самостоятельность землевладѣльцевъ

при такихъ условіяхъ есть ничто иное, какъ фикція. Но такъ какъ земля—товаръ, который не можетъ быть воспроизведенъ, подобно другимъ товарамъ, въ любомъ количествѣ, составляя территорію государства и обусловливая складъ экономическихъ отношеній въ странѣ, то, разъ собственники земли только юридически числятся ими, будучи на дѣлѣ не больше, какъ данниками капиталистовъ, нѣтъ и основаній для того, чтобы это фиктивное положеніе продолжало оставаться и на будущее время. Отсюда, по мнѣнію Штейна и Родбертуса, неизбѣжнымъ является переходъ земли въ собственность государства съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ землей къ государству перешли и долги, лежащіе на ней, а собственники, и теперь уже переставшіе фактически быть ими, превратились во временныхъ владѣльцевъ, платящихъ извѣстный процентъ государству за пользованіе землею; разъ они перестаютъ пользоваться землей для собственной обработки, прекращаются основанія ихъ фактическаго владѣнія и земля передается тому, кто въ ней нуждается. Положеніе это сходно съ тѣмъ, какое существовало у насъ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ до 1866 года: они не были собственниками земли, а только пользовались ею, платя за это государству извѣстную оброчную подать.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ томъ же смыслѣ наиболѣе цѣлесообразной явилась бы реорганизація Крестьянскаго банка. При существующей его организаціи онъ оказывается наиболѣе дѣйствительнымъ только для наиболѣе достаточныхъ крестьянъ, а не для бѣдняковъ, которые болѣе нуждаются въ его помощи. Дѣло въ томъ, что при покупкѣ земли при помощи Крестьянскаго банка необходимо часть стоимости земли внести деньгами, а такъ какъ такихъ денегъ у недостаточныхъ крестьянъ нѣтъ, то они и прибѣгаютъ къ займамъ у частныхъ лицъ, большей частью у денежныхъ кулаковъ за высокіе проценты. Такимъ образомъ, кромѣ процентовъ и погашенія долга банку, имъ приходится платить еще проценты частному лицу. Все это большей частью приводитъ къ тому, что пріобрѣтенная

земля снова уходитъ отъ нихъ. Иначе было бы, если бы Крестьянскій банкъ разсматривалъ себя, какъ собственника земли, а крестьянъ только какъ арендаторовъ; не было бы тогда названныхъ условій для новаго обезземеленія, и землевладѣніе было бы прочнѣе.

Примѣчаніе. По вопросу о кредитѣ см. указанныя раньше: «Землевладѣніе и сельское хозяйство» и «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи».

XI. Товарищества въ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ прошлый разъ я останавливался на томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ стоитъ крупное землевладѣніе. Но это удѣлъ не одного только послѣдняго. И для мелкаго землевладѣнія существуетъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій: съ одной стороны, недостатокъ земли, инвентаря, недостатокъ средствъ для веденія хозяйства, а въ особенности для различныхъ улучшеній; съ другой—неприспособленность къ тѣмъ условіямъ, которыя создаетъ рынокъ. Правда, положеніе рынка, колебаніе цѣнъ на немъ меньше отзывается на мелкомъ землевладѣніи, потому что значительная часть добываемыхъ продуктовъ идетъ здѣсь для собственнаго потребленія и только часть поступаетъ на рынокъ. Но при современномъ товарномъ хозяйствѣ и мелкое землевладѣніе не можетъ обойтись безъ отчужденія хотя бы части продукта, при чемъ мелкое землевладѣніе въ этомъ отношеніи поставлено въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ крупное, такъ какъ приходится отчуждать по мелочамъ и при томъ прибѣгать къ содѣйствію посредниковъ, почему условія сбыта менѣе выгодны. Въ смыслѣ организаціи производства мелкое землевладѣніе также поставлено хуже, чѣмъ крупное. Время, напр., необходимое для того, чтобы наблюдать за правильнымъ ходомъ хозяйства, почти одинаково, какъ для крупнаго, такъ и для болѣе мелкаго хозяйства, а затрата его въ первомъ будетъ производительнѣе; точно также, какъ мы видѣли, затрата рабочихъ силъ лошади болѣе производительна при извѣстной величинѣ хо-

зяйства; отысканіе мѣста для сбыта ста или тысячи пудовъ хлѣба требуетъ также одинаковаго времени, а между тѣмъ оплата этого времени выйдетъ различна въ томъ и другомъ случаѣ, почему и можно сказать, что мелкое хозяйство поставлено менѣе благопріятно для сбыта.

Изъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ для мелкаго хозяйства условій возникаетъ стремленіе отдѣльныхъ такихъ хозяйствъ соединяться для совмѣстнаго преслѣдованія какихъ либо цѣлей: *производства*, *потребленія*, *сбыта* и пр. Особенно характерно въ этомъ отношеніи развитіе земледѣльческихъ синдикатовъ во Франціи. Здѣсь синдикаты надо разумѣть не въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣются картели предпринимателей. Это союзы мелкихъ землевладѣльцевъ, образовавшіеся за послѣднія 10 лѣтъ. Во Франціи давно существовали разные профессіональные синдикаты какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, для рѣшенія разныхъ вопросовъ, между прочимъ, даже и не экономическаго характера. Съ цѣлью урегулировать эти синдикаты внесенъ былъ въ 1884 году проектъ закона, статья 3-я котораго гласила, что профессіональные синдикаты имѣютъ цѣлью изученіе и защиту интересовъ промышленныхъ и торговыхъ. При обсужденіи этого проекта внесена была поправка: въ концѣ этой статьи прибавлено было—„и земледѣльческихъ“. Поправка была принята, очевидно, не по идейнымъ только соображеніямъ, а въ силу наличныхъ условій, такъ какъ синдикаты земледѣльческіе стали съ изданія этого закона развиваться очень быстро. Къ 1893 году ихъ было во Франціи уже 850, число членовъ доходило до 15 милліоновъ. Синдикаты по организаціи таковы, что могутъ включать нѣсколько товариществъ: потребительныхъ, производительныхъ и др. Такихъ товариществъ насчитывается около 2500. Синдикаты могутъ устраивать профессіональные курсы, опытныя и демонстративныя поля, древесные питомники, выставки; могутъ организовать кредитъ. совмѣстную покупку и продажу продуктовъ, сношенія съ правительствомъ, кассы взаимопомощи, посредничество при отысканіи занятій, страхованіе скота и пр. Цѣлая масса интересовъ, которые соприкасаются съ

сельскимъ хозяйствомъ и даже только вообще съ интересами самихъ хозяевъ, могутъ входить въ кругъ вѣдѣнія синдикатовъ. Фактически, какъ видно изъ уставовъ, синдикаты рѣдко преслѣдуютъ только одну какую нибудь цѣль, хотя есть синдикаты исключительно для страхованія скота, для борьбы съ филоксерой и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ они преслѣдуютъ нѣсколько различныхъ цѣлей. Составъ синдикатовъ довольно разнообразенъ: существуютъ синдикаты землевладѣльцевъ, рабочихъ и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. По капиталу допускается участіе лицъ, даже почти совсѣмъ неимущихъ, такъ какъ взносы бываютъ отъ 1 франка въ годъ. Главныя условія, вызывающія возникновеніе синдикатовъ,—это рыночныя условія: главной своей цѣлью синдикаты имѣютъ совмѣстную закупку орудій производства, сѣмянъ, скота и совмѣстный сбытъ продуктовъ. Но помимо чисто экономическихъ цѣлей нѣкоторые синдикаты включаютъ цѣлый рядъ задачъ, заключающихъ въ себѣ элементы и нравственнаго характера. Такъ наприм., въ случаѣ болѣзни одного изъ членовъ синдикатъ беретъ на себя обязанность обработать его участокъ, при чемъ предусматривается, сколько дней долженъ каждый потратить на обработку такого участка, какое пространство долженъ обработать и т. д.

При такой постановкѣ вопроса вполнѣ понятно возникновеніе производительныхъ кооперацій. Для примѣра можно указать на молочныя кооперації, какъ наиболѣе простыя и доступныя. Въ Германіи, Шлезвигъ-Голштиніи, Даніи имѣли наибольшее распространеніе до послѣдняго времени именно такія товарищества для переработки молочныхъ продуктовъ. Понятно, почему именно въ этой отрасли раньше развились товарищества: существующія теперь въ этой отрасли производства орудія слишкомъ дороги для отдѣльныхъ хозяевъ, а во вторыхъ, для переработки требуется большое количество молока. Поэтому отдѣльныя мелкія хозяйства стали соединяться въ товарищества, гдѣ все хозяйство до полученія продукта—молока велось врозь, и только молоко соединялось вмѣстѣ для переработки, а сбытъ окончательнаго продукта производства снова производился врозь каждымъ

хозяйствомъ. Такія условія сбыта вызывали сильную конкурренцію между хозяевами, что въ послѣднее время заставило ихъ соединяться въ союзы для сбыта.

Такіе же союзы стали съ недавнихъ поръ возникать и для сбыта зерновыхъ продуктовъ. Здѣсь практика показала, что гораздо выгоднѣе отчужденіе муки, а не зерна, такъ какъ, во 1-хъ, всѣ отбросы остаются въ имѣніи для разныхъ хозяйственныхъ надобностей, а во 2-хъ, перевозка муки дешевле, нежели перевозка зерна. А разъ возникаетъ товарищество для сбыта муки, то естественнымъ далѣе является устройство общей мельницы, а это далѣе повело за собой устройство на товарищескихъ началахъ хлѣбопекаренъ и булочныхъ.

Толчокъ къ наиболѣе успѣшному развитію различнаго рода ассоціацій можетъ дать постановленіе международнаго конгресса ассоціацій, имѣвшаго мѣсто въ Лондонѣ въ августѣ 1895 г.: на конгрессѣ рѣшено было войти въ сношеніе съ товариществами для сбыта другихъ странъ. При этомъ оказалось, что нѣкоторыя англійскія товарищества уже раньше стояли въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми германскими потребительными товариществами .Очевидно, что по задачамъ конгресса имѣлось въ виду установить непосредственныя сношенія между товариществами разныхъ странъ, чтобы такимъ путемъ открыть для нихъ сбытъ не только внутренній, но и внѣшній. Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что необходимость измѣненія условій сбыта служитъ причиной возникновенія производительныхъ товариществъ, а имъ на встрѣчу идутъ товарищества потребительныя.

Другимъ условіемъ, вызывающимъ возникновеніе производительныхъ товариществъ, является необходимость примѣненія усовершенствованныхъ орудій, какъ наприм. въ молочномъ хозяйствѣ, и требованія рынка, чтобы доставляемые продукты были извѣстнаго качества. Поясню на примѣрѣ значеніе послѣдняго условія, такъ какъ первое понятно и безъ всякихъ объясненій. Въ Кенигсбергѣ, наприм., существуетъ особое учрежденіе, гдѣ зерно сортируется, и тамошніе торговцы продаютъ его по опредѣленнымъ образ-

цамъ. Понятно, что для производителей болѣе выгоднымъ является продавать уже сортированное зерно. Пріобрѣтеніе необходимыхъ для этого сортировочныхъ машинъ и содержаніе складовъ непосильно для мелкихъ хозяевъ и ведетъ къ образованію товариществъ для этихъ цѣлей. У насъ въ Россіи, какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, замѣчаются такія явленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ: отдѣльныя товарищества, а иногда цѣлыя общины пріобрѣтаютъ на общій счетъ молотилки. А эти условія могутъ вызвать дальнѣйшее развитіе производительныхъ кооперацій: при общей молотилкѣ требуется общее гумно, а это можетъ повести и къ общей обработкѣ.

Когда я говорилъ о живомъ инвентарѣ, я указывалъ на то, какое значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ лошадь: чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ труднѣе использовать ея силу. Но причины этого лежатъ не только въ незначительности надѣловъ, а въ томъ еще обстоятельствѣ, что при условіи отдѣльнаго хозяйства является стремленіе снабдить каждый дворъ, каждаго рабочаго члена лошадью. При современной постановкѣ хозяйства это является вполнѣ естественнымъ. Но это ведетъ къ тому, что мелкій дворъ поставленъ въ худшія условія, такъ какъ онъ не можетъ использовать всю рабочу силу лошади не только зимой, но даже и лѣтомъ, въ особенности теперь съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, когда извозный промыселъ все больше и больше падаетъ. Все это создаетъ матеріальную почву для такихъ артелей, въ которыхъ нѣсколько хозяевъ соединялись бы для пріобрѣтенія лошадей и совмѣстнаго пользованія ихъ рабочей силой. Въ Малороссіи существуетъ такое соединеніе рабочихъ силъ, хотя и не въ видѣ артелей, а въ видѣ зачаточной формы ихъ—обработки „супрягой“: глубокая вспашка плугомъ требуетъ здѣсь пары воловъ, поэтому тѣ хозяева, которые имѣютъ по одному волу, соединяютъ ихъ для означенной цѣли вмѣстѣ; иногда соединяются для этого даже три и болѣе хозяйствъ. Въ Херсонской губерніи такихъ хозяйствъ считается до 50%. Можетъ быть это обстоятельство является благопріятнымъ для развитія артелей,

которое теперь тамъ наблюдается. Мысль объ этихъ артеляхъ возникла однако не изъ наблюденія существующей „супряги“, а изъ желанія доставить возможность заниматься хозяйствомъ тѣмъ крестьянамъ, у которыхъ существуетъ недостатокъ въ средствахъ производства. Разъ выдаются деньги въ ссуду подъ условіемъ, что хозяева должны соединиться въ артели, то это побуждаетъ ихъ къ такому соединенію. Существуютъ у насъ земледѣльческія артели еще въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Въ 1891 году, когда процентъ безлошадныхъ дошелъ до 38%, уѣздная земская управа пришла къ мысли выдавать ссуды на покупку лошади тѣмъ хозяевамъ, которые соединятся въ артели. Многіе изъ такихъ артелей представляютъ только временное явленіе: нѣкоторые хозяева, оправившись, выходятъ и начинаютъ вести самостоятельное хозяйство; но бывали случаи, что и зажиточные крестьяне вступали въ такія артели. Большей частью артели состоятъ здѣсь изъ 6 домохозяевъ, со старостой, имѣютъ не менѣе 7 десятинъ подъ посѣвами. Полученный урожай, какъ и орудія производства, сѣмена и инвентарь составляютъ собственность всей артели. Изъ урожая отдѣляется часть подъ посѣвы, другая на продажу для погашенія ссуды, затѣмъ на разные платежи и, наконецъ, часть въ запасъ на случай неурожая. Начавшись въ Шадринскомъ уѣздѣ, такія артели стали возникать и въ другихъ уѣздахъ Пермской губерніи. Такимъ образомъ, мы и въ Россіи встрѣчаемъ производительныя артели: онѣ вызваны матеріальными условіями, тѣми хозяйственными выгодами, которыя даетъ соединеніе въ артели, а это можетъ служить основаніемъ для ихъ развитія при благопріятныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что развитіе ассоціацій изъ мелкихъ хозяйствъ имѣетъ въ сельскомъ хозяйствѣ больше шансовъ, чѣмъ въ обработывающей промышленности, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ соединяющіеся въ артели хозяева имѣютъ, кромѣ собственной рабочей силы, составляющей единственное достояніе рабочихъ въ обработывающей промышленности, еще землю и орудія производства, хотя часто въ недостаточномъ количествѣ,

но иногда въ такомъ именно, которое, являясь недостаточнымъ для отдѣльнаго хозяйства, оказывается уже достаточнымъ для сельскохозяйственныхъ работъ при соединеніи хозяйствъ, какъ, наприм., въ случаѣ соединенія рабочаго скота.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что артели, хотя бы получили и болшое развитіе, чего пока еще нѣтъ, могли составить панацею отъ всякихъ экономическихъ неурядицъ. Все ихъ значеніе (правда крупное) заключается въ томъ, что онѣ способствуютъ соединенію труда, вырабатываютъ навыкъ, привычку къ организаціи; индивидуальное хозяйство, несоотвѣтствіе котораго съ современными рыночными условіями было указано мною, при артеляхъ пріобрѣтаетъ уже на сознательной почвѣ тотъ общественный характеръ, къ которому идетъ оно и въ силу техническихъ условій и въ силу того болѣе тѣснаго общенія людей, къ какому ведетъ и развитіе путей сообщенія, какъ это было отмѣчено въ одной изъ первыхъ лекцій.

XII Заключеніе.

Въ общихъ чертахъ, насколько то позволяло время, я изложилъ болѣе выдающіяся явленія нашей сельскохозяйственной жизни. Приниматься за новый отдѣлъ не приходится, да въ сущности, кромѣ отдѣла о хлѣбной торговлѣ, я прочиталъ всѣ отдѣлы, которые обыкновенно вводятся въ курсъ сельскохозяйственной экономіи, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности къ концу курса, къ сожалѣнію приходилось касаться весьма поверхностно, бѣгло и отрывочно. По той же причинѣ, т.-е. по недостатку времени не приходилось останавливаться на параллели между условіями сельскаго хозяйства въ Россіи и въ другихъ странахъ. Послѣднее представляло затрудненія еще въ томъ отношеніи, что трудно сказать, чтобы существовала экономія сельскаго хозяйства всѣхъ странъ вообще: можетъ существовать только экономія сельскаго хозяйства русскаго, напр., американскаго, или цѣлой группы странъ, стоящихъ въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Это относится не только къ экономіи сельскаго хозяйства, но и ко всякой вообще прикладной экономіи. Но параллели важны были бы просто въ видахъ бо́льшаго уясненія явленій нашей жизни; къ сожалѣнію, опять таки время позволяло останавливаться на нихъ только очень рѣдко и бѣгло.

Перейду теперь къ тому, чтобы свести все, что приходилось говорить въ теченіе курса объ условіяхъ русскаго сельскаго хозяйства.

Говоря о международномъ обмѣнѣ, я указывалъ, что при

условіяхъ сбыта продуктовъ земледѣльческаго хозяйства каждая страна подчинена общимъ условіямъ международнаго рынка. Это обстоятельство ставитъ сельское хозяйство каждой страны въ положеніе несравненно болѣе неустойчивое, чѣмъ обработывающую промышленность. Послѣдняя вылилась въ нѣчто грандіозное, она стоитъ въ такомъ положеніи, что побѣждаетъ та страна, которая можетъ производить дешевле. То же, конечно, и для сельскаго хозяйства: кто производитъ дешевле, тотъ сильнѣе и тотъ прочнѣе стоитъ на международномъ рынкѣ. Но на этомъ и кончается сходство. Самыя же условія, при которыхъ достигается болѣе дешевое производство, различны въ обработывающей промышленности и въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ первой, т.-е. въ обработывающей промышленности, кто умѣлъ лучше примѣнить машинное производство, тотъ въ единицу времени выработаетъ больше и выйдетъ побѣдителемъ своихъ конкуррентовъ, не умѣвшихъ воспользоваться такой удачной комбинаціей въ производствѣ. Иначе въ сельскомъ хозяйствѣ: здѣсь дешевле обходится продуктъ въ странахъ наиболѣе молодыхъ, гдѣ трудъ дешевле, а почва богаче. На международномъ рынкѣ появляются продукты разныхъ странъ: какъ тѣхъ, гдѣ требуется интензивная культура, съ значительнымъ приложеніемъ труда и капитала, такъ и тѣхъ, гдѣ хорошій урожай получается при сравнительно небольшой затратѣ того и другого. Пока не было удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, предполагалось, что каждая страна должна стремиться обезпечить себѣ продукты сельскохозяйственнаго производства своими собственными средствами, и всякая необходимость ввоза извнѣ хлѣба считалась нежелательной, такъ какъ полученіе такихъ продуктовъ изъ другихъ странъ, гдѣ они даже дешево стоили, обходилось дорого вслѣдствіе большихъ расходовъ по перевозкѣ. Но съ развитіемъ парового транспорта, полученіе продуктовъ, не выдерживавшихъ раньше перевозки, стало обходиться значительно дешевле. Это обстоятельство сдѣлало для странъ, съ крупной капиталистической промышленностью, съ извѣстной плотностью населенія невыгоднымъ приложеніе капитала

къ обработкѣ земли; получается здѣсь упадокъ земледѣльческаго хозяйства, который сильнѣе выражается по отношенію къ крупному землевладѣнію. Таково положеніе крупнаго хозяйства, которое непремѣнно должно считаться съ условіями рынка, такъ какъ все крупное производство разсчитано на рынокъ. Но кромѣ этого, положеніе крупнаго сельскаго хозяйства на рынкѣ является крайне неустойчивымъ потому еще, что крайне неустойчивы цѣны на хлѣбъ, и за послѣднія 10 лѣтъ замѣчается тенденція къ пониженію этихъ цѣнъ. Много странъ, не участвовавшихъ раньше въ качествѣ производителей на международномъ рынкѣ, теперь появляются здѣсь оттуда, гдѣ хорошій урожай получается при сравнительно незначительной затратѣ труда и капитала. Къ этимъ колебаніямъ въ цѣнахъ, происходящимъ отъ появленія на международномъ рынкѣ новыхъ конкуррентовъ, присоединяются еще колебанія, совершающіяся въ каждой странѣ, въ зависимости отъ климатическихъ и другихъ неустойчивыхъ въ земледѣліи условій. Все это дѣлаетъ непостоянной прибыль въ земледѣліи.

Но при всѣхъ этихъ условіяхъ положеніе мелкаго хозяйства поставлено болѣе выгодно, такъ какъ оно не стоитъ въ такой тѣсной зависимости отъ рынка. Въ мелкомъ хозяйствѣ производство разсчитано по преимуществу на удовлетвореніе собственныхъ потребностей, почему рыночныя цѣны для него не имѣютъ такого огромнаго значенія; болѣе важна для него не цѣна, а количество продуктовъ, на сколько ихъ хватитъ. Но такая независимость отъ условій рынка и для мелкаго хозяйства не можетъ считаться абсолютной: въ извѣстномъ отношеніи рынокъ и на него дѣйствуетъ, такъ какъ большую или меньшую часть продуктовъ и ему приходится отчуждать.

Далѣе, климатическія условія создаютъ такое положеніе, что вести земледѣльческое хозяйство круглый годъ представляется невозможнымъ, а потому приложеніе капитала, въ видѣ машинъ и дорогихъ орудій, не всегда представляется выгоднымъ, такъ какъ капиталъ этотъ невозможно эксплоатировать цѣлый годъ. Если бы всѣ страны произво-

дили въ одинаковыхъ условіяхъ, то онѣ могли бы вводить въ цѣну сельскохозяйственнаго продукта ту потерю, которую несутъ сравнительно съ обработывающей промышленностью. Но этому препятствуютъ, съ одной стороны, различныя въ разныхъ странахъ климатическія условія, неравная продолжительность рабочаго періода въ земледѣліи, почвенныя условія, а съ другой—условія снабженія рынка, поставленныя теперь не такъ, какъ раньше, при отсутствіи современныхъ путей сообщенія. Раньше сбытъ на рынокъ пріурочивался къ концу жатвы. Теперь же нѣтъ мѣсяца на международномъ рынкѣ, когда не было бы жатвы. Поэтому въ этомъ отношеніи международный рынокъ для сельскохозяйственнаго производства поставленъ въ такія же условія, какъ и для обработывающей промышленности. Это выгодно для потребителей, такъ какъ нѣтъ такихъ колебаній въ цѣнахъ вслѣдствіе предыдущаго урожая или неурожая въ той или другой странѣ. Но это не выгодно для капиталиста сельскаго хозяина, такъ какъ теперь онъ не можетъ установить цѣну, которая была бы монопольной по отношенію къ продуктамъ обработывающей промышленности.

Наконецъ, еще одно обстоятельство тормозитъ крупное земледѣльческое хозяйство: это — невозможность держать круглый годъ такое количество рабочихъ, какое требуется въ горячую пору. А въ этотъ послѣдній моментъ не всегда возможно добыть ихъ въ необходимомъ количествѣ, такъ какъ, не находя себѣ постоянныхъ занятій въ земледѣліи, они уходятъ въ обработывающую промышленность. Отсюда—жалобы хозяевъ на недостатокъ и дороговизну рабочихъ, хотя земледѣльческій трудъ оплачивается дешевле, чѣмъ фабричный.

Этими условіями и объясняется, почему капитализмъ получаетъ въ примѣненіи къ земледѣлію совершенно другую форму. Капиталъ не служитъ здѣсь для непосредственнаго приложенія къ земледѣлію. Онъ направляется не столько на предпринимательскія цѣли для веденія сельскаго хозяйства, сколько для сосредоточенія подъ его господствомъ земель, обработка которыхъ затѣмъ производится за счетъ мелкихъ

арендаторовъ-батраковъ. Самое же сосредоточеніе земель, являющееся основой созданія массы безземельныхъ рабочихъ, нужныхъ для приложенія капитала въ обработывающей промышленности, служитъ лишь для болѣе широкаго развитія этой послѣдней. „Мораль исторіи... заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ *рациональному* земледѣлію, или что раціональное земледѣліе не совмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и способствуетъ техническому его развитію) и требуетъ рукъ или самостоятельно работающихъ мелкихъ крестьянъ или контроля объединившихся производителей“ („Капиталъ“, т. III, стр. 83 русск. изд.).

Такимъ образомъ мы видимъ, что обыкновенно крупные собственники либо совсѣмъ не обработываютъ своихъ земель, либо только часть, другую же сдаютъ въ аренду. Если мы обратимся къ Россіи, то въ огромномъ большинствѣ имѣній значительная часть земли сдается въ аренду, при чемъ у насъ распространенъ наименѣе удовлетворительный типъ аренды, болѣе приближающійся, какъ я уже говорилъ, къ ирландской арендѣ, чѣмъ къ англійской. Заложенность частнаго землевладѣнія также, какъ я старался показать, не случайность, а результатъ всѣхъ неблагопріятныхъ для сельскаго хозяйства условій.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что для капитализма земледѣліе представляетъ мало благопріятную почву. На основаніи наблюденій надъ современнымъ состояніемъ сельскаго хозяйства въ Россіи и въ другихъ странахъ, мы должны прійти къ заключенію, что развитіе сельскаго хозяйства при помощи крупнаго капиталистическаго производства не имѣетъ за собой достаточныхъ данныхъ. Развитіе крупной земельной собственности не можетъ ставиться цѣлью тѣмъ болѣе, что крупное землевладѣніе ставитъ въ невыгодное положеніе и мелкія хозяйства, заставляя ихъ арендовать землю на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, т.-е. съ цѣлью только прокормить себя, а не вводить какія-либо улучшенія въ хозяйствѣ.

Кромѣ этихъ причинъ, улучшеніе положенія у насъ мелкихъ хозяйствъ представляется необходимымъ еще потому,

что мелкое землевладѣніе занимаетъ бо́льшую площадь, чѣмъ крупное, если не считать, конечно, земель казны и удѣловъ. Слѣдовательно, наиболѣе распространенную форму приложенія труда въ сельскомъ хозяйствѣ представляетъ у насъ мелкое хозяйство. Останавливаясь на мелкомъ землевладѣніи, необходимо обратить вниманіе на условія аренды, которая въ настоящее время у насъ: 1) дорога, такъ какъ производится изъ нужды, и 2) краткосрочна, большей частью на годъ, что исключаетъ возможность прочныхъ улучшеній въ хозяйствѣ. Отсюда необходимымъ является урегулировать арендныя отношенія такъ, какъ это въ послѣднее время сдѣлано въ Ирландіи: государство нашло нужнымъ установить такія условія сдачи земель, которыя обезпечиваютъ, при исправномъ платежѣ, долговременное пользованіе. Обратить вниманіе на мелкое землевладѣніе и условія благопріятныя въ немъ для веденія сельскаго хозяйства необходимо еще потому, что такое хозяйство производитъ прежде всего для собственныхъ потребностей и становится въ меньшую зависимость отъ рынка, а слѣдовательно, за удовлетвореніемъ одной изъ главныхъ потребностей въ пищѣ, будетъ менѣе подвержено разнымъ случайностямъ. Но отдѣльныя, разрозненныя мелкія хозяйства являются безсильными и недостаточно устойчивыми, въ силу условій, на которыя я уже указывалъ въ одной изъ предыдущихъ лекцій. Однимъ изъ такихъ неблагопріятныхъ условій является то обстоятельство, что мелкій землевладѣлецъ, владѣющій землей на личномъ началѣ, разъ у него мало средствъ, рискуетъ, при плохихъ урожаяхъ, разстроить свое хозяйство, а такъ какъ капиталъ стремится къ землѣ, чтобы расширить поле своего дѣйствія, то онъ и старается скупать земли, чтобы обратить вмѣстѣ съ тѣмъ ея прежнихъ владѣльцевъ въ арендаторовъ или батраковъ. Но превращеніе у насъ значительной части населенія въ сельскихъ батраковъ, т.-е. въ рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ экономіяхъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ стоитъ теперь повсюду крупное сельское хозяйство, представляется немыслимымъ. Обращеніе значительной части обезземеленныхъ въ фабричныхъ рабочихъ тоже, какъ было уже ука-

зано, невозможно. Слѣдовательно экономическіе интересы, какъ массы населенія, такъ и государства въ цѣломъ, требуютъ сохраненія за населеніемъ земли. Съ этой точки зрѣнія такой институтъ, какъ общинное землевладѣніе, имѣетъ большое государственное значеніе, такъ какъ, если-бы оно даже не избавляло нѣкоторыхъ домохозяевъ отъ необходимости оставлять землю, то все-таки ихъ потомки не лишаются возможности прилагать къ ней свой трудъ, и такимъ образомъ земля сохраняется за массой населенія. При этихъ условіяхъ возникаетъ лишь вопросъ, есть ли у насъ почва для существованія общиннаго землевладѣнія. Мы знаемъ, что институтъ этотъ существовалъ и въ другихъ странахъ и исчезалъ тамъ отчасти естественно, отчасти, какъ наприм. въ Англіи, насильственно. Но условія существованія общиннаго землевладѣнія у насъ не тѣ-же, что на Западѣ, и при томъ не въ силу какихъ-то *особенностей общиннаго духа*, который существовалъ и у другихъ народовъ, пока у нихъ существовала община, а въ силу *особенностей историческаго момента*, при которомъ она теперь существуетъ у насъ. Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти особенности не благопріятствуютъ ея сохраненію. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что существованіе ея—въ интересахъ массы населенія и въ интересахъ правильнаго развитія земледѣлія, которому, какъ это теперь выяснилось, не благопріятствуетъ крупное землевладѣніе не на общинномъ началѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что цѣлыя общины переходятъ отъ одной системы земледѣлія къ другой. А разъ переходъ совершается не только *при* общинномъ землевладѣніи, но даже *при помощи* его, то, слѣдовательно, существуютъ основанія, дѣлающія эту форму жизнеспособной и въ смыслѣ успѣховъ земледѣлія, не говоря уже о способности ея переходить въ иныя болѣе совершенныя формы, что очень существенно. Матеріальныя условія, которыя вели къ разложенію общиннаго землевладѣнія въ другихъ странахъ, въ Россіи встрѣчаются не въ такой мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что при тѣхъ условіяхъ, при какихъ развивалась капиталистическая промышленность на Западѣ, необходимо было обезземеленіе

чтобы получить достаточное количество рабочихъ рукъ для этой промышленности. Я указывалъ, что условія, при которыхъ развивался капитализмъ въ Англіи и Германіи, были не одни и тѣ же, а отсюда и послѣдствія получились неодинаковыя. Для Англіи, которая могла въ то время обнять почти одна весь международный рынокъ, важно было обезземелить возможно больше населенія. И дѣйствительно, тамъ уничтожилась не только община, но и крестьянство; тамъ есть только сельскіе рабочіе. Въ Германіи и во Франціи, гдѣ капитализмъ не могъ развиться такъ быстро и широко, какъ въ Англіи, сохранилась значительная часть крестьянскаго населенія, хотя уничтожилось общинное землевладѣніе. Еще уже сфера развитія капитализма у насъ. Нельзя отрицать, конечно, что онъ у насъ развивается. Но условія нѣсколько иныя: онъ началъ развиваться въ Россіи при сравнительно высокой уже техникѣ производства. На Западѣ капиталистическое развитіе началось при мануфактурномъ производствѣ, которое требовало большого количества рабочихъ. Оторванные отъ земли, они находили себѣ занятіе въ мануфактурномъ производствѣ. У насъ послѣднее почти не переживалось, или—въ весьма слабой степени при крѣпостномъ правѣ. Съ отмѣной его наша обрабатывающая промышленность сразу попала въ машинное производство. Поэтому число рабочихъ относительно населенія даже падаетъ. Наше капиталистическое производство, съ одной стороны, не нуждается въ такомъ большомъ количествѣ рабочихъ рукъ, какъ то было въ другихъ странахъ, съ другой — не имѣя такихъ обширныхъ внѣшнихъ рынковъ, должно опираться на внутренній рынокъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія наша капиталистическая обрабатывающая промышленность заинтересована въ сохраненіи мелкаго крестьянскаго хозяйства, въ его развитіи, такъ какъ оно создаетъ для нея внутреній рынокъ. Но этотъ внутренній рынокъ можетъ быть обширенъ и создать почву для сбыта произведеній обрабатывающей промышленности только въ томъ случаѣ, если онъ представляется *массой* населенія и при томъ пользующейся благосостояніемъ, развивающей свои потребности, а масса можетъ быть такой лишь въ томъ случаѣ, если за

крестьянствомъ обезпечено владѣніе землей. Этому-то и можетъ служить общинное землевладѣніе прочнѣе, чѣмъ всякая другая форма землевладѣнія, не считая государственнаго.

Таковы выводы, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе чисто-экономическихъ условій нашихъ. Если мы обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что какъ будто бы въ этомъ направленіи складываются и наши порядки. Я уже указывалъ, что, по новому уставу Крестьянскаго банка, заложенныя въ Дворянскомъ банкѣ земли могутъ безъ всякихъ торговъ поступать прямо въ распоряженіе Крестьянскаго банка, отъ котораго могутъ ихъ пріобрѣтать крестьяне. Для расширенія крестьянскаго землевладѣнія этой мѣры еще, конечно, недостаточно, но изъ нея во всякомъ случаѣ можно видѣть, какой классъ намѣчается государствомъ, какъ наиболѣе способный къ тѣсной связи съ землей. А такъ какъ различные факты государственной жизни представляютъ отраженіе экономическихъ потребностей народа, то въ такихъ предначертаніяхъ нельзя не видѣть указаній на боль или меньшую *жизнеспособность того или другого класса населенія. Сложатся ли наши экономическіе порядки такъ или иначе, будетъ зависѣть отъ того, какія силы получатъ преобладаніе. Съ другой стороны, въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время интересы нашей капиталистической обрабатывающей промышленности совпадаютъ съ интересами крестьянскаго хозяйства*, и въ такомъ случаѣ интересы нашего капитализма въ сферѣ обрабатывающей промышленности побуждаютъ его до извѣстныхъ предѣловъ содѣйствовать сохраненію крестьянскаго землевладѣнія, а слѣдовательно и общины, поскольку она является оплотомъ послѣдняго. *Дальше, конечно, эти интересы могутъ совершенно разойтись.* Но здѣсь уже дальнѣйшій путь нашего экономическаго развитія будетъ находиться въ зависимости отъ того, *насколько до тѣхъ поръ интересы массы населенія будутъ сознаны самимъ населеніемъ*, а это сознаніе находится въ самой тѣсной зависимости какъ отъ того, насколько высоко будетъ поддерживаться уровень экономическаго благосостоянія массы населенія, такъ и отъ того, насколько широко и глубоко будетъ проникать въ массу населенія просвѣщеніе.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
3	21 сверху	представляющей	представляющую
17	20 „	въ всѣхъ	во всѣхъ
17	21 „	сосостоянии	состояніи
42	9 снизу	оне обходимости	о необходимости
59	11 „	по приложенной здѣсь	по приложенной въ изданіи для Чикагской выставки
65	6 „	уровнѣ	урожаѣ
76	8 „	это, а	а это,
78	4 сверху	производительнаго	производимаго
100	10 снизу	экономію	практику
105	15 „	въ началѣ	въ концѣ
106	5 сверху	нѣкогда сколько	когда нѣсколько
107	8 снизу	надѣденнаго	надѣленнаго
107	2 „	что передѣлы	что во многихъ общинахъ передѣлы
110	7 „	помогутъ связаны	могутъ быть связаны.